

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1986

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ—1986

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Ш. Х. АКБАЕВ

О ПРИЧИНАХ РЕДУКЦИИ ГЛАСНЫХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В современных лингвистических исследованиях различных языков мира отмечается универсальное проявление тенденции к ослаблению гласных звуков, их количественному сокращению, а нередко в определенных позиционных условиях и к полному выпадению. Проявление этой тенденции в языках разных систем различно. Давно замечена закономерная связь между подъемом гласных и степенью их подверженности редукции: в одних языках редукции больше подвержены узкие гласные, в других—широкие.

Исследователи современных тюркских языков и диалектов единодушно отмечают слабую сопротивляемость редукции узких гласных и устойчивость широких. Индоевропейцы же пишут об обнаружении ими обратной имплицативной связи: чем ниже подъем гласного, тем он легче ослабляется, чем выше подъем—тем он устойчивее [см.: 27, с. 72]. Это полностью относится к характеристике безударного вокализма современного русского языка и его диалектов, где редукции подвергаются лишь гласные неверхнего подъема (широкие) *а, о, е*, гласные же верхнего подъема (узкие) *и, ы, у* весьма устойчивы¹.

В диахроническом плане разные зависимости отмечаются и внутри одной группы языков.

Известно, что на прошлых этапах развития тюркских языков сокращению подвергались узкие и широкие долгие гласные, ср. не только *qŷs > qyz 'девочка, дочь', но и *qās > qaz 'гусь' и т. д. Из истории индоевропейских языков известно, что редукции и последующему выпадению подвергались и узкие гласные. Так, индоевропейские **i* и **u* в праславянском изменились в редуцированные *ь* и *ъ*, которые позже во всех славянских языках в слабых позициях исчезли вовсе, ср. **gostis* > др.-русс. *гость* > русск. *гост'* (лат. *hostis*), **sūnūs* > др.-русс. *сынѡ* > русск. *сын* (лит. *sūnūs*). В истории русского языка конечные безударные узкие выпадали часто: *кричати* > *кричат'*, *идеши* > *ид'ош*, **mater* > *мати* > *мат'*; ср. также др.-инд. *bharanti* ~ лат. *ferunt* 'несут', греч. *esti* ~ др.-русс. *есть* ~ лат. *est* ~ нем. *ist* ~ русск. *ест'*.

Следовательно, при изучении причин редукции гласных необходимо учитывать признак их подъема, но основное внимание все же должно быть сосредоточено на выявлении фонетических и морфологических ус-

¹ Это расхождение — один из источников фонетической интерференции в русской речи носителей тюркских языков.

ловий, в которых совершается редукция часто с последующим выпадением гласных.

Общая черта этих условий в современных тюркских языках — положение узкого гласного в безударной позиции, за исключением, кажется, туркменского языка [21, с. 5].

Процесс редукции узких гласных в диалектах карачаево-балкарского языка не знает особых дистрибутивных ограничений, однако особой активностью он отличается в соседстве с сонантами *r, l, m, n, ɳ, j* и близкими к ним *z, ʁ*, а также *ʃ, ʂ, s* и др.:

y > ŷ: *ŷzla* 'идти по следу', *qŷraŷ* 'иней', *qŷruŷ* 'журавль', *bŷlaj* 'так', *qaltra* 'дрожать', *ekisi* 'двое из них', *kelige* 'приходить' (<*kelirge*) и др.;

u > ū: *būzow* 'теленки', *bŷrow* 'оковы', *tŷrnala* 'журавли', *bŷlut* 'облако', *oltŷrub* 'сидя', *topŷraq > topraq ~ tofraq* 'земля, почва', *qoŷŷraŷ ~ qoŷŷrow* 'колокольчик';

ü > ū: *kökürek > kökrek* 'грудь', *köŷgŷb* 'переселив', *bölünüb* 'отделившись', *küzgŷ* 'зеркало', *töğŷledi* 'выливается'.

В диалектах близкородственного караймского языка в таких же фонетических условиях редуцируются узкие гласные: *astyru > astru* 'очень', *yltyra > yltra* 'блестеть', *jaltyra > jaltra* 'сверкать', *qaltyra > qaltra* 'дрожать', *aldylar > aldlar* 'они взяли', *ekisi > eki* 'оба', *ekiŷer > ekŷer* 'по два' [20, с. 60].

В аналогичных условиях происходит редукция узких гласных в диалектах азербайджанского языка: *bŷŷax || bŷŷaŷ* 'нож', *xŷna* 'хна', *kiŷi* 'человек', *tiŷi* 'самка', *gäldilär* 'они пришли', *bŷtax* 'ветка', *bŷzoj* 'теленки', *bŷxo* 'оковы' [31, с. 30—31], *bŷzö* 'теленки', *üzünüz* 'вы сами' [26, с. 20—22], *bŷxow || bŷxaw* 'оковы', *jölŷmuz* 'наша дорога' [22, с. 17].

Процесс редукции узких гласных ярко проявляется в диалектах тюркских языков восточного ареала, например, хакасского языка: *aɣɣɯn* 'медленно' (ср. к.-б. *aɣɣɯn*), *azga* 'кормить', *toɣraɣ* 'почва', *qɣo* 'иней' [14, с. 211], *xɣo*, *xɣow*, *xga* 'иней', *pzo ~ pza* 'теленки' [33 с. 66, 67].

В тувинском языке: *qylɯp* 'проделываться'—*qɯnpɯɣ* 'проделается'—*qɯnpɯɣ* 'проделавшись', *boluŷ* 'помогать'—*bolŷur*—*bolŷur* и т. д. [15, с. 43—46].

В диалектах алтайского языка наблюдаются две разновидности редукции. Первая из них ничем не отличается от общетюркского процесса: узкие безударные гласные в позиции перед сонантами редуцируются до полного выпадения, ср. куманд. *qlaŷ < qulaŷ* 'сажень', *qulpaŷ < quluŷ* 'жеребенок' [8, с. 19]. Что касается второй, то она по своему характеру, на первый взгляд, противоречит утверждению о подверженности редукции в тюркских языках только узких гласных. Однако редукция широких гласных (наряду с узкими) в алтайских диалектах обусловлена отнюдь не качеством (по подъему) гласных, а особыми фонетическими и прежде всего—морфологическими условиями. Редукция обусловлена: 1) выпадением интервокальных согласных и — как следствие этого — необходимостью стяжения двух оказавшихся рядом гласных и 2) изменением (морфологическим) аффиксальных морфем, в состав которых входят эти гласные. Остановимся на этом подробнее:

1) вследствие выпадения согласных *ɣ(g), lɣ, l, n, ɳ* окружающие их гласные, независимо от их подъема, подвергаются стяжению в один звук, ср. *asɣaɣaɳ (> asɣaɳ) > asɣaɳ* 'он накормил'; *kelbegenŷe (> kelbenŷe) > kelbenŷi* 'пока он не пришел';

2) вследствие изменения или полного исчезновения деепричастных аффиксов *-ɣɯp || -ip, -a || -el || -j* слова значительно сокращаются: *alpen < alɣp kelgen* 'он принес', *kir kel < kirip kel* 'войди', *qadaryn < qadaryp ɳatqan* 'ожидающий', *alɣɣrsam < alɣp baɣɣp saɣaɳɯm* 'я проводил' [8, с. 35—36].

Данный процесс относится к морфологическому уровню, поскольку охватывает вполне определенные морфологические элементы — аффиксы *-yaŋ*, *-yp||-ip*, *-a||-e||-j* и связан с их разрушением или употреблением вспомогательных глаголов типа *al-*, *čat-||dbat-*, *ij-*, *kel-*, *sal-*, *ber-* либо двух вспомогательных глаголов. Процесс разрушения аффиксов и слияния вспомогательных глаголов с основными встречается и за пределами алтайских диалектов, ср. к.-б. малк. *alɣujim* < *alɣaŋ edim* 'я взял (тогда)', *alsyjiŋ* < *alsa ediŋ* 'если бы ты взял' и т. д. Эти процессы должны рассматриваться на морфологическом (морфонологическом) уровне.

Возражения против указанного выше тезиса могут вызвать показания уйгурского языка, в котором наряду с узкими якобы редуцируются и широкие гласные, ср. *alma* 'яблоко' — *almisi* 'его яблоко', *žügäk* 'сердце' — *žügügüm* 'мое сердце', *oĵla-* 'думать' — *oĵludum* 'я подумал' [16, с. 370]. Однако эти факты лишний раз подтверждают приведенный тезис, так как здесь широкие гласные, попадая в положение между слабым и сильным ударением, не редуцируются непосредственно, а предварительно переходят в узкие, которые и подвергаются редукции.

Приведенный выше материал, в значительной части гомогенный, свидетельствует о глобальном распространении процесса редукции узких гласных в тюркских языках и (несмотря на наличие отдельных различий по языкам) о значительной временной глубине его возникновения. В связи с этим предстоит решение ряда теоретических проблем, требующих выяснения фонетических и морфологических условий редукции гласных и установления причинной обусловленности данного общетюркского звукового явления, которое Н. З. Гаджиева назвала универсальным [11, с. 13].

1. Исследователями тюркских языков и диалектов определены конкретные фонетические условия, для которых редукция узких гласных является типичной. Выявление причин редукции гласных предполагает: 1) обобщение всех этих определений и 2) установление морфонологических предпосылок ослабления гласных.

1. 1. А. Н. Кононов, характеризуя фонетические условия, в которых происходит редукция (иногда полное выпадение) узких гласных в узбекском языке, выделяет пять групп таких позиций; общей для всех них является безударность гласного: 1) соседство с сонорными и шумными щелевыми; 2) конечный открытый слог; 3) предударный открытый слог разных типов; 4) первый закрытый предударный слог перед двумя глухими согласными; 5) перед *r*, *l*, *z*, *ʃ* в односложных словах [18, с. 44—45].

М. Ш. Ширалиев подробно описывает фонетические позиции, в которых узкие гласные подвергаются заметной редукции: 1) первый безударный слог корня; 2) последующие слоги при условии переноса ударения с основы на присоединяемый к ней аффикс, при этом узкие гласные редуцируются в позиции: а) между сонантами, б) между сонантом и шумным, в) между различными шумными согласными [31, с. 30; 32, с. 18]. М. Исламов установил такие же фонетические условия редукции узких гласных [13, с. 11—12]. Другие исследователи диалектов азербайджанского языка как неперемutable условие редукции узких гласных называют открытость слога [22, с. 16—17; 26, с. 19—20].

А. М. Щербак наиболее благоприятными для редукции, а также полного выпадения узких гласных условиями, в которых отчетливо проявляется различие (в количественном отношении) широких и узких гласных, считает положение узких гласных во втором безударном слоге рядом с сонантом [33, с. 67].

Н. А. Баскаков подчеркивает роль сонорного соседства в алтайских

диалектах [8, с. 19] и не придает особого значения сонорному окружению при редукции узких гласных в каракалпакском языке, зато отмечает конкретное положение их в первом слоге двусложного слова и перечисляет сочетания «взрывной+спирант» (*ps, ts, ks, qs, pš, tš*) или «спирант+взрывной» (*sp, st, sk* и т. д.): *pisti* 'он созрел' и др. [7 с. 42].

К. М. Мусаев также считает, что главное условие ослабления и выпадения узких гласных в караимском языке — это их безударное положение, окружение же может быть самым различным [20, с. 60].

Л. А. Покровская, наоборот, на первый план выдвигает положение узких гласных между сонантами или хотя бы рядом с одним сонантом или *ž* и во всех случаях в безударной позиции [24, с. 46].

Позиции, в которых происходит редукция и полное выпадение узких гласных в тувинском языке, получили оригинальную трактовку у Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха. Она носит фонетико-морфологический характер: помимо просодической и дистрибутивной характеристики изучаемое явление рассматривается ими на уровне слогов и морфем [15, с. 41—45].

1. 2. Сравнение приведенных определений и анализ материала дают основание полагать, что узкие гласные больше подвержены редукции (и, далее—выпадению):

1) в соседстве с сонантами (в особенности перед ними), хотя соседство с шумными типа *γ, š, č* и другими также не исключают редукцию узких гласных. При этом процесс редукции вплоть до полной утраты узких гласных особенно интенсивно происходит рядом с ударным слогом (в предударном или заударном слове), ср.: (к.-б. а) *aldyla(r) > aldŷla(r)* 'они взяли', *alyrla > alŷrla > al(ŷ)la* 'они возьмут'; б) *alady > alat* (осн.) ~ *ala* (м.) 'он берет'; *aladyla(r) > alalla(r)* 'они берут'; *alyandy > alŷant* (осн.) ~ *alŷan* (м.) 'он взял'; *alyandyla(r) > alŷalla* 'они взяли'; *allyqdyla(r) > allyqla* 'они возьмут', *bojunu > bojnu* 'его шея', *ojun* 'игра'—*ojna* 'играть';

2) в слове, за которым следует слог с широким гласным (по-видимому, компенсирующим ослабление узкого гласного предшествующего слога), ср.: к.-б. *žilek* 'земляника', но *žilik 1)* 'трубчатая кость', 2) 'костный мозг'; о существовании подобной компенсирующей связи достаточно ярко говорят данные уйгурского языка: утрата редуцированного гласного второго слога основы приводит к расширению гласного первого слога, ср.: *beyir* 'печень'—*baγum* 'моя печень', *seriq* 'желтый'—*saγajmaq* 'желтеть' [16, с. 370];

3) определенную роль играют и сочетания согласных, причем сочетания, стоящие рядом с узкими гласными, не препятствуют, а сочетания, отделенные от узких гласных другими звуками, способствуют редукции узких (при этом степень отдаленности от ударения не играет роли), ср.:

	Сочетания согласных рядом с узкими гласными	Сочетания согласных в последующих слогах
к.-б.	<i>aldŷla</i> 'они взяли'	<i>tŷšynda</i> 'снаружи'
	<i>sybŷzγu</i> 'дудка'	<i>čŷmyrta</i> 'хворост'
	<i>qaltŷra-</i> 'дрожать'	<i>segiziniči</i> 'восьмой'
	<i>qŷzγanč</i> 'скупой'	<i>birinči</i> 'первый'

2. 1. Говоря о таком звуковом явлении, как редукция гласных (как, впрочем, и о любом другом языковом изменении), необходимо различать условия, в которых оно совершается, и причины, его вызывающие.

По поводу причинности языковых изменений в литературе высказываются различные мнения, начиная от отрицания причин или неверия

в возможность их выявления (сторонники имманентной теории языка) и кончая признанием их плюрализма (многие компаративисты) [см.: 27].

Материалистическая теория признает причины возникновения и эволюции языка идентичными. Естественный язык возникает под действием внеязыковых факторов: «Подобно сознанию, язык возникает из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [1, с. 29]. «Коротко говоря, — писал Ф. Энгельс, — формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган» [2, с. 489].

Изменения в языке, по-видимому, тоже обусловлены измененными потребностями общения. Увеличение объема этих потребностей (по мере развития производительных сил, усложнения производственных отношений, развития мышления) приводит к расширению семантического пространства языка, его дроблению, что неизбежно делает необходимым увеличение дистинктивных элементов системы, изменение и усложнение сетки их отношений.

Звуковые изменения, как и всякие другие изменения в языке, причинно обусловлены. «В лингвистической литературе, — отмечает Б. А. Серебренников, — нередко приводятся универсалии, причинно не обусловленные. Многие современные исследователи ограничиваются только формулировками обнаруженных ими лингвистических универсалий, не вдаваясь в выяснение причин, обуславливающих их существование» [27, с. 58]. Справедливость этого упрека очевидна ввиду того, что «грань между фреквенталией и случайностью устраняется (устанавливается? — Ш. А.) только в том случае, когда фреквенталия получает причинное объяснение» [27, с. 59]. В другой работе Б. А. Серебренников выдвинул бесспорно верное требование: «Выяснение причинности языковых изменений является совершенно необходимым, в противном случае история языка превращается в простую констатацию изменений, неизвестно чем вызванных» [23, с. 282]. Еще Аристотель придавал решающее значение установлению первоначальной причины движения: «Совершенно очевидно, что необходимо приобрести знание о первых причинах: ведь мы говорим, что тогда знаем в каждом отдельном случае, когда полагаем, что нам известна первая причина» [5, с. 70].

С точки зрения диалектического метода задача теории состоит не только (и не столько) в перечислении или простом сопоставлении эмпирически наблюдаемых фактов, но и в попытке найти то общее, что объединяет частные, единичные факты, уловить многообразные взаимосвязи явлений, скрытые от исследователя при первоначальном, внешнем, эмпирическом ознакомлении с фактами [12, с. 66].

Эта точка зрения вытекает из положения материалистической диалектики: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя» [3, с. 384].

Теоретические исследования весьма актуальны для тюркологии, накопившей обширный эмпирический материал, глубокое осмысление которого будет способствовать выявлению возможно более широких связей разрозненных фактов и явлений и может явиться «реальным стимулом для дальнейшего повышения профессионального уровня лингвистических исследований в тюркологии» [30, с. 120].

Б. А. Серебренников указывает, что «язык подвержен действию различных тенденций. Каждая тенденция имеет собственный импульс, который часто находится за пределами языковой системы» [27, с. 61]. Следовательно, выяснение причинной обусловленности языковых изменений предполагает различение причин внешних по отношению к структуре языка (первичных) и причин внутренних, структурных.

Поэтому определение позиции (просодическая и дистрибутивная характеристика), в которой происходит то или иное изменение, еще не есть объяснение причин данного изменения, хотя определение позиции — необходимый этап на пути к отысканию первопричины, в роли которой, как указывалось, выступают внешние факторы. Говоря о соотношении внутренних и внешних факторов языковых изменений, Г. В. Колшанский пишет: «При рассмотрении противоречий, свойственных системе и структуре языка, необходимо помнить, что движущее начало этих противоречий выходит за рамки имманентной системы и вырастает вне сферы самого языка. В целом эту сферу мы обозначим как сферу познающего мышления» [17, с. 47].

Выяснение причин редукции гласных с необходимостью предполагает включение этого процесса в ту диахроническую последовательность, в ту эволюционную непрерывность, звеном которой он является. Такая необходимость продиктована методологической установкой, а соответствия с которой объект, взятый сам по себе, в изоляции от общей системы, в которую он объективно входит, плохо поддается постижению его сущности, выявлению его свойств и причинно-следственных отношений.

А. М. Щербак высказал чрезвычайно плодотворную, на наш взгляд, мысль: «В переходе от одного синхронного среза к другому имеют место различные взаимосвязи и зависимости явлений, относительное временное расположение которых образует своего рода систему» [33, с. 186]. Опираясь на это положение, процесс редукции гласных следует рассматривать в диахронической системе. Одни лишь синхронные сравнения иногда достаточно бесплодны.

Редукция гласных относится к той диахронической оси, которую составляют: возникновение первичных долгот в праязыке, последующая их утрата большинством тюркских языков, редукция кратких (нормальных) и выпадение редуцированных гласных.

Происхождение в тюркском праязыке первичных долгот А. М. Щербак объясняет характером слоговой вершины [33, с. 136—137]. Однако вокалическая вершина слога — это не причина, а фонетическое условие, которое при определенных обстоятельствах могло способствовать (не препятствовать) появлению долготы гласных.

В обобщающем труде Б. А. Серебренникова «Вероятностные обоснования в компаративистике» есть раздел с емким названием: «Детерминизм языковой системы не является абсолютным» [27, с. 61]. Его появление не случайно: фонетические условия могут благоприятствовать тому или иному процессу в том случае, когда изменение фонологических отношений в данный момент приводит к появлению причин, возбуждающих этот процесс. Если при наличии условий отсутствует причина, то не происходит и изменения, так же как при отсутствии условий причина сама по себе не может вызвать изменений.

Толчок к появлению первичных долгот могла дать потребность в новых дистинктивных элементах. Потребность создает соответствующие средства; все в языке обусловлено потребностями общения. Потребность в увеличении числа фонологических единиц явилась импульсом для тенденции к удлинению гласных, которая проявилась там, где для этого были наиболее благоприятные условия — в слогах с вокалической вершиной.

Таким образом, возникновение в языке долгих гласных обусловлено внешними факторами — развитием всех форм практической и познавательной деятельности людей, которая приводит к углублению семантической дифференциации, вызывающей и формальную дифференциацию.

ср.: *qys- 'давить, сжимать', но *q̄ys 'девушка, дочь', *qoj 'овца', но *qōj 'пазуха' и т. д.

Появление долгих гласных и фонологическое их противопоставление нормальным связано с тенденцией к формальному различению слов, следовательно, к легкости восприятия, или к экономии умственной энергии при речевом обмене, то есть известным принципом экономии (ПЭ). Некоторые лингвисты ПЭ понимают как однонаправленную тенденцию к максимальному, «планомерному» сокращению языковых элементов [10]. Однако ПЭ — чрезвычайно сложная и противоречивая тенденция, которая может проявляться не только на элементах материальной субстанции, но и на разных участках реляционного каркаса или семантического пространства языка. Она включает в себя стремление к сокращению и удлинению, к изменению и сохранению языковых форм, к проявлению и затемнению семантики, к усилению и ослаблению функции и т. д. В этом проявляется противоречивая сущность языка.

На более позднем этапе развития тюркских языков (по-видимому, по мере удлинения слов, следовательно, расширения возможностей комбинирования фонем) необходимость в количественной оппозиции гласных отпала, вследствие чего под действием того же закона наименьших усилий первичные долготы исчезли. Утрата долгот могла произойти только после их дефонологизации. Р. Г. Ахметьянов этому процессу дает правильное объяснение: исчезновение долгот в последующем обусловлено их ненужностью [6, с. 53].

Дефонологизация долготы гласных открывает широкий простор для действия ПЭ, тем самым для сокращения долгих и последующей редукции кратких (нормальных) гласных и далее выпадения последних в соответствующих фонетических и морфологических условиях. Б. А. Серебренников утверждает, что обязательным следствием устранения различий долгих и кратких гласных является появление различий кратких и редуцированных [27, с. 278—279].

Все эти последовательные процессы вызваны действием ПЭ. «Основной причиной сокращения долгих гласных было стремление к уменьшению физиологических затрат при произношении» [28, с. 14]. И. А. Бодуэн де Куртенэ на основе многочисленных наблюдений сформулировал правило: «Главное направление всех звуковых чисто фонетических перемен выражается стремлением к удобству, следовательно, сокращением (respективе исчезновением) и заменой более трудных звуков звуками более легкими» [9, с. 83].

Следует заметить, что ПЭ нельзя рассматривать узко, как внутренний фактор языковых изменений, ибо это имманентное свойство человеческой природы. Вся история прогрессирующего человеческого труда определяется действием данной тенденции. Действие ПЭ в языке — это лишь частное проявление всеобщей тенденции. Е. Д. Поливанов его определил так: «...реальный состав нашей фонационной деятельности (при речевом обмене) действительно определяется условием минимальной траты производительной энергии, достаточной, однако, для достижения цели говорения (т. е. коммуникации)» [25, с. 82].

Внешние по отношению к структуре языка факторы только вызывают необходимость в конечных результатах изменений, но не определяют их условий и характера. Сами изменения регулируются внутренним механизмом, внутрисистемными отношениями и связями. Действие ПЭ простирается до определенного порога, за которым он встречает противодействие со стороны других тенденций, порождаемых интересами достижения целей общения (взаимопонимания). Поэтому действие ПЭ проявляется на вполне определенных элементах: фонемах, слогах, мор-

фемах, словах, словосочетаниях, семемах, функциях, интонациях и т. д. Задача исследователя — установить их.

В языке всегда можно обнаружить звуковые изменения, ограниченные пределами определенной грамматической категории. Ни в караево-балкарском, ни в караимском языках нет непреложного закона, согласно которому звук *y* (*i*, *u*, *ü*), хотя бы и безударный, непременно должен выпадать. Однако выпадение *y* — одна из характерных их фонетических особенностей. В этом нет ничего удивительного: *y* утрачивается в строго определенном кругу грамматических форм — в формах 3-го лица единственного и множественного числа глаголов и именных предикатов, то есть в аффиксе *-dy*. Это объясняется тем, что именно в этой группе форм действию ПЭ не препятствует стремление к ясности (дифференциации) — в силу ослабления функций аффикса *-dy*.

Приведем примеры: к.-б.: *asady* > *asat* 'он вешает', *asadyla* > *asalla* 'они вешают', *asxandy* > *asxant* 'он повесил', *asxandyla* > *asxalla* 'они повесили', *sabančydy* > *sabančyt* 'он (есть) пахарь'; караим. *aladyr* > *alady* > *alat* 'он берет', *aladylar* > *aladlar* 'они берут' и т. д. [20, с. 60].

Но *y* не выпадает, например, в аффиксе родительного падежа *-ny*: *at-nu-qydy* 'лошади' (притяжательная форма) и т. д., а также во множестве других грамматических форм.

Отсюда ясна необходимость учета и морфологических условий выпадения гласных. Вспомним установку Ф. де Соссюра о том, что «сравнение, которое касается фонетических изменений, всегда должно учитывать и морфологические соображения» [29, с. 255].

Об ослаблении функции аффикса *-dy* свидетельствует следующее: 1) полное, «безболезненное» для семантики, исчезновение аффикса *-dy* в малкарском диалекте: *alady* > *ala* 'он берет', *alyandy* > *alyan* 'он взял' и т. д. при его сохранении в основном диалекте и литературном языке; 2) его отсутствие в определенных формах в ряде тюркских языков (кум., к.-тат., шор., отчасти алт., ног., ккалп. и др.); 3) исчезновение узкого гласного этого аффикса в некоторых тюркских языках (кирг. и др.).

Из этого следует, что при изучении изменений элементов материальной субстанции языка необходимо учитывать любые колебания в их функциональной нагрузке, так как языковой элемент может ослабляться (усиливаться) только при ослаблении (усилении) его функции. Однако возникает вопрос: почему действие ПЭ в одних случаях проявляется на узких гласных, в других — на широких? Можно предполагать, что это объясняется степенью «занятости» отдельных участков фонологической системы на каждом данном этапе, с одной стороны, и мерой благоприятствования позиционных условий, с другой. Для нашего случая можно допустить, что при прочих равных условиях узкие гласные легче могут ассимилироваться с сонантами:

1) узкие гласные сами по себе, независимо от позиционных условий, короче широких: «...чем больше степень закрытости гласного, тем он короче. Это свойство объясняется универсальной физиологической закономерностью: чем выше необходимо поднимать челюсть и массу языка вверх, тем меньше времени остается на произнесение гласного» [19, с. 63];

2) в силу приблизительно равной степени раствора переход от сонантов к узким гласным (и обратно) осуществляется более плавно, нежели на участке сонант + широкий гласный (и обратно). Н. А. Баскаков узкие гласные (типа *y*) и сонанты (типа *n*) считает однородными [7, с. 43];

3) наконец, можно а priori допустить, что узкие гласные в современных тюркских языках функционально менее нагружены, чем широкие.

По-видимому, процесс редукции узких гласных в истории тюркских языков начался в сонорном окружении, затем постепенно распространился и на другие позиции. Подобное обобщение — обычный путь языковых изменений.

Об указанной относительной хронологии охвата различных позиций процессом редукции гласных как будто свидетельствует известная в тюркских языках группа слов [см. 33, с. 67—68], при изменении которых выпадает узкий гласный основы.

Языки											
	к.-б.		кум.		тур.		кирг.		ккалп.		
Словоформа											
'нос'	b	u	г	u	n		murun		muryn		
'его нос'	b	u	г	п	u		murnu		murny		
'шея'	b	o	j	u	n		mojun		mojyn		
'его шея'	b	o	j	п	u		mojnu		mojny		
'живот'	q	a	г	у	п	karyn	q	a	г	у	п
'его живот'	q	a	г	п	у	karny	q	a	г	п	у
'пазуха'	q	o	j	у	п	kojun		qojun		qojyn	
'его пазуха'	q	o	j	п	у	kojnu		qojnu		qojny	
'игра'		o		j	u	n		n		ojyn	
'играть'		o		j	п	a		ojno		ojna	

Сюда же относятся: огул 'место', awuz 'рот', турк. baɣuɣ 'холм' — baɣu 'его холм' [4, с. 95] и т. д.

Анализ материала показывает, что дистрибуция выпадающих в безударном положении узких гласных сводится к следующим двум рядам окружений:

1) $r-n$, $l-n$, $j-n$, $w-r$, $r-l$, $j-r$, $\eta-l$, $w-z$, $w-\delta$;

2) $\gamma-r$, $g-r$, $\gamma-l$, $t-l$, $p-l$, $s-m$, $g-z$, то есть безударные узкие гласные выпадают в положении: 1) между сонантами или 2) между шумным и сонантом. Таким образом, присоединение аффиксов к двусложной основе приводит к ослаблению функции гласного второго слога и, как следствие этого, к его выпадению, если основа оканчивается на сонант.

С этой точки зрения легко объясним факт, который А. М. Щербак называет загадочным: наличие слов типа каз. kögük 'кузнечные мехи', в которых узкие гласные, оказываясь в безударном положении, не выпадают—kögügü [33, с. 68]. Окружение $r-k$ или $r-g$ (сонант—шумный) не является достаточным условием для выпадения гласного².

Тот факт, что редукция узких гласных в положении между (перед) сонантами дошла в своем развитии до полной их утраты, свидетельствует о редукции узких гласных в сонорном окружении как о начальном этапе рассматриваемого звукового процесса.

2. 2. Обнаружению причин, обусловивших возникновение какого-либо явления, установлению широких его связей, направленных внутрь объекта и вовне, часто способствует сопоставление разобщенных на первый взгляд, разнородных, иногда и противоположных явлений, имплицитные связи которых могут быть выявлены лишь на основе диалектического подхода к их изучению.

² В трех из сорока двух примеров, приведенных А. М. Щербаком из различных тюркских языков на полное выпадение узких гласных, фонетические условия не соответствуют нашему определению: тур. göksä 'грудь', уйг. bōrki 'его шапка', körki 'его красота'. Однако в первом примере условия налицо: göksä < gögüzä, в отношении bōrki, körki наличие этимологического гласного (между r и k) сомнительно.

К числу противонаправленных процессов относятся редукция и вставка гласных. Будучи противоположными по характеру, эти два процесса обладают и общими чертами, объединяющими их в одно целое, включающие в себя одновременно и единое, и различное.

2. 2. 1. Качественная общность заключается в том, что:

- а) процесс вставки тоже охватывает главным образом узкие гласные;
- б) и в этом, и в другом случае выступают редуцированные гласные.

2. 2. 2. Позиционная общность заключается в том, что и редукция, и вставка происходят в идентичных или сходных позициях:

- а) в начале слова, ср. к.-б. Uñux < Nux (собственное имя), ĭšlija 'шлея', ŷškar 'шкаф', ŷstol 'стол' [см. также: 18, с. 48; 32, с. 34 и др.]; б) в середине слова, ср. азерб. gorgħıtax 'бояться', ötürü 'для', metir 'метр', tijatır 'театр', dariz 'сноп', pylan||bylan 'план', gülub 'клуб'; к.-б. pıgawlep 'правление, контора', kığaj 'край', meir 'метр', litir 'литр', tıgaxlın 'трактор', kığra 'крупа'.

В результате «встречных» процессов иногда возникают омофоны: ср. к.-б. местоимение bȳla < byla 'эти' и послелог bȳla < bla 'с', 'вместе с'. На этой же почве в русской речи тюрков иногда наблюдается фонетическое совпадение антонимов; ср. в русской речи карачаево-балкарцев: *выключать* > *выключать* < *включать*, *выносить* > *выносить* < *вносить* и т. д.

2. 2. 3. Причинная связь. Импульсом обеих тенденций служит ПЭ. Вставка, как и редукция, является естественным средством облегчения артикуляции. Поскольку, указывал Ф. де Соссюр, имплозия приводит органы речи в положение, которое не может служить отправной точкой для произношения следующей фонемы, импловивно-эксплозивная группа всегда требует какого-то приспособительного движения, порождающего едва заметный беглый звук [29, с. 91].

Таким образом, единство в многообразии звуковых изменений проявляется в стремлении к появлению под действием ПЭ узких «вставных» гласных в таких же позициях, в каких сами узкие гласные под действием ПЭ стремятся к сокращению (resp. выпадению), причем оба процесса часто завершаются на одном уровне — на стадии редуцированного.

3. 2. Затронутый здесь вопрос о качестве одной из предшествующих ступеней связан с проблемой этимологизации, так как «встречные» процессы обычно нивелируют изначальные различия в звуковой оболочке слов, ср. к.-б.:

Исконный гласный	Вставной гласный
tarȳyırda 'на вашем просяном поле' (tarȳ 'просо')	tarȳyızda 'в вашем тесном ущелье' (tar 'ущелье')
eliŋe 'твоему пальцу' (eli 'палец')	eliŋe 1) 'твоему селению', 2) 'твоему народу' (el 'селение, народ')
sarȳgaq 'желтоватый' (sarȳ 'желтый')	aȳȳgaq 'беловатый' (aq 'белый')

Из сказанного следует, что интересы повышения степени достоверности реконструкций требуют использования данных о противоположных процессах при установлении этимологического состава корневых и особенно — аффиксальных морфем.

ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.—Сочинения, т. 3.
2. Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20.
3. К. Маркс. Капитал. Т. 3.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II.
4. П. Азимов. Дж. Амансарыев, К. Сарыев. Туркменский язык. — «Языки народов СССР», т. II, М., 1966.
5. Аристотель. Метафизика. — Сочинения, т. I, М., 1975.
6. Р. Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978.
7. Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Ч. 1, М., 1952.
8. Н. А. Баскаков. Дialect кумандинцев (куманды—кижи). М., 1972.
9. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Программа чтения по общему курсу языковедения в применении к ариевропейским языкам вообще, а к славянским в особенности. — «Избранные труды по общему языкознанию», т. I, М., 1963.
10. Р. А. Будагов. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? — «Вопросы языкознания», 1972, № 1, стр. 17—36.
11. Н. З. Гаджиева. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
12. С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Ч. 1, Л., 1975.
13. Муса Исламов. Азербайджан дилинин нуха диалекти. Баку, 1966.
14. Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Беглые гласные в тюркских языках.—«Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. I, М., 1955.
15. Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
16. А. Т. Кайдаров. Уйгурский (новоуйгурский) язык. — «Языки народов СССР», т. II, М., 1966.
17. Г. В. Колищанский. Проблема противоречий в структуре языка. — «Энгельс и языкознание», М., 1972.
18. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М. — Л., 1960.
19. Г. П. Мельников. Причины нарушения симметрии в системе киргизских гласных. — «Советская тюркология», 1970, № 1.
20. К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964.
21. Х. Мухиев. Нохурский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1959.
22. «Нахчыван МССР-ин диалект вэ шивэлэри», Баку, 1962.
23. «Общее языкознание (методы лингвистических исследований)». М., 1973.
24. Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.
25. Е. Д. Поливанов. Где лежат причины языковой эволюции? — «Статьи по общему языкознанию», М., 1968.
26. Р. Э. Рустэмов. Губа диалекти. Баку, 1961.
27. Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
28. Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
29. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. — «Труды по языкознанию», М., 1977.
30. Э. Р. Тенишев. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков. — «Советская тюркология», 1973, № 5.
31. М. Ш. Ширэлијев. Азербайджан диалектолокијасынын эсаслары. Баку, 1962.
32. М. Ш. Ширэлијев. Диалекты и говоры азербайджанского языка. Баку, 1983.
33. А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Я З Ы К О В Ы Е С В Я З И

У. Ф. НАДЕРГУЛОВ

БАШКИРСКО-КАЗАХСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Развитие и формирование изолированных от основной языковой зоны диалектов и говоров происходит, как известно, в основном под иноязычным влиянием. Формы взаимоотношения и взаимодействия контактирующих языков весьма разнообразны и обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. В настоящей статье предпринята попытка определить закономерности развития окраинных говоров, подвергающихся воздействию внешних факторов, на материале говора иргизо-камеликских башкир.

Иргизо-камеликские башкиры проживают на территории современной Куйбышевской и Саратовской областей, в верховьях реки Большой Иргиз и ее притоков Каралык и Камелик. Их поселения возникли в конце XVIII века, хотя согласно историческим источникам башкирские кочевые племена в степях Волжско-Яицкого междуречья появились задолго до присоединения Башкирии к Русскому государству¹.

Башкиры иргизо-камеликского бассейна представляют собой смешанную группу населения как в этническом, так и в языковом отношении. В их составе имеются представители южных и юго-восточных башкирских племен: кыпсак, усерган, тангаур, тамьян, юрматы, катый, мин, табын, бишул и др.

В башкирской историко-лингвистической литературе жителей этого региона разделяют на две группы: «старую» (*искелер*) — потомки башкир, осевших на этих землях в конце XVIII века, и «новую» (*яңылар*) — переселенцы с юга из бассейнов рек Большая и Малая Узень, поселившиеся на этой территории в первой половине XIX века. В языке указанных групп имеются определенные различия. Так, «старые» употребляют глухой межзубный спирант *ç* вместо литературного — *h*: *çыу* 'вода', *çыйыр* 'корова', *çимез* 'жирный', а «новые» в этой же позиции произносят — *h*: *һыу*, *һыйыр*, *һимез*. Однако необходимо отметить, что в настоящее время в результате длительного взаимодействия в языках указанных групп населения произошла определенная нивелировка: в речи большинства из них звуки *h* и *ç* употребляются параллельно. Кроме того, прослеживается тенденция, особенно в речи среднего поколения и молодежи, к преобладающему употреблению анлаутного *h*: *һалам*, *һул* и т. д., то есть форм литературного языка.

В отличие от других территориальных говоров, формирование и развитие языковых особенностей говора иргизо-камеликских башкир

¹ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1956, стр. 130. Архив ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 432, л. 112.

происходило под непосредственным воздействием близкородственного казахского языка.

На протяжении почти двух столетий башкиры иргизо-камеликского бассейна имели тесные контакты с казахами Среднего Поволжья. Анализ лингвистических материалов показывает, что казахское влияние на указанный говор проявилось в основном в двух формах: во-первых, меж-языковое влияние способствовало сохранению наиболее древних, архаичных черт башкирского языка и, во-вторых, говором были освоены отдельные формы и элементы контактирующего казахского языка.

Характерной особенностью иргизо-камеликского говора является сохранение в нем почти на всех его уровнях наиболее древних черт башкирского языка. До настоящего времени в говоре активно употребляются слова в форме: *олоғ* 'пожилой', *кирек* 'упрямый', *тулык* 'полный', *сайак* 'боевой, мужественный', *терек* 'живой' и т. д.

Как известно, в процессе исторического развития фонетической системы башкирского языка древнетюркские ауслаутные *ƒ—g*, *к—к* выпали, и в настоящее время приведенные слова в литературном языке и в других говорах функционируют без конечных согласных.

В словах *сарымсак* 'чеснок', *сайыскан* 'сорока', *сөлөк* 'пиявка', *сай-рау* 'петь, заливать трелью' и т. д. ауслаутное общетюркское *с* сохранилось без изменений, тогда как в башкирском литературном языке и в других его говорах древнетюркское *с* развилось в гортанный спирант *h*.

В некоторых словах говора обнаруживается орхоно-енисейская форма стечения согласных *лт*, *мт*, *нт*: *анта* 'там', *килте* 'пришел', *урамта* 'на улице'.

Известно, что в тюркских языках слова с заднерядными широкими гласными являются более древними, нежели слова с переднерядными звуками. В рассматриваемом говоре, в отличие от литературного языка и других говоров, определенная часть слов оформляется с заднерядными гласными: *макал* 'пословица', *маскара* 'позор', *ногала* 'бельмо', *абдан* 'совсем' и т. д.

В настоящее время ряд слов, представленных в древнетюркских памятниках, обнаруживается в словарном составе говора: *бура* — в «Древнетюркском словаре»², *бувра* 'верблюд-производитель', *бутакан* — *ботук* (ДТС, с. 115) 'верблюжонок', *эсек тун* 'шуба из козьей шкуры' — *эски* (ДТС, с. 179) 'коза', *шур-шор* (ДТС, с. 524) 'солёный', *корт* — *курт* (ДТС, с. 469) 'волк', *сырыу* — *чириг* (ДТС, с. 144) 'войско', *менэз* — *мениз* (ДТС, с. 342) 'облик, внешний вид, характер' и т. д. Данные слова сохранили не только древнюю форму, но и первоначальные значения.

В данном говоре функционируют слова, претерпевшие в большей или в меньшей степени семантические изменения. Например: *бирем* 'взятка' — *берим* (ДТС, с. 96) 'обложение, платежи, долг', *бөгәт* 'запруда, водоем' — *бөк* (ДТС, с. 117) 'перекрывать, запруживать', *гелүк* 'одногорбый верблюд' — *көлүк* (ДТС, с. 314) 'вьючное животное', *ылак* 'ягненок, козленок' — *элик* (ДТС, с. 169) 'самка дикой козы', *текемләү* 'подробно, досконально' — *теким* (ДТС, с. 550) 'много, множество' и т. д.

В настоящее время многие из вышеприведенных слов не представлены в башкирском литературном языке и в других территориальных говорах. Однако диалектологические материалы свидетельствуют, что в прошлом ареал данных слов был намного шире. Это подтверждается также наличием некоторых из них в составе различных словосочетаний в языке южных и юго-восточных башкир. Например: *буралай һыйыр*

² «Древнетюркский словарь», Л., 1969 (далее — ДТС), стр. 120.

‘корова величиной с верблюда’, *сурлыға сор икмәк* ‘у кого чирый, тому соленый хлеб’ (его прикладывали к чирю), *кырым сирыуы кеүек* ‘как крымское войско’ и т. д.

В языке иргизо-камеликских башкир выявлен и ряд древних грамматических форм. В глагольной системе говора наиболее распространенной является форма повелительного наклонения на -ң: *барың* ‘идите’, *килең* ‘приходите’, *эшләң* ‘работайте’ и т. д. Она имеется во многих тюркских языках и зафиксирована в орхонских памятниках. Н. К. Дмитриев считает ее архаичной для башкирского языка³.

В иргизо-камеликском говоре активно проявляется древняя форма инфинитива на -маға/-мәгә: *Бөкөн йамғыр йау-маға уйлай* ‘Похоже, что сегодня будет дождь’, *Ул Куйбышевтан күмер ал-маға тейеш ине* ‘Он хотел покупать уголь в Куйбышеве’ и т. д. Подобные формы в других говорах и в башкирском литературном языке выражаются аффиксами -ырға/-ергә: *йау-ырға*, *ал-ырға* и т. д.

В говоре рассматриваемой языковой зоны широкое распространение получили также вопросительные местоимения: *ни зат?* ‘что?’, *кандай?* ‘какой?’, *канса?* ‘сколько?’. В других языковых регионах они употребляются весьма редко.

Все приведенные нами фонетические, лексические и морфологические формы активно используются в языке казахов, проживающих в исследуемом ареале. На наш взгляд, сохранение наиболее древних черт башкирского языка в иргизо-камеликском регионе обусловлено в основном башкиро-казахскими языковыми контактами, ибо в контактирующих языках общие элементы наиболее устойчивы.

Кроме того, немаловажную роль сыграла изолированность говора. Этот экстралингвистический фактор также создал определенные условия для сохранения древних черт языка.

Контакты носителей башкирского и казахского языков наиболее ярко отразились в лексике. В язык иргизо-камеликских башкир вошло значительное количество казахских слов. В настоящее время многие из этих слов функционируют и в ряде других тюркских языков, однако в говоре местного населения они появились в результате непосредственного общения с казахами. Слова эти весьма разнообразны как по лексико-тематическому разряду, так и по семантике. Среди них немало слов, связанных со скотоводством: *куй*—каз. *кой* ‘овца’, *туклы*—каз. *токты* ‘ягненок старше шести месяцев’, *көзәм*—каз. *кузем* ‘осенняя шерсть’, *тайлак*—каз. *тайлак* ‘годовалый верблюжонок’, *һыаут*—каз. *суат* ‘водопой’ и т. д.; связанные с бытовой терминологией: *олпак*—каз. *улпак* ‘пуховик, перина’, *төйрәүес*—каз. *туйреуиш* ‘булавка, шпилька’, *кабыу*—каз. *кабу* ‘стегать (одеяло)’, *зат*—каз. *зат* ‘предмет, материя, вещь’ и т. д.; связанные с деятельностью и состоянием человека: *аукатлы*—каз. *аукатлы* ‘зажиточный, состоятельный’, *бай*—каз. *бай* ‘муж’, *какалау*—каз. *какалау* ‘давиться, подавиться’, *сарпыу*—каз. *шарпыу* ‘влияние’, *сағыу*—каз. *шагу* ‘грызть’ и т. д.; связанные с названиями пищи и продуктов питания: *ауырса*—каз. *авырша* ‘подсоленное кислое молоко’, *изекәй*—каз. *изекәй* ‘пища, приготовленная из сыворотки’, *куйыртмак*—каз. *куйыртпак* ‘кислое молоко, разбавленное свежим молоком’, *һырлама*—каз. *шырлама* ‘блинчики’ и т. д.; связанные с растениями и гидронимами: *бойзайок*—каз. *бидайык* ‘пырей’, *йаға*—каз. *жаға* ‘берег реки, озера’, *сығыш*—каз. *шығыс* ‘брод, место переправы’, *сағыр*—каз. *шағыр* ‘бурьян’ и т. д.

Казахские заимствования перешли в говор в основном устным путем, претерпев при этом определенные фонетические изменения в соот-

³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 165.

ветствии с особенностями башкирского языка. Естественно, процесс языкового влияния в данном ареале не был односторонним. Казахскими диалектологами С. Аманжоловым, А. Нурмагамбетовым, А. Тасымовым и другими⁴ в говоре казахов данного региона выявлено значительное количество форм, восходящих к формам башкирского языка.

Формирование и развитие иргизо-камеликского говора башкирского языка происходило, разумеется, на основе башкирского общенационального языка. Лингвистический анализ говора показывает, что он даже в условиях иноязычного окружения сохранил структуру и основные особенности башкирского языка.

Контактирующие языки не внесли какие-либо структурные изменения, а лишь обогатили язык местного населения отдельными грамматическими формами и заимствованной лексикой.

Изучение языковых контактов иргизо-камеликского региона имеет определенное значение для разработки вопросов исторического языкознания и исследования процессов формирования и развития локализованных говоров.

⁴ С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, стр. 307; А. Нурмагамбетов. Западная группа говоров казахского языка. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1974, стр. 71; А. Тасымов. Языковые особенности казахов Поволжья. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1975, стр. 24.

О Н О М А С Т И К А

Р. Г. АХМЕТЬЯНОВ, Ш. З. БАХТИЕВ

К ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМА «ЯЙЫК~ДЖАЙЫК»

Топоним башк., ног., *Jaıuq* (>русс. Яик), тат. *ǰaıuq*, каз. ккалп. *ǰaıuq*, *ǰaıuq* 'река Яик'¹ (с 1775 года в русских источниках именуется «Урал», у тюркских народностей это название употреблялось редко: в тат., башк. *Ural*, ног., каз., ккалп. и др. *Oǰal* 'гора', но не река—на что давно уже обратили внимание исследователи).

Гидроним *Jaıuq* интересен тем, что он совпадает с целой серией исконно тюркских слов-синонимов, наиболее распространенным из которых является ккалп. кирг. *ǰaıuq* 'широкий, раскинувшийся, распростертый'; османск. [1, с. 957] *jaıuq* и гагауз. *йайык* 'раздвинутый, широкий', алт. *дьайык* 'разлив реки, потоп; великий потоп (в мифологии)', тув. *чайык* 'ливень, потоп', якут. *сайыы* 'забереги' (мелкие заливы, плесы по берегам реки) и т. д. Учитывая, что река Яик — Урал является единственной большой рекой на обширном пространстве и характеризуется впечатляющими разливами весной (в среднем течении ее уровень поднимается на 10—12 м), возведение названия реки к слову со значением «потоп, наводнение» нам кажется наиболее вероятным. Этой версии придерживались, начиная с Н. К. Дмитриева, многие ученые [2, с. 95—96], тем более, что основа *jaıuq* 'наводнение' явно образована от общетюркского корня *jaı* 'раздвигать, распространять, расстилать' и т. п. Но у древних могли быть и другие мотивы для названия реки.

В. А. Никонов писал, что принято в названии Яик выделять тюркскую основу со значением «широкий». Однако то же название у Птолемея (II век н. э.) заставляет либо признать это название дотюркским, либо считать, что тюркские языки получили распространение в Прикаспии уже на рубеже нашей эры [3, с. 438]. Действительно, наименование реки Урал словом *Δαῖχ* на картах Клавдия Птолемея [см. 4, с. 152] весьма значительно. Если это нетюркское по происхождению название (и, следовательно,

но, *ǰaıuq*~*Jaıuq*—лишь тюркское переосмысление субстратного топонима), то оно скорее всего могло быть скифским *Dānik*~*Dajnik*—от *dān* 'вода' (с которым связывают также названия рек «Дон», «Днепр», «Дунай» и т. д.). Однако никакие конкретные факты, прямо или косвенно подтверждающие такое предположение, нам неизвестны.

На упомянутой карте Птолемея Волга называется еще *Rha*, а не *Itil*~*Atil*. Отсюда следует, что если тюрки к I—II векам и доходили до реки Урал, то Волга была им тогда еще малоизвестна. Во всяком случае; тогдашнее тюркское название Волги не сохранилось. Можно полагать, что *ǰaıuq* означало «река летовки»—от общетюрк. *ǰaj/jaj* 'лето' и

¹ Русские в XV—XVII веках называли ее еще Запольной (рекой), то есть рекой за «диким полем» между Волгой и Уралом.

финно-угорского (?) *ik* 'река' [см. 5, с. 10]. В бассейне Волги и в Приуралье имеется несколько рек под названием *Уq* (в русской транскрипции *Ик*), что в башкирских и татарских говорах Урала и Сибири означает «течение, поток» [6, с. 230; 7, с. 309 и другие источники]; реки Иртыш и Обь сибирские татары иногда называют просто *Уq* 'поток, большая река'. Широко раскинувшаяся долина реки Урал в летнее время могла служить отличной летовкой для тюрков-скотоводов. К зиме они могли откочевывать на восток и на юг.

Существует еще одна интересная версия, основанная на том, что *Зайуq ~ Жауq* могло означать «место жертвоприношения дракону воды». Это предположение подкрепляется (учитывая и фонетическую сторону вопроса) наличием алтайского слова *D'ajyq* 'животное, посвященное богам, то есть жертвенное животное', 'имя сына неба, поклонная гора, у которой совершались жертвоприношения' [8 с. 293], 'добрый дух — часть существа Ульгена (верховного бога тюрков); посредник между Ульгеном и людьми' [9]. Возможно, с этим мифологическим значением связано также тувинск. *šajyq* < др.-тюрк. *jaıyū ~ jaıyq* [10, с. 226] 'неустойчивый, непостоянный, неуравновешенный' (что могло характеризовать нрав реки Урал).

D'ajyq в значении «добрый дух-посредник» скорее всего происходит от алт. *d'aj ~ др.-тюрк. *jaı ~ žaj* 'приносить человеческие жертвы рассеканием тела надвое' (этот глагол, в свою очередь, мог быть семантическим дериватом от *d'aj-, jaı-* 'расстелить', равно как и заимствованием из индоиранского *jağ-* 'священнодействовать'² [см. 11, с. 80]. Как мифологический образ *d'ajyq* представлялся чудовищем-драконом, может быть — половинник-заян [о половинниках-заянах в тюрко-монгольском фольклоре см. 12, с. 48—50]. Когда бурно разливались горные реки, алтайцы говорили *d'ajyq südan šyqtı* 'Дбайык (то есть дракон) вышел из воды' [8, с. 293]. Объяснение разливов рек тем, что водный дракон выходит из воды и устремляется в небо для свидания с небесными драконами было характерно для китайцев. Э. М. Мурзаев и Хоаш Тхи Тяу [13; 14, с. 3—31] на большом материале убедительно доказали, что в большом кругу сопредельных с Китаем стран понятия «река» и «дракон» передаются одним и тем же словом, и названия многих рек содержат в качестве компонента слово со значением «дракон». Очень возможно, что то же самое было и у древних тюрков, и др.-тюрк. *D'ajyq* означало в узком значении «река с драконом, дракон-река», а в широком, практическом значении, как уже указывалось выше, — «река, у которой приносились жертвы дракону воды; поклонная река».

По нашему мнению, приведенный материал подкрепляет версию о тюркском происхождении гидронима *Daıx*, то есть свидетельствует о прочном освоении тюрками бассейна реки Урал уже на рубеже или в первые века нашей эры. Более того, орфография Птолемея указывает еще на то, что на месте общетюркского *ž ~ j* в древности (как и в современном алтайском языке) был звук *d' ~ t'* (звонкие и глухие согласные в древнетюркском не различались).

Написание *Daıx* (река Урал) повторяется позднее (VI в.) у Менаandra Протектора, однако последний, скорее всего, заимствовал этот гидроним у Птолемея.

Что же касается написания *Jagac*, *Jaas* у Вильяма де-Рубрука (XIII в.), то это, по-видимому, результат не совсем точной передачи гидронима человеком, не знающим местных языков.

² От этого корня образовано название бога подземного мира — др.-инд. *Jama* (> др.-тюрк. *jama*), др.-иран. *Jima* (→ перс. *žemšid*).

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. J. T. Zenker. Türkisch-arabisch-persischen Handwörterbuch, tt. I—II, Leipzig, 1866—1876.
2. А. Әбдірахманов. Топонимия және этимология. Алматы, 1975.
3. В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
4. Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. От Скифы до Индии. М., 1983.
5. Н. Я. Лойфман, С. А. Попов. Топонимические названия Оренбургской области. Оренбург, 1960.
6. Д. Г. Тумашева. Кэнбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961.
7. «Башқорт һөйләштәренең һүзлегө», т. II, Өфө, 1970.
8. «Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина», М., 1972.
9. «Алтайско-русский словарь», М., 1947.
10. «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
11. J. Harmatta. Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in the 2-nd Millennium.—В кн.: «Этнические проблемы истории центральной Азии в древности», М., 1981.
12. Р. Г. Ахметьянов. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
13. Э. М. Мурзаев. Географические названия Вьетнама.—В кн.: «Топонимика Востока», М., 1969.
14. Хоаи Тхи Тъяу. Названия рек Вьетнама.—В кн.: «Топонимика Востока». М., 1969, стр. 19—31.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Э. Э. МАМЕДОВ

ПРОСОДИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИИ
СУПЕРСЕГМЕНТНОЙ ФОНОЛОГИИ

Вопросы сверхфонемной регуляции просодической схемы азербайджанского слова, функциональной нагрузки и структурной стратификации просодических маркеров азербайджанского языка, просодического членения звукового полотна устной речи ранее специально не рассматривались исследователями. В настоящей статье делается попытка частично восполнить этот пробел.

Как известно, слово любого языка в потоке устной речи выступает как речевая единица, ограниченная в горизонтально-вертикальных пропорциях (в парадигматико-синтагматических связях и отношениях) рамками некой просодической схемы. Эта схема обусловлена действием суперсегментных просодий слога и слова конкретного языка, которые и являются истинным регулятором просодической организации речевых единиц.

1. **Просодические маркеры речевых единиц.** Наличие в фонологической системе азербайджанского языка сразу двух действующих суперсегментных средств — динамического словесного ударения и гармонии гласных — характеризуется своей усложненностью. Создается впечатление, что в азербайджанском языке имеется избыток надфонемных средств. Однако на основе изучения «туранских» языков В. А. Виноградов пришел к заключению, что в них «нет никакой избыточности, а есть лишь структурная дополнительность»¹. В парадигматической фонологии динамическое словесное ударение рассматривается как «закрепленное» средство; устойчивое (на конце слова) ударение лишено морфологического значения.

Падение ударения на конечный гласный слова свидетельствует о его соответствии фонетическим законам азербайджанского языка — и в этом смысле динамическое словесное ударение является как бы «маяком» для создания фонетической конструкции слова². Заметим также, что в азербайджанском языке ударение на гласном конечного слога сигнализирует о конце слова. Следовательно, динамическое словесное ударение позволяет различать границу между словами в потоке речи, выполняя тем самым делимитативную функцию. Например: а) *о/достума/деди* 'он сказал моему другу'; б) *ев/сахиби/оглуна/пул/верир/ону/базара/көндәрир* 'хозяин дома дает деньги своему сыну и посылает его на базар', *евдән/чыхдыг* 'мы вышли из дома', *Гызыл/мејдан*

¹ В. А. Виноградов. Сингармонизм и фонология слова. Автореф. канд. дисс., М., 1966, стр. 19—20.

² И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963, стр. 104.

‘Красная площадь’, *севимли/анам* ‘моя любимая мать’, *онларын/ишлэри* ‘их дела’. Следовательно, в азербайджанском языке межсловная диэрема реализована с помощью динамического словесного ударения.

В русском языке динамическое словесное ударение в силу своей разноместности не обладает делиматативной функцией, и диэрема между полнозначными словами реализуется путем использования других средств: особенностей сочетания согласных, гласных с согласными, интонации, паузы и т. д.³

Ударение не падает на конец слова исключительно в тех случаях, когда в нем наличествуют безударные аффиксы азербайджанского языка типа *дыр—дир*, *ыр—ир*, *чэк—чаг* и им подобные, а также отрицательные частицы *ма—мә*. В этих случаях при определении диэремы следует учитывать, что аффиксы в азербайджанском языке всегда конечны, независимо от того, падает на них ударение или нет. Следовательно, диэрема в данных словах реализуется фонетическим показателем — динамическим словесным ударением, представляющим собой сигнал о конце корневой морфемы, и морфологическим показателем — конечными аффиксами, сигнализирующими о конце слова. Например:

надир орда? ‘что там?’, где *дир* — аффикс;
бу јахшыдыр ‘это хорошо’, где *дыр* — аффикс;
кимдир данышан? ‘кто говорит?’, где *дир* — аффикс;
мәнәм ‘я’, где *әм* — аффикс.

Отрицательные частицы *ма—мә* также всегда постпозитивны относительно корня и безударны, например: *кәлмә*, *әлма*, *охүмур*, *кәг-мәјәчәк*, *түтма* и т. д. (‘не приходи’, ‘не бери’, ‘не поет’, ‘не уйдет’, ‘не держи’).

В ряду демаркативных сигналов может быть и гармония гласных, однако она не носит универсального характера. Так, например, гармония гласных сигнализирует о межсловной границе только тогда, когда в предыдущем слове наблюдается гармония передних гласных, а в последующем слове — гармония непередних гласных, например: *дәфтар алыр* ‘тетрадь покупает’, где в слове *дәфтар* [ә—ә] — передние гласные, а в слове *алыр* [а—ы] — непередние гласные; *анасы кетди* ‘его мать ушла’, где в слове *анасы* [а—а—ы] — непередние гласные, а в слове *кетди* [е—и] — передние гласные. Ср. то же самое в других примерах: *мән аларам* ‘я куплю’, *онунчу синиф* ‘десятый класс’, *сәндән гачырлар* ‘от тебя бегут’, *һүндүр папах* ‘высокая шапка’ и т. д.

Однако в целом ряде других случаев обнаруживается, что гармония гласных не выступает в функции делимитатора, так как в речевом потоке часто оказываются разные слова, но с единой гармонией гласных, которой могут быть охвачены словосочетания и целые предложения, например: *көј көзләри* ‘голубые глаза’, где в словах *көј* и *көзләри* все гласные [ө—ө—ә—и] — переднего ряда; *онун достлары* ‘его друзья’, где в словах *онун* и *достлары* все гласные [о—у—о—а—ы] — непереднего ряда. Ср. другие словосочетания: *сизин дәфтариниз* ‘ваша тетрадь’, *бура бах* ‘сюда взгляни’, *јахшы чаван оғлан* ‘хороший молодой человек’, *алты манат* ‘шесть рублей’ и т. д.

Встречаются конструкции, где единая гармония гласных охватывает все слова внутри предложения:

1. *Мән сәнин сөзләринә фикир вердим* ‘Я обратил внимание на

³ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1972, стр. 83—93; М. В. Панов. О разграничительных сигналах в языке. — «Вопросы языкознания», 1961, № 1, стр. 3—19; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 121—199.

твои слова'. Все гласные в этом предложении — переднего ряда: [ə—ə—и—ө—ə—и—ə—и—и—e—и].

2. *Гардашымын достлары папах алырлар* 'Друзья моего брата покупают шапку'. Все гласные в этом предложении непереднего ряда: [a—a—ы—ы—о—a—ы—a—a—a—ы—a].

Следовательно, гармония гласных не может быть принята за надежное демаркативное средство азербайджанского языка, хотя в ряде случаев и разграничивает слова в потоке речи. Зато особое значение гармония гласных приобретает в качестве главного средства «склеивания» морфем, выступая в кумулятивной функции.

Итак, для азербайджанского языка характерно наличие двух суперсегментных средств — гармонии гласных и динамического словесного ударения, функционирующих на третьем, надфонемном уровне. Однако ни одно из них не может быть отнесено к избыточным средствам. Превалирующая роль в качестве основного суперсегментного средства азербайджанского языка принадлежит гармонии гласных. Вспомогательную функцию в качестве дополнительного суперсегментного средства выполняет динамическое словесное ударение.

Таким образом, основной характеристикой гармонии гласных является кумулятивная функция, а основной характеристикой динамического словесного ударения — делимитативная функция.

2. **Просодический признак дизности.** Построение и существование слова в азербайджанском языке фонологически может быть охарактеризовано комплексом суперсегментных средств (динамическое словесное ударение+гармония гласных), действующих одновременно, но выполняющих разные функции. С позиций суперсегментной фонологии ведущая роль в построении сингармонической модели слова азербайджанского языка принадлежит гармонии гласных. В азербайджанском языке гармония гласных не выступает как изолированное явление — она влечет за собой гармонию согласных, например: а) *гәлбә* 'победа' — все гласные переднего ряда, а все согласные смягченные; б) *сатылмыш* 'проданный' — все гласные непереднего ряда, а все согласные твердые. Другие примеры: *сүрүшмәк* — *сорушмаг*, *бүтүн*—*бурун*, *бүтөв* — *боран*, *кәлгән* — *галан*, *чәкмәк* — *чатмаг*, *өр*—*ар*, *үч*—*уч*. Как видно из приведенных примеров, при гласных переднего ряда — согласные смягченные, а при гласных непереднего ряда — согласные твердые.

С позиций синтагматической фонологии для азербайджанского языка всегда актуально подчиняющее воздействие гласных на согласные. В современном азербайджанском языке идеально проявляется механизм сингармонического построения слога: согласные выстраиваются в полном соответствии с фонологически значимым признаком ряда гласного. Для исконно азербайджанской лексической системы характерно слово, представленное в одном сингармоническом ключе. Компоненты слога и компоненты слова в целом в азербайджанском языке наделяются единым, общим для них дифференциальным признаком (например, «дизность—недизность») и обуславливают тем самым наличие в языке сингармо-слов.

Значение выводов, сделанных с позиций суперсегментной и синтагматической фонологии, состоит в том, что в азербайджанском языке влияние гласных на предшествующий и последующий согласный представляет собой не просто фонетическое явление, оно отражает закон сингармонического сочетания фонем, которое можно подразделить на два следующих типа.

Сингармо-слово азербайджанского языка I типа строится по сингармонической модели, в соответствии с действием суперсегментных

средств в языке (динамическое словесное ударение+гармония гласных), в заданном просодическом ключе, определяемом через признак «дизность — недизность» гласными переднего ряда.

Особенностью сингармо-слов азербайджанского языка I типа является функционирование гласных переднего ряда только верхнего и среднего подъемов, то есть *И, У* и *Е, Ө, Ә*, так как переднерядные гласные нижнего подъема в языке отсутствуют.

Функционирование в сингармо-словах азербайджанского языка двадцати одного типа гласных переднего ряда обуславливает полумягкость согласных в соответствии с рассмотренным нами механизмом взаимоотношений компонентов азербайджанского сингармоничного сочетания фонем в связи с признаком дизности.

Тогда в сингармо-словах азербайджанского языка I типа возможно вынесение за скобки знака просодического ключа $M \leftarrow P$ (переднерядность гласных P обуславливает смягчение согласных M), так как закономерность, отраженная в этом знаке, есть универсальное свойство всех сингармоничных сочетаний фонем I типа: $M \leftarrow P < t' \text{ ә} t' >$, где *ә* — любой передний гласный, *t'* — смягченный согласный.

Двусложные сингармоничные сочетания фонем	Трехсложные сингармоничные сочетания фонем
$M \leftarrow P$ <i>кәлир</i> 'идет' <i>үзүм</i> 'виноград' <i>бешә</i> 'пяти' <i>бүтөв</i> 'полный'	<i>ләпәләр</i> 'волны' <i>ләмәк</i> 'делать' <i>бирини</i> 'одного' <i>өрдәжә</i> 'утке'.

Другие примеры: *көзәл* 'красивый'; *дишләр* 'зубы'; *дөвләт* 'государство'; *көрүрәм* 'вижу'; *тезлик* 'скорость'; *сөзләримә* 'моим словам'; *киши* 'мужчина'; *дәнизи* 'моря'; *биширәндә* 'готовя' (пищу); *кәлмәкдән* 'от прихода' и др.

Рассмотренный нами механизм взаимоотношения компонентов сингармоничных сочетаний фонем азербайджанского языка действует безупречно и в других случаях сочетаний I типа, включающих свыше двух или трех слогов, как это видно из примеров:

- <сөзләrimi> (4 слога) 'моих слов',
- <көнүлләrimиз> (5 слогов) 'наши сердца',
- <нәнәләrimизә> (6 слогов) 'нашим бабушкам',
- <тәрәфиндән> (4 слога) 'со стороны'.

Сингармо-слова азербайджанского языка II типа строятся по сингармонической модели в соответствии с действием суперсегментных средств в языке (динамическое словесное ударение+гармония гласных), в заданном просодическом ключе, определяемом через признак «дизность — недизность» гласными непереднего ряда.

В отличие от сингармоничных сочетаний фонем азербайджанского языка I типа, в данной группе сочетаний могут выступать гласные любого подъема, так как для азербайджанского языка характерны непередние гласные верхнего (*ы, у*), среднего (*о*) и нижнего (*а*) подъемов.

В связи с тем, что в составе сингармоничных сочетаний фонем азербайджанского языка II типа выступают непередние гласные, их артикуляторная природа обуславливает соседство с ними твердых согласных. Тогда в сингармо-словах II типа за скобки выносятся знак $T \leftarrow NP$ (непереднерядность гласных NP обуславливает твердость согласных T). Это универсальное свойство всех сингармоничных сочетаний фонем второго типа: $T \leftarrow NP < tat >$, где *a* — любой непередний гласный, *t* — твердый согласный.

Т ← НП	Двусложные сингармоничные сочетания фонем	Трехсложные сингармоничные сочетания фонем
	<i>гызлар</i> 'девушки', <i>ата</i> 'отец', <i>дурмаг</i> 'стоять', <i>ода</i> 'огню',	<i>алданма</i> 'не обманывайся', <i>буруну</i> 'носа', <i>гапылар</i> 'двери', <i>бузовун</i> 'телкин'.

Другие примеры: *башыбош* 'пустоголовый'; *гырмызы* 'красный'; *арвадларымдан* 'от моих жен'; *газан* 'кастрюля'; *дашлы* 'каменный'; *онун* 'его'; *оғланлары* 'юношей' и др.

В сингармо-словах азербайджанского языка II типа, насчитывающих в своем составе два-три или четыре—шесть и более слогов, одинаково строго соблюдается механизм взаимоотношений компонентов сингармоничных сочетаний фонем языка, что можно проследить на примерах:

габағында (4 слога) 'перед чем-то',
достларымыза (5 слогов) 'нашим друзьям',
габыргаларындан (6 слогов) 'из его ребер',
парчаламағымыздан (7 слогов) 'от нашего дробления'.

Приведенное выше позволяет сделать ряд выводов:

1. Доминантность гласных в сингармо-словах азербайджанского языка относительно согласных, соблюдение на протяжении всего сингармоничного сочетания фонем единого сингармонического ключа, осуществление объединения компонентов сингармонического сочетания фонем азербайджанского языка под одним дифференциальным признаком убедительно свидетельствует о том, что в этих сочетаниях I и II типа в азербайджанском языке четко и безотказно действует механизм словесной гармонии. В русском языке в сингармо-словах четко выражен механизм группового сингармонизма.

2. И русское, и азербайджанское сингармоничное сочетание фонем характеризует растянутый в длину дифференциальный признак (дизеизность—недизеизность).

3. За силлабемную единицу в русском языке принимается слог, образованный отношениями группового сингармонизма с объединяющим компоненты слога общим дифференциальным признаком.

За силлабемную единицу в азербайджанском языке принимается слово, построенное по закону словесного сингармонизма, с объединяющим компоненты слова общим дифференциальным признаком.

Третью группу составляют такие слова, которые в силу различных причин не выдержаны в едином сингармоническом ключе и, следовательно, не подчиняются общему правилу построения всего сингармонического сочетания фонем азербайджанского языка. Наличие в азербайджанском языке третьей группы слов с резко выраженным отсутствием словесного сингармонизма вовсе не означает, что приведенная выше классификация не актуальна.

Существование в азербайджанском языке третьей группы слов связано с большим количеством лексических заимствований из персидского, арабского, русского и европейских языков. Эта группа не включает изучаемую нами собственно азербайджанскую лексику и поэтому не является в настоящем случае предметом исследования.

В словах азербайджанского языка III типа в составе одного слова могут находиться слоги различной огласовки, в связи с чем признак общего дифференциального признака теряет свое значение и принимает локальный характер, то есть становится фонологически значимым лишь для слога, а не для слова. Здесь можно привести в качестве примеров слова арабского и персидского происхождения: *е'тибар* 'вера',

инкишаф 'развитие', *мүһарибә* 'война', *алим* 'ученый', *эталат* 'красота'; слова русского и европейского происхождения: *совет*, *депутат*, *театр*, *декан*, *артикулясија* и др.

Строго говоря, в третьей группе сингармо-слова вообще не выделяются, так как понятие сингармоничного сочетания фонем здесь связывается с понятием «единство» (единство общего дифференциального признака) и «универсальность» (например, соответствие непереднерядности гласных и твердости согласных является универсальным свойством всех сингармоничных сочетаний фонем II типа), а в третьей группе эта универсальность отсутствует.

Применительно к третьей группе невозможно говорить о растянутом в длину дифференциальном признаке, характеризующем сингармоничное сочетание фонем в целом, так как не соблюдается механизм взаимоотношений компонентов слова. Таким образом, подтверждается высказанная учеными мысль о том, что в современном литературном азербайджанском языке словесный сингармонизм не распространяется на четко очерченный пласт лексики — заимствованные слова, однако и здесь слоговой сингармонизм никак не нарушается.

Для звуковой системы исконно национальной лексики азербайджанского языка характерно сочетание двух типов сингармоничных сочетаний фонем, строго выдержанных в едином ключе словесного сингармонизма.

А. М. БУШУИ, А. А. ЯХШИЕВ

ФРАЗЕОЛОГИЯ УЗБЕКСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Фразеология тюркских языков — активно развивающаяся область тюркологии, отличающаяся широким привлечением изучаемых материалов и источников. Исследованию тюркской фразеологии посвящен ряд крупных работ, которые могут быть успешно использованы при разработке общей фразеологической теории.

Вместе с тем в данной области еще многое предстоит сделать и прежде всего решить такую первоочередную проблему, как системное исследование фразеологического содержания текстов различной стилистической и жанровой характеристики (тексты художественные, научные, публицистические, фольклорные), а также устной разговорной речи. Это позволит выявить и ввести в научный обиход многочисленные, ранее неучтенные, устойчивые словесные комплексы самого различного образно-идиоматического содержания. О своевременности решения такой проблемы, ее безусловной актуальности убедительно свидетельствуют имеющиеся даже в новейших словарях тюркских языков фразеологические лакуны. Так, например, в словарях узбекского языка до сих пор не получили описания фразеологические единицы типа: *бош-қош бўлмоқ* [6, с. 108; 5, с. 148] 'быть главной фигурой' (например, на свадьбе или при организации какого-либо дела и т. п.); *оғзи қолиб, бошқа ери билан кулмоқ* [6, с. 111] в общем значении 'злорадоваться по поводу чего-либо'; *ити кетиб туради* [2, с. 179] букв. 'его собака уходит', то есть 'у него нет настроения'; *бу қулоғидан кириб, у қулоғидан чиқиб кетмоқ* [5, с. 144] букв. 'в одно ухо войти, из другого выйти', то есть 'не придать значения', 'быть невнимательным, рассеянным', *бири минг бўлмоқ* [6, с. 13] 'разбогатеть'; *қўли ширин* [7, с. 100, 159] 'вкусно, хорошо приготовить'; *туяни тузламасдан ютмоқ* букв. 'глотать верблюда без соли', то есть 'быть бодрым, здоровым, сильным'; *атторнинг қутисидан йўқ* букв. 'такого нет в ящике (мешке) спекулянта', то есть 'совершить что-либо неслыханное' и др. Эти фразеологические единицы наиболее часто встречаются в произведениях современных узбекских писателей. Возникает, таким образом, необходимость выявления особенностей употребления фразеологических единиц в текстах различного жанра. Подобные исследования помимо решения собственно фразеологических проблем позволяют также уточнить важные вопросы общетеоретического значения, например вопрос об отношении языка и речи, выявить для текстов разных жанров типичный фразеологический фонд, охарактеризовать присущие им структурно-семантические типы фразеологических единиц, разработать приемы их отбора и контекстуальной привязки.

Одним из важных микротекстов художественного произведения является диалог (так же, впрочем, как монолог и полилог). Диа-

логическая речь представляет собой обмен высказываниями между собеседниками в конкретно взятой коммуникативной ситуации. Диалогу свойственны такие показатели, как семантико-тематическая цельность и структурно-композиционное единство, охватывающее обычно более или менее развернутую цепь реплик его участников. Все это позволяет предположить, что диалогический контекст накладывает своеобразный отпечаток на отбираемые языковые средства: синтаксические конструкции, лексико-фразеологический материал и т. д. На отбор лексики и фразеологии в диалогических текстах сильно воздействуют закономерности построения разговорной речи. Лексика и фразеология диалога (а также его синтаксический строй) отличаются обилием всевозможных стилистических оттенков, свойственных разговорному просторечию. Поэтому можно считать, что изучение языковых особенностей диалога (лексических, фразеологических, синтаксических и т. д.) будет способствовать выявлению их коннотации, лингвистического и общелингвистического статуса.

Другим столь же важным моментом в изучении диалога можно считать анализ разного рода трансформаций конкретно рассматриваемых языковых единиц (например, фразеологических).

Текст диалога имеет свою специфику и ему свойственны свои деривационные особенности. Прежде всего для диалога характерны синтактико-композиционные принципы построения, обусловленные природой разговорной речи. Это присущие ему типы предложений или их отдельные фрагменты. В частности, в синтаксисе диалогического текста часты всевозможные эллиптические построения. Таким образом, можно считать, что специальное привлечение диалогического текста позволяет точнее раскрыть языковые особенности самой разговорной речи, установить в ней наиболее релевантные показатели синтаксического оформления, лексико-фразеологического комплектования и т. д.

Обратимся к анализу диалога в художественном произведении, ибо именно здесь разговорная фразеология представлена всеми своими основными разрядами. Прежде всего для диалога характерны всевозможные устойчивые разговорные формулы широкого семантико-тематического диапазона. Они нередко передают большой экспрессивный и эмоциональный накал повседневных разговорно-бытовых ситуаций. Можно выделить следующие распространенные типы таких формул:

1. Формулы доброжелательства: *худо омадингги берсин!* [6, с. 13] букв. 'бог тебе счастье даст', то есть 'пусть тебе повезет'; *барака топ!* [6, с. 24] 'пусть тебе все идет впрок' (возглас, употребляемый для выражения одобрения или благодарности); *сувдай сероб бўғур!* [1, с. 193] 'да будет у тебя все в изобилии' (выражение благодарности за то, что напоили водой); *уйингга буғдой тўлсин!* [6, с. 108] букв. 'пусть твой дом наполнится зерном', то есть 'разбогатеи!'; *бошинг тошдан бўлсин!* [6, с. 66; 3, с. 113] букв. 'пусть у тебя будет каменная голова', то есть 'не болей, не умри!'; *қўлларинг дард кўрмасин!* 'чтобы твои руки никогда не болели' [7, с. 255] и др.

2. Формулы проклятия: *отинг ўчгур!* [6, с. 33] букв. 'чтобы твое имя исчезло', то есть 'умри!'; *ит эмган!* [1, с. 212] букв. 'сосавший собаку', то есть 'сукин сын!'; *уруғингга ўт тушгур!* [6, с. 95] букв. 'пусть твой семя огонь охватит!'; то есть 'пусть сгинет (погибнет) твой род!'; *шўрингга шўрва тўкилсин!* [1, с. 184] 'пусть тебе не повезет!'; *қўлингга чипқон чиқсин!* [6, с. 80] букв. 'пусть на твоей руке выскочит чирей' и др.

Устойчивые разговорные формулы играют большую роль в композиционном построении диалога современных узбекских художественных произведений. Отдельные реплики участвующих в диалоге персонажей

оформляются как достаточно сложные тексты. При этом их структурное единство и тематико-смысловая цельность поддерживается нагнетанием серии образно-близких выражений. Приведем показательный в этом отношении фрагмент диалога, композицию которого всецело определяет наличие в репликах пожилой женщины тематически близких устойчивых разговорных формул:

— Худо омадингни берсин, болам!
Минг қатла розиман! Чўлга борганлар
ёмон бўлаётгани йўқ! Қайтамга биринг
минг бўлиб, даштни обод қилгинга нима
етсин!

— Бўлмаса бизга фотиҳа беринг!..

— Илоҳи омин! Эсон-омон, бағри бутун,
тўрт кўз тугал манзилларингга етиб олин-
лар! Йўлларинг оқ, йўлдошларинг ҳақ
бўлсин, бўталарим! Олинглар, олдирманг-
лар! Омин облоҳу акбар! [6, с. 13].

— Дай бог тебе счастья, дитя мое!

Я, конечно же, согласна! Уехавшим на
целину не будет плохо! Наоборот, жить
будешь лучше, превращая голую степь в
цветущий край!

— Тогда благословите нас!..

— Аминь! Чтоб вы до места добрались
благополучно, целыми и здоровыми! Сча-
стливого вам пути, пусть вам повезет с по-
путчиками, дети мои! Пусть вас не поки-
дает удача! Аминь, бог милостив!

Диалоговая фразеология, разговорная по своей семантико-стилистической и функциональной природе, характеризуется употребительностью отдельных разрядов фразеологических единиц. Так, наряду с приведенными выше устойчивыми разговорными формулами исключительную активность в диалоговом контексте узбекской прозы приобретают соматические фразеологические единицы, то есть такие устойчивые словесные комплексы, которые включают в состав фразеолеммы названия частей тела человека или животного. Они отличаются высокой экспрессивностью, благодаря чему нередко относятся к фразеологическим единицам ярко выраженного национального колорита, составляя идиоматическое ядро фразеологии языка. Повседневная народная речь не обходится без соматических фразеологических единиц. Иногда их употребительность в диалоговой (монологической или полилогической) речи определяет индивидуально-стилистическую манеру писателя. Об этом убедительно свидетельствует, например, подборка соматических фразеологических единиц, характеризующих язык произведений Нурали Кабула, приводимых ниже.

Фразеологические единицы: а) с компонентом *бош* 'голова'—*боши юмалоқ, буту айри* [6, с. 10, 19] букв. 'голова круглая, ноги растопыренные', то есть 'некто такой же человек, как все'; б) с компонентом *тери* 'кожа'—*терисига сомон тикмоқ* [6, с. 74] букв. 'загнуть под чью-то кожу солому', то есть 'наказать кого-либо'; в) с компонентом *қовоқ* 'веки'—*қовогидан қор ёғмоқ* [6, с. 79] букв. 'снег идет с век', то есть 'быть злым'; г) с компонентом *кўз* 'глаз'—*бир кўз билан қарамоқ* [6, с. 97] букв. 'смотреть одним глазом', то есть 'ко всем относиться одинаково'; д) с компонентом *оғиз* 'рот'—*қўй оғзидан чўп олмайдиган* [6, с. 159] букв. 'не беруший (вырывающий) солому изо рта овцы', то есть 'тихий, безобидный'; е) с компонентом *оёқ* 'нога'—*итнинг кейинги оёғи бўлиб юрмоқ* [6, с. 5, 31, 181] букв. 'быть задней ногой собаки', то есть 'везде пребывать на заднем плане, отставать от других' и др.

Фразеологическая активность соматизмов дополняется паремийными единицами языка (поговорицами, поговорками и др.) с названиями частей тела человека или животного. Поэтому приведенный выше перечень соматических фразеологических единиц можно дополнить паремиями с соматизмами: *отга тақа қоқса эшак оёғини кўтаргандек* [6, с. 5] 'как ишак поднимает ногу, (тогда как) подковывают коня'; *оч қорним—тинч қулогим* [7, с. 165] 'пусть голодный—зато спокойный' и др.

Фразеологические средства языка играют важную изобразительную роль в диалоге художественного произведения. Весьма разнообразны способы их включения в контекст диалога. Степень же фразеологической насыщенности диалога и произведения в целом является показателем богатства языка писателя, выразительности речевой характеристики героев его произведения и т. д.

Отметим наиболее характерные особенности фразеологии диалогов современной узбекской прозы. Для этого необходимо выявить контекстные выразительные возможности фразеологических единиц, реализуемых в репликах персонажей произведения, участвующих в диалоге, что должно раскрыть место и роль фразеологических единиц в структуре цельного фрагмента диалога.

Важное значение имеет анализ диалоговой фразеологии, присущей речи того или иного из персонажей произведения. Это позволяет с большей глубиной и объективностью раскрыть и истолковать конкретно взятый образ. Подобные данные убедительно характеризуют и языковое новаторство писателя. Без опоры на выразительные возможности фразеологии языка нельзя добиться индивидуализации и выразительности художественного текста. Так, например, речь какого-либо персонажа часто индивидуализируется повтором отдельных фразеологических единиц; ср. повтор фразеологической единицы *тўёгинги шикиллат* 'убирайся отсюда, ступай вон!' в следующих диалоговых репликах Маннопа из романа Джонрида Абдуллаханова «Тўфон» («Ураган»):

— *Отига тан бериш керак... Биздан кейин у ҳам тўёгини шикиллатади бу ердан* [2, с. 90] — С ее именем надо считаться... После нас она тоже уйдет отсюда'.

— *Ҳа, қария... Ҳали ўша менга кўз олайтирганларнинг ўзлари тўёқларини шикиллатиб қолмасалар нимамиш* [2, с. 111] — Да, старик... Мы еще посмотрим. Те, кто плохо ко мне относятся, сами уйдут отсюда'.

и др.

Прием повтора фразеологической единицы сам по себе уже достаточно эффективен. Однако еще большей эффективности автор достигает тогда, когда повторяющиеся фразеологические единицы сопровождаются некоторыми видоизменениями исходной фразеоформы. Часто это выражается в появлении в речи персонажа вариантных фразеологических единиц. Ср. употребление вариантно соотнесенных фразеоформ *томирига болта урмоқ* 'подрубать корни' и *оёғига болта урмоқ* букв. 'ударить топором по ноге, по основанию чего-либо', то есть 'подрубать корни, подрывать (основание), подкапываться (под кого-либо), готовить гибель (кому-либо)':

— *Бу ҳам жанг эълон қилиш учун берилган сигналмикин... Томиримга болта уриб ўрними эгаллаш пайданмасмикин?* [2, с. 133];

— Не является ли это сигналом объявления мне войны... Не хочет ли он занять мое место, подрубив мне корни?...

— *Камтарликнинг чегараси бўлади, Моҳидилхон, ...У сиздақа ўсиб келувчиларни ёқтирмайди, оёғингизга болта уради. Ҳўп денг...* [2, с. 184].

— Есть же все-таки предел смиренью, Моҳидилхан, ...Такие, как вы растущие, ему не понравятся. Поэтому он даст вам подножку (букв. 'ударит топором по вашим ногам'). Согласитесь со мной...'

Кстати, во фразеологии диалога часты вариационные колебания фразеоформ многих фразеологических единиц. Тем самым обновляются их образные основы и усиливается общая экспрессивная выразительность всего диалогового текста. Укажем на типичный образец усиления семантико-экспрессивного содержания фразеологической единицы: *бири икки бўлмоқ* букв. 'одно становится двумя' (то есть 'разбогатеть'), в которой компонент *икки* 'два' заменяется тематически соотнесенным ком-

понентом *минг* 'тысяча', в результате чего вариационно преобразованная в контексте фразеологическая единица выражает значительно более насыщенное семантическое значение: *...Қайтамга биринг минг бўлиб, даштни обод қилганга нима етсин!* [6, с. 13].

Фразеология широко используется как средство достижения смыслового и композиционного единства довольно обширного диалогического контекста. Это реализуется, в частности, посредством включения в диалог синонимичных фразеологических единиц. Так, нередко какая-либо фразеологическая единица, употребленная в речи одного из персонажей, может оказаться недостаточно понятной его собеседнику, что требует в последующем диалоговом контексте соответствующих уточнений, конкретизаций. В этом случае первый собеседник добавляет к сказанному еще одну — синонимичную — фразеологическую единицу, шире распространенную, с более понятным образным содержанием. Приведем пример употребления пары синонимичных фразеологизмов: *ити кетиб турибди* 'у него нет настроения' и *феъли айниб қолди* 'у него испорчено настроение' в следующем фрагменте диалога:

— Одамовики... *Ха, қизим, ҳар ким ичидан ўтганини ўзи билади. Ити кетиб турса-ку...*

— Итининг нима дағли бор бу гапларга? — *унинг сўзини бўлди Моҳидил.*

— ...*Ҳар замонда феъли айниб қолад, демоқчи эдим-да* [2, с. 179].

— Он скрытный... Да, доченька, каждый сам знает, что у него внутри творится. **Если его собака уходит...** (то есть 'Если у него не будет настроения')

— А причем тут **собака?** — прервала его Мохидил.

— Иногда у него не бывает настроения, — хотел сказать я.

Синонимичные фразеологические единицы в речи одного персонажа способствуют более убедительной передаче смысловой доминанты высказывания, фиксируя на ней внимание другого участника диалога. Ср. фрагменты реплики одного персонажа, объединяемые контекстуальными возможностями двух синонимичных фразеологических единиц: *мендан кетгунча, эгасига етгунча* 'на брюхе шёлк, а в брюхе-то шёлк' и *таши ялтироқ, ичи қалтироқ* 'снаружи блестяще, а внутри дрожаще' (смысл тот же).

— *Ха, бу қадимий... Баҳромов доим осон йўлни танлайди, «мендан кетгунча, эгасига етгунча», деб иш тутади...*

— *Емон кўрган одамингизга дунёда бор айбларни тақаверар экансиз-да!*

— *Наҳотки сиз ўзингиз Баҳромовнинг гаши ялтироқ ичи қалтироқ ишларини кўрмагансиз? Баҳромов райижрокомда ишлаб юрган пайтда қилган иши эсингиздан чиқдими?* [7, с. 270].

— Да, этот старый... Бахромов выбирает всегда легкую дорогу, говоря «**пусть на брюхе шёлк, а в брюхе щёлк...**» (то есть букв. 'пусть я что-нибудь потеряю, лишь бы досталось оно хозяину').

— Оказывается, вы нелюбимому человеку приписываете все людские недостатки!

— Неужели вы сами не знаете поведения Бахрамова, у которого **снаружи блестяще, а внутри дрожаще** (то есть 'на брюхе шёлк, а в брюхе щёлк').

Тематико-смысловому единству диалогового контекста способствует одновременное использование в репликах (например, одного персонажа) синонимически соотнесенных фразеологических единиц и слов. Сравним употребление фразеологизма *туёғини шиқиллатмоқ* и синонимичного ему слова *жўнамоқ* 'уйти' в следующем диалоговом контексте:

— *Ундай бўлса, тўёгингни шиқиллатиб қол қирилишдан!*

— Э, йўқ, мен...

— *Жўна! — деди у овозида хирилдоқ туриб, — жўна менинг кабинетимдан!* [2, с. 136—137].

— В таком случае, топай со стройки!

— Э, нет, я...

— Уйди! — сказал он дрожащим голосом, — уйди из моего кабинета!.

Подобная лексико-фразеологическая взаимодополняемость в выражении цельной семантической доминанты поддерживает семантико-структурное единство диалоговых фрагментов довольно значительного текстового объема.

Опора диалоговой структуры на серию тематически связанных слов, словосочетаний и фразеологических единиц позволяет передать по мере контекстуального развертывания диалога все более выразительные и наглядные фразеологические образы. Это особенно отчетливо проявляется при параллельном употреблении в диалоге необычного (безобразного) выражения и фразеологизма, отличающегося своим ярким фразеобразом. Сравним диалоговый контекст, построенный на основе безобразного выражения *аҳамият бермадим* 'не придаем значения' и образно яркой фразеологической единицы *бу қулоғидан кириб, у қулоғидан чиқиб кетмоқ*:

— *Тавба, шу бугун эрталаб соппа-соғ эдилар...* Мен аҳамият бермадим, бу қулоғидан кириб, у қулоғидан чиқиб кетди. [5, с. 114].

— Вот тебе и на! Только сегодня утром она была здоровой... Я не придавал значения (ее словам), оставил (их) без внимания, в одно ухо вошло, из другого вышло.

Смысловому и тематическому единству разных реплик диалогического контекста способствует и такой повтор фразеологической единицы, который дополняется повтором какого-либо вычленяющегося из ее состава слова-компонента. Подобный прием усиливает речевую выразительность и влияет на композицию всего диалогового единства в зависимости от структуры и компонентного наполнения фразеоформы. Так, например, строится следующий диалоговый фрагмент, в котором используются на базе фразеологизма *тўйдан кейин ногора қоқмоқ* букв. 'играть музыку после свадьбы' приемы повтора как всей фразеологической единицы в целом, так и одного из ее наиболее важных компонентов *тўй* 'свадьба':

— *Нега энсангиз қотади?* — деб ўрнидан турди ўша саволни берган киши — *Ғапимга тушундинглар шекилли...* Тўйдан кейинги ногоранинг кимга кераги бор?

— *Ҳар ким фақат ўзини ёки фақат бугунни ўйласа, бошқаларни ким ўйлайди, ким эртанги куннинг ғамини ейди?* Тўйдан кейин ногора эмиш-а. *Виздан кейин тўй бўлмайди деб ўйлайсизми?..* [1, с. 13].

— А почему вас это неприятно удивляет? — сказал человек и встал. — Видимо, вы меня поняли... К чему музыка после свадьбы?

— Если каждый человек думает о себе или о сегодняшнем дне, то кто же будет заботиться о других, о завтрашнем дне? К чему музыка после свадьбы. Вы думаете, что после нас свадеб не будет?...

Выделяющееся из состава фразеологической единицы слово выражает обычно основную часть ее образного содержания. Последующее употребление такой детали фразеологизма способствует, с одной стороны, значительной экономии диалогового текста и позволяет избежать излишних повторов, с другой — в контексте диалога таким образом обыгрывается смысл слов, участвующих во фразеологическом образостроении. Условием организации подобного контекста на базе фразеологических слов является употребление в начале диалога соответствующей фразеологической единицы в ее полной фразеоформе. Композиция последующего диалогового контекста организуется на базе одного словного репрезентанта данного фразеологизма, то есть такого его компонента, который в максимальном объеме передает его фразеобраз. Так, после введения в диалог фразеологизма *дард устига чипқон* букв. 'к болезни да еще и чирей', то есть 'мало было одной неприятности — добавилась еще новая', последующее контекстное продолжение строится на основе семантических, синтаксических и сочетаемост-

ных возможностей вычленившегося из данной фразеологической единицы слова-компонента *чипқон* 'чирей':

— *Ўзим қийналиб юрган пайтимда сиз ҳам дард устига чипқон бўляпсиз-да, лекин!...*

— *Ким чипқон?!*

— *Э, гапларингиз чипқондан баттар аччиқ!*

— *Чипқон деб ойингизни айтинг! Ўша киши турмушимизни заҳарга айлантиряпти! [7, с. 232].*

— Сам хожу и мучаюсь, и вы тут мешаетесь, к болезни да еще и чирей, ну!..

— Кто чирей?!

— Э, ваши слова хуже чирея!

— Чиреем назовите свою маму! Она портит нашу жизнь!

Анализ фразеологии диалогов современной узбекской художественной прозы позволяет заключить, что ее характеризуют деривационные процессы с широким охватом фразеологических единиц различных семантико-структурных и стилистических разрядов, всей фразеологической системы узбекского языка в целом. Это и многочисленные фразеологические модели, взаимодополняемость лексики и фразеологии, продуктивность основных типов фразеологизмов, внутрифразеологические связи по линии вариантности, синонимии, антонимии, полисемии, по степени выражения их стилистического статуса и т. д. Анализ всех этих явлений с опорой на диалог, полилог и монолог позволит в дальнейшем достаточно исчерпывающе изучить основы разговорной фразеологии современного узбекского языка. Это необходимо для выявления закономерностей и эволюционных процессов в тюркских языках вообще.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Жонрид Абдуллахонов*. Сайланма. Икки жилдлик. Биринчи жилд. Йул. Роман, ҳикоялар. Тошкент, 1982.
2. *Жонрид Абдуллахонов*. Сайланма. Икки жилдлик. Иккинчи жилд. Тўфон. Роман, Тошкент, 1983.
3. *Сарвар Азимов*. Юлдузлар жамоли (Наср, саҳна, экран). Тошкент, 1983.
4. *Ойбек*. Қуёш қораймас. Тошкент, 1977.
5. *Ўктам Усмонов*. Гирдоб. Роман. Тошкент, 1979.
6. *Нурали Қобул*. Қаптарлар қайтмаган кун. Қиссалар, эссе, ҳикоялар. Тошкент, 1984.
7. *Пиримқул Қодиров*. Олмос қамар. Роман. Тошкент, 1983.

Ж. М. ГУЗЕЕВ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧОКАЮЩЕГО ДИАЛЕКТА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Известно, что формирование карачаево-балкарского литературного языка произошло на основе его чокающего диалекта (языка балкарцев Баксанского, Чегемского ущелий и карачаевцев). Однако нельзя согласиться с теми диалектологами, которые утверждают, что этот диалект адекватен нормированному литературному языку и не имеет от него отклонений.

Многолетние наблюдения над живой речью носителей чокающего диалекта, ее магнитофонные записи, а также другие источники убеждают нас в том, что за последние пятнадцать—двадцать лет в ней произошли новые фонетические и морфологические изменения, отличающие данный диалект от литературного карачаево-балкарского языка.

Фонетические особенности. 1. Переход литературного звука $\phi > n$. Видный исследователь фонетики карачаево-балкарского языка Ш. Х. Акбаев в 1963 году писал, что в этом языке, так же как и в его чокающем диалекте, в словах тюркского корня фонема ϕ отсутствует и что она характерна лишь для цокающего диалекта. В чокающем диалекте ей соответствуют фонемы b и n^1 . В то время это так и было. Однако начиная с конца 60-х годов фонема ϕ стала фактом общелитературного карачаево-балкарского языка². Об этом свидетельствуют следующие характерные примеры:

а) слова тюркского корня *кюф* 'закром', *фулму* 'мучная пыль', *шерф* 'косо, косо́й', *фотку* 'древесные опилки', *кзулф* 'очерченный круг, отметина' и многие другие, ранее употреблявшиеся только в цокающем диалекте, ввиду отсутствия соответствий в литературном языке начали проникать в него через художественную литературу и особенно через периодическую печать, радио и телевидение. Уже к концу 70-х годов процесс этот завершился;

б) в этот же период многие арабизмы (*дефтер* 'тетрадь', *фатар* 'квартира', *зарф* 'печать', *файда* 'польза', *фахму* 'талант' и другие), в которых до этого буква ϕ заменялась n , стали писаться с ϕ как в языке-источнике;

в) осетинские заимствования (*ыфсыл* 'ледяной мост', *ыфчык* 'перевал', *гёжеф* 'силач, борец' и ряд других), бытовавшие ранее только в

¹ Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка (Опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1963, стр. 65.

² Ж. М. Гузеев. О составе фонем современного карачаево-балкарского языка. — «Советская тюркология», 1973, № 4, стр. 60—61.

цокающем диалекте, через упомянутые выше источники также проникли в литературный язык;

г) многие арабизмы расширили свое значение. Так, например, слово *кеф* 'настроение' приобрело значения «пьяный» и «облик». Слово *сыфат* 'красота, благообразие' приобрело также значение «облик», «образ». На этой основе образовался термин *сыфат* 'прилагательное'. Эти примеры не единичны.

В результате расширения значений арабизмов согласный *ф* ныне противопоставляется *п* и *б*: *кеф*—*кеп* 'колодка, форма (для шляп, отливов и т. п.)', *саф* 'ряд (в строю)' — *сап* 'черенок, ручка чего-либо', *кылыф* 'проделка'—*кылып* 'сделав что-либо', *фатар*—*батар* 'утонет' и др. Факт возникновения определенных оппозиций в системе консонантизма или вокализма, как известно, является основным показателем заимствования фонем³.

Таким образом, в освоении фонемы *ф* литературным карачаево-балкарским языком главную роль сыграл его цокающий диалект.

Что же касается носителей чокающего диалекта и даже билингвов, то в их речи, как правило, фонема *ф* реализуется в звуке *п*: *сыпат*, *пайда*, *патар*, *шерп*, *пулму* и т. д. (вместо литературных *сыфат*, *файда*, *фатар*, *шерф*, *фулму*).

2. Озвончение звука *т* > *д* обычно в начале некоторых слов: *дукъум*, *дюкгюч*, *доппан* и т. д. вместо *тукъум* 'фамилия, род'; *тукгюч* 'пень' (<*тюп* 'под' + *гюч*), *топпан* 'купол, шапочка' (<*топ* 'мяч, круглый' + *ан*).

3. Озвончение звука *к* > *г* в начале слов, наблюдаемое в речи носителей басхано-чегемского говора: *гешене*, *гышмы*, *гиназ*, *гёрох* и т. д. вместо *кешене* 'склеп, гробница', *кышмы* 'копыто', *киназ* 'князь', *кёрох* 'пистолет, наган'.

4. Палатализация согласных *к*, *г*, *л*, *р*, *ч*, *ж*, независимо от гармонии гласных (особенность басхано-чегемского говора): *К'азим*, *К'амал*, *Л'окъман* (личные имена), *бишл'акъ*, *л'окъум*, *гир'ах*, *гир'анча*, *хычин*, *чиран*, *жил'ан*, *жил'а* и т. д. вместо *Казим*, *Камал*, *Локъман*, *бишлакъ* 'сыр', *локъум* 'лакум', *гырах* 'горбушка хлеба', *гыранча* 'род женского головного платка', *хычин* 'род пирога', *чыран* 'ледник', *жылан* 'змея', *жыла-* 'плакать'.

5. Метатеза *чх* < *хч*, *сх* < *хс*, *ск* < *кс*: *бачха*, *бочха*, *ачха*, *асха*, *ёскюз* вместо литературных *бахча*, *бохча* 'кошелек', *ахча* 'деньги', *ахса-* 'хромать', *ёксюз* 'сирота'.

Морфологические особенности. В отличие от фонетических, морфологические особенности диалектов карачево-балкарского языка совершенно не изучены. В данном сообщении рассматриваются нами морфологические особенности лишь чокающего диалекта.

1. Замена литературного аффикса вторичного деепричастия 1-го лица множественного числа прошедшего времени *-быз* аффиксом *-ыкъ/ -ик*: *баргъаныкъда*, *билгеникде* и т. д. вместо литературных *баргъаныбызда* 'когда мы прибыли (туда)', *билгенибизде* 'когда мы узнали'.

2. Выпадение аффикса *-ыгъ/ (-ыкъ)/-иг(-ик)* в конструкции—субстантивированное причастие+вспомогательный глагол *кел* в форме 3-го лица единственного числа: *айтырым келеди*, *этери келеди* и т. д. вместо литературных *айтырыгъым келеди* 'мне хочется сказать, высказаться', *этериги келеди* 'ему хочется делать что-то'.

³ М. И. Исаев. Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка. — В сб.: «Язык и общество». М., 1968, стр. 95; А. И. Васильев. Имеются ли в тюркских языках фонемы, заимствованные из русского? — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 98.

3. Выпадение согласного *н* в составе аффикса 3-го лица единственного числа: *барсы*, *эτσι* и т. д. вместо литературных *барсын* 'пусть идет, едет', *эцсин* 'пусть делает'.

4. Употребление вторичных деепричастий на *-гъанлай/-генлей* в притяжательной форме: *баргъанлайыма*, *кёргенлейинге* и т. д. вместо литературных *баргъанлай* 'как только прибыл (туда)', *кёргенлей* 'как только увидел'.

5. Употребление вторичных деепричастий на *-гъынчы/-гинчи* с добавочными аффиксами *-н* и *-нга/-нге*: *баргъынчин*, *баргъынчиннга*, *кетгинчин*/*кетгинчиннге* и т. д. вместо литературных *баргъынчы* 'пока пойдет, поедет', *кетгинчи* 'пока уйдет, уедет'.

6. Употребление редуцированной формы причастий будущего времени на *-ныкъ/-ник*, *-нукъ/-нюк*: *сынныкъ*, *жуьуннукъ* и т. д. вместо литературных *сынарыкъ* 'то, что должно сломаться, разбиться', *жуьунурукъ* 'тот, кто должен купаться'.

В научной грамматике карачаево-балкарского языка отмеченные морфологические особенности необоснованно квалифицируются как варианты литературной нормы⁴.

⁴ И. Х. Урусбиев. Глагол. — В кн.: «Грамматика карачаево-балкарского языка» Нальчик, 1976, стр. 203—272.

Н. М. ХУДИЕВ

ОБ ОБРАЗОВАНИИ НЕОЛОГИЗМОВ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

При образовании неологизмов по продуктивным словообразовательным моделям обновляются и их форма, и содержание, при калькировании же — только форма. В азербайджанском языке новые слова, образующиеся за счет его собственных внутренних ресурсов, носят различный характер.

1. Образование лингвистических неологизмов. В возникновении лингвистических неологизмов основную роль играют словообразовательные функции языка, включающие его фонетический, морфологический и синтаксический аспекты. Слова, образованные данным путем, могут быть квалифицированы как неологизмы лишь в определенном синхронном срезе. В связи с тем, что фонетический способ словообразования был характерен для относительно древнего периода развития языка, датировка таких слов представляет значительные трудности. К азербайджанским словам, образованным фонетическим способом, могут быть отнесены, например, следующие: *гыдыг* 'щекотка', *гычыг* 'раздражение', *јалныз* 'только, лишь', *јалгыз* 'одинокий', *кичик* 'маленький', *кучук* 'щенок'.

В возникновении новых слов, образующихся морфологическим путем, важную роль играют продуктивные аффиксы. Образованные с их помощью слова достаточно скоро приобретают общезыковогой характер и перестают восприниматься как неологизмы: *дәмирчи* 'кузнец', *көмүрчү* 'угольщик', *чәкмәчи* 'сапожник', *одунчу* 'дровосек', *гојунчу* 'овцевод' и т. п. Эти и подобные им новообразования являлись неологизмами лишь при возникновении соответствующих профессий. Слова типа *памбыгы* 'хлопкороб', *тәшкилатчы* 'организатор', *таблиғатчы* 'пропагандист', *ленинчи* 'ленинец', *комсомолчу* 'комсомолец', *партијачы* 'партиец', *эмгәкчи* 'труженик', *ишчи* 'рабочий', *зәрбәчи* 'ударник', *стахановчу* 'стахановец', появившиеся в советское время, давно перестали восприниматься как неологизмы и считаются общезыковыми лексическими элементами, прочно вошедшими в словарный состав языка. Однако такие слова, как *һектарчы* 'сельский труженик, обрабатывающий гектар земли', *ујарлыг* 'соответствие', часто встречающиеся в языке современной периодической печати, можно квалифицировать как неологизмы. При этом нельзя не отметить, что тенденция обретения неологизмами общезыкового характера все более усиливается. Это относится и к неологизмам, возникшим синтаксическим путем. Слова типа *әлүзјүјән* 'умывальник', *бешачылан* 'пятизарядная винтовка', *отбичән* 'косилка', *шүшәбәнд* 'застекленная галерея', *мешәбәји* 'лесник', *дузгабы* 'солонка', *ајагабы*

‘обувь’, *эларабасы* ‘ручная тележка’, *винтачан* ‘отвертка’ и т. д., несомненно, появились значительно позже слов типа *балгабаг* ‘тыква’, *гарагуш* ‘орел’, *билэрзик* ‘браслет’ и т. д. Тем не менее они не могут быть отнесены к неологизмам, ибо они уже давно функционируют в языке и стали общеупотребительными. В языке современной периодики нередко встречаются и подлинные неологизмы, такие, как: *гаршыдурма* ‘противостояние’, *сутутар* ‘водоизмещение’, *тамихтијарлы* ‘полноправный’, *пешә-јөнүмү* ‘профорентация’, *мәгсәдјөнлү* ‘целенаправленный’ и т. п.

2. Образование окказиональных неологизмов. В возникновении неологизмов немалая роль принадлежит и художественной литературе. Поэты и прозаики иногда создают новые слова, получившие название окказиональных¹.

Как правило, лингвистические неологизмы противопоставляются окказиональным, ибо последние выполняют исключительно стилистические функции. Лингвистические неологизмы, в отличие от окказиональных, со временем становятся общеупотребительными и входят в словарный состав языка; окказиональные же, будучи продуктом творчества отдельного писателя, функционируют лишь в контексте его произведения и далеко не всегда становятся единицами живой общенародной речи.

Разумеется, не все новые слова, встречающиеся в языке того или иного писателя и не употребляющиеся в литературном языке, могут квалифицироваться как стилистические неологизмы. Часть стилистических неологизмов выражает новое значение, однако другая их часть характеризуется лишь новизной формы, выражая при этом старое значение. В азербайджанской художественной литературе обе указанные тенденции усилились в советское время, способствуя обогащению лексико-семантических возможностей языка. Любое возникшее таким образом слово может функционировать во всех сферах языкового общения, если оно было образовано в соответствии со словообразовательными моделями языка. Если же новое слово носит надуманный характер, то оно обычно бывает недолговечным. В первые десятилетия Советской власти тенденция к словотворчеству в азербайджанском литературном языке была весьма сильной. Часть новых слов, как справедливо отмечает Н. Аббасова, способствовала более точному и самобытному выражению значений, другая же часть, наоборот, затуманивала смысл². Все подобные неологизмы можно классифицировать следующим образом:

а) неологизмы, возникшие в результате словотворчества отдельных писателей. В 20—30-е годы в азербайджанской литературе была достаточно сильна тенденция к пуризму. Ряд появившихся в эти годы в произведениях писателей слов не был достаточно художественно мотивирован, их грамматическая структура была искусственной. Поэтому они так и не вошли в общенародный язык. К подобным словам можно отнести *көрүк* ‘окно’, *дүзкү* ‘цепь’, *гајтаргу* ‘ответ’, *баты* ‘запад’, *умгу* ‘желание’. Подобными искусственными словами писатели и поэты пытались вытеснить арабские и персидские заимствования. В связи с тем, что такие слова, как *пәнчәрә* ‘окно’, *зәнчир* ‘цепь’, *чаваб* ‘ответ’, *гәрб* ‘запад’, *арзу* ‘желание’, давно вошли в азербайджанский язык и стали для него органичными, приведенные выше слова так и остались на-

¹ См.: А. Г. Лыков. Современная русская лексикология (Русское окказиональное слово). М., 1976; «Современный русский язык», Минск, 1979, стр. 215—220; «Русский язык», ч. I. М., 1971, стр. 37—38; «Современный русский язык», М., 1978, стр. 33; «Азәрбајжан бәдин дилинин үслубијјаты», Бақы, 1970, стр. 92—105.

² См.: «Азәрбајжан бәдин дилинин үслубијјаты», Бақы, 1970, стр. 103.

всегда в языке произведений придумавших их авторов. В произведениях художественной литературы встречаются слова, включение которых в язык никак не может быть семантически оправдано. Подобные окказионализмы встречаются и в языке современных писателей. Как правило, их появление связано со стремлением к образованию новых слов, к индивидуализации авторской стилистики. Большей частью такие слова создаются путем аналитического словообразования, то есть окказионализмы создаются на основе существующих в языке словообразовательных моделей. Известно, что с помощью древнейшего аффикса *-даш* были образованы слова: *јолдаш* 'товарищ', *сирдаш* 'единомышленник', *мәсләкдаш* 'сподвижник', *әмәкдаш* 'сотрудник', *вәтәндаш* 'гражданин'. Эти слова не только соответствуют лексико-грамматической структуре азербайджанского языка, но их существование полностью оправдано и семантически. Однако в языке художественной литературы встречаются слова, хотя и образованные аналогично приведенным, однако семантически не оправданные. К подобным словам относятся *күндаш*, *илдаш*, *көнүлдаш* (Р. Рза), *саггалдаш* (Б. Байрамов) и т. п. У отдельных авторов встречаются неологизмы, казалось бы, созданные по существующим в языке словообразовательным моделям, однако не привившиеся в литературном языке. К ним относятся *охумлу* (Р. Рза), *јашары*, *көрүмлүлүк*, *дүјүмлү*, *ајрынты* (Анар), *галхым* (Б. Байрамов), *көзсүз* (С. Гусейн).

б) Неологизмы, возникшие на основе общенародного языка. В языке литературных произведений встречаются неологизмы, созданные на основе существующих норм общенародного языка. Часть подобных слов образуется с помощью аффикса *-лаш-*. Например, глагол взаимно-сопоставленного залога от имен существительных и прилагательных: *мәктублашмаг* 'переписываться', *үзләшмәк* 'препираться', *дәрдләшмәк* 'изливать друг другу душу', *сағламлашмаг* 'выздороветь', *күтләшмәк* 'отупеть'³. В живой разговорной речи глаголы на *-лаш-* иногда имеют и медико-пассивное значение, в котором обычно и употребляются неологизмы в языке современной художественной литературы. Аффикс *-лаш-* нередко присоединяется к словам с аффиксом *-сыз*: *көнүлсүзләшмәк* 'относиться неодобрительно' (Б. Байрамов), *гијмәтсизләшмәк* 'обесцениваться' (Анар), *кәрәксизләшмәк* 'стать непригодным' (Б. Вагабзаде). В языке художественной литературы встречаются и другие производные глаголы на *-лаш-* с медико-пассивным значением: *һејкәлләшмәк* 'превращаться в памятник' (Б. Вагабзаде), *паспортлашмаг* 'получить паспорт' (Р. Рза). Имеются потенциальные возможности проникновения подобных неологизмов в общенародную разговорную речь.

Почти все производные слова на *-чы* отражают влияние живого общенародного языка на язык художественной литературы. Определенную роль в обогащении словарного состава литературного языка играют именно слова с этим аффиксом. С его помощью образуется ряд неологизмов, обозначающих профессии: *чаланчы* 'музыкант', 'играющий на музыкальном инструменте' (Анар), *ичласчы* 'председатель или участник собрания' (А. Велиев), *аранчы* 'пахарь-жнец', *фермачы* 'работник фермы' (Б. Байрамов) и т. д. Подобные слова чаще всего употребляются в живой речи и лишь после проникновения в язык художественной литературы становятся полноправными лексическими единицами литературного языка. Поэтому их нельзя квалифицировать как продукт словотворчества писателей и поэтов. И многие другие производные слова, нося-

³ См.: С. Чәфәров. Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадычылығы. Бақы, 1960, стр. 107.

щие общенародный характер, проникают в литературный язык после их «шлифовки» в языке отдельных художественных произведений. К подобным словам могут быть отнесены: *динчликсиз* 'без усталости', *сыгал-сызлыг* 'без опеки, без ласки', *һамамланмаг* 'искупаться в бане', *чөлчүлүк* 'полеводство', *отурушмуш* 'пожилой', *башсызлыг* 'произвол', *бојсуз* 'маленький (ростом)' и т. п.

Нередко писатели вводят в литературный язык новые слова в целях замены труднопроизносимых, не соответствующих лексико-семантическим и фоно-морфологическим нормам родного языка иноязычных заимствований. Такие слова также включаются в разряд неологизмов и становятся лексическими единицами, обогащающими словарный состав литературного языка. Некоторые из таких неологизмов постепенно полностью вытесняют заимствованные слова, а другие образуют вместе с уже функционирующими словами синонимический ряд. К словам, предназначенным для замены иноязычных заимствований, относятся, например: *ишылган* (М. Мушфик), *ишыгфор* (Р. Рза) вместо *светофор*; *истиөлчән* (Р. Рза) вместо *термометр*; *әјләч* (Б. Байрамов) вместо *тормоз*; *сојутмаз* (Б. Байрамов) вместо *термос*; *өмүрлүк* (Анар) вместо *тәрчүмәји-һал* 'автобиография'; *ишыгчы* (Б. Байрамов) вместо *монтјор*; *күдүкчү* (А. Велиев) вместо *часус* 'шпион' и т. п.

В современной художественной литературе нередко встречаются слова типа *букунлук*, *јузиллик* (Анар), *өлмәзлик* (З. Ягуб), образующие синонимический ряд соответственно со словами: *мүасир* 'современный', *әср* 'век', *әбәди* 'вечный'.

3. Неологизмы диалектного характера. Диалектизмы нередко проникают в литературный язык через посредство художественных произведений. К неологизмам могут быть отнесены диалектные слова, введенные в литературный язык отдельными писателями и уже не воспринимающиеся как неологизмы. Например, слово *сајрышмаг* 'мигать' (о звездах и электрических лампочках) (С. Вургун и М. Мушфик) некогда считалось диалектным неологизмом, а теперь этот глагол стал уже общеупотребительным. Следующие слова, вошедшие в литературный язык из диалектов, некогда воспринимались как неологизмы: *јатыр* 'сокровище', *ејван//артырма* 'балкон', *чимир* 'сон', *алыг* 'ноша', *бурунламаг* 'отвергать', *тәнкимәк* 'ослабевать', *тохтамаг* 'остановиться', *тејләмәк* 'гнать', *пәсинмәк* 'стесняться', *ејмәнмәк* 'вздрагивать', *тәнтимәк* 'утомляться', *созалмаг* 'бледнеть' и т. п.

4. Неологизмы, возникающие путем калькирования иноязычных слов. В словообразовательном процессе, как известно, способ калькирования играет важную роль. Здесь форма выражения определенного содержания в одном языке передается соответствующей формой другого языка. Иначе говоря, при калькировании смысл того или иного понятия передается путем буквального перевода, в связи с чем кальки входят в состав неологизмов в определенном синхронном срезе. Как правило, на лексическом уровне калькировать можно лишь сложные слова, иногда и производные. Как только кальки приобретают общеупотребительный характер, они перестают быть неологизмами. Кальки типа *өзүнүтәнгид* 'самокритика', *јарымфабрикат* 'полуфабрикат', *әлејһгаз* 'противогаз', *јарыммүдафиә* 'полузащита', *әмәккүн* 'трудодень', *дүнјакөрүшү* 'мировоззрение', *өзүнүтәрбија* 'самовоспитание', *тозсоран* 'пылесос', *өзүнәхидмәт* 'самообслуживание'⁴, появившиеся в последние десятилетия, уже вышли из разряда неологизмов. Кальки возникают не случайно, а тогда, когда возникает необходимость в передаче средствами данного языка

⁴ См.: «Мүасир Азәрбајҹан дили», I ч. Бақы, 1978, стр. 243—245.

значения слова, функционирующего в другом языке. Если калькирование слова средствами того или иного языка не представляется возможным, то тогда заимствуется в язык само слово. Если, например, слова русского языка «самокритика» и «самообслуживание» калькированы в азербайджанский язык как *өзүнүтәнгид* и *өзүнәхидмәт*, то сложносокращенные слова типа «комсомол», «колхоз», «совхоз» не калькировались, а просто заимствовались.

В обогащении словарного состава языка важное место занимает и заимствование. При этом в заимствующем языке наряду с новым понятием появляется и новая форма. Заимствованные слова входят в язык в силу объективной необходимости и в зависимости от интенсивности их употребления прочно закрепляются в словарном составе языка и быстро перестают восприниматься как неологизмы. Следует отметить, что за годы Советской власти в условиях расширения и укрепления социально-экономических и культурных связей между народами нашей страны, процесс заимствования лексики из одного языка в другой стал более интенсивным. Особенно велика роль русского языка в обогащении словарного состава всех национальных языков СССР. Из русского и через русский язык много лексических единиц проникло и в азербайджанский язык.

В 20—30-е годы, например, были заимствованы слова: *револүсија*, *партија*, *ревком*, *рабфак*, *пролетар*, *нарком*, *совет*, *актив*, *комиссар*, *декрет*, *большевик*, *культура*, *аероплан* и т. д. Часть этих слов в результате изменений в социальной жизни перешла в разряд историзмов, часть была заменена соответствующими эквивалентами. В 30-е годы и в начале 40-х годов в азербайджанский язык были заимствованы слова: *колхоз*, *совхоз*, *коллектив*, *электрик*, *энержи*, *бригада*, *бригадир*, *телефон*, *автобус*, *троллейбус*, *програм*, *комбайн*, *социализм*, *телеграф*, *университет*, *фашизм*, *фронт*, *бомба*, *авангард*, *план* и т. п. В 50—60-е годы в азербайджанском литературном языке появились слова типа: *ракет*, *космос*, *космонавт*, *астронавт*, *космодром*, *луноход*, *планетоход* и т. п.

Неологизмы, связанные с различными областями социально-экономической жизни, продолжают и сегодня проникать в азербайджанский язык из русского языка. В качестве примера можно привести слова: *сенаж*, *плантасија*, *стимул*. Такие неологизмы-заимствования нередко употребляются параллельно со словами почти аналогичного значения, давно бытующими в языке, однако именно они играют важную роль в обогащении синонимических рядов языка. Слово *плантасија*, например, проникло в язык при наличии слова *тарла*, ибо понятие «участок земли, занятый сельскохозяйственной культурой», расширилось, и слово *тарла* уже не охватывало все оттенки данного понятия. В современном азербайджанском литературном языке слово *тарла* употребляется в сочетании с *памбыг* 'хлопок', *үзүм* 'виноград'; слово же *плантасија* сочетается со словами: *чај*, *тутун* 'табак', *памбыг* 'хлопок', *үзүм* 'виноград' и т. п.

И слова, образованные за счет внутренних ресурсов самого языка, и заимствования — являются главными источниками обогащения словарного состава языка. Слова, образующиеся за счет внутренних ресурсов языка, отражают его лексико-семантические и грамматические возможности, тогда как заимствования привносятся в язык в готовом и почти неизменном виде.

Обогащение словарного состава языка за счет внутренних ресурсов происходит при помощи самых различных способов словообразования. Причем любое слово, каким бы способом оно не было образовано, в определенный исторический период квалифицируется как неологизм. Со временем, становясь общеупотребительным, оно выходит из разряда

неологизмов. И заимствованные слова являются неологизмами лишь до поры до времени. После определенного периода употребления и они перестают быть таковыми. Заимствование от словообразования отличается и тем еще, что заимствованное слово не всегда полностью подчиняется фонетическим закономерностям заимствующего языка. Вместе с тем заимствования в процессе развития языка, в зависимости от своей семантики, начинают принимать со временем все соответствующие словообразующие аффиксы.

А. Н. ГАРКАВЕЦ

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СУБСТИТУЦИЯ КАК ПРИЕМ «ПОЭТИЗАЦИИ» УРУМСКОЙ ПЕСЕННОЙ РЕЧИ

Изучение языковых особенностей песенной речи урумов Северного Приазовья в сопоставлении с разговорной речью каждого из одиннадцати их говоров позволило выявить как эстетические принципы, определяющие языковую специфику урумской песенной речи, так и основные исторические тенденции ее развития. В частности, было установлено, что общий художественный принцип надразговорности песенной речи в крымский период развития урумского языка последовательно совпадал с эстетическими принципами османской народной поэзии, которая сама в значительной степени ориентировалась на придворную литературу, подражавшую арабо-персидским образцам. Ориентацию на разговорную речь сохранял преимущественно наиболее доступный широкому народному творчеству жанр *чын* (род частушки). В плане языковой типологии это выражалось в насыщении песенной речи османизмами, главным образом арабо-персидского происхождения, и в вытеснении из нее кыпчакских лексических, лексико-фонетических, морфологических, морфолого-фонетических и собственно фонетических форм, заменявшихся огузскими эквивалентами. Живым разговорным эталоном при этом служила огузская речь южнобережных городов Крыма. Весьма показательны факты, сообщаемые собирателем крымскотатарской народной поэзии А. А. Олесницким. Он писал: «Вообще, крымских турок (то есть татар.— А. Г.) очень удивляла моя задача — собирать их песни. Они поражались, как я могу интересоваться столь грубым и отвратительным (по их мнению) говором. „Османские песни—это другое дело, а то нашел чем интересоваться“, — говорили они. А я действительно очень прислушивался к их говору и старался как можно более правильно передать его в транскрипции»¹.

После переселения урумов из Крыма в Северное Приазовье окружающая ситуация для урумских говоров и их песенной речи существенно изменилась. Был утрачен как огузский разговорный эталон песенной речи, так и османский собственно поэтический идеал. Роль разговорного эталона песенной речи стали играть наиболее огузские из урумских говоров (Жданов, Старый Крым). В них же воплощался поэтический идеал песенной речи. Эти две эстетические функции огузских урумских говоров проявлялись лишь в песенной речи носителей кыпчакско-поло-

¹ А. Олесницкий. Песни крымских турок. Текст, перевод и музыка. М., 1910. стр. 8—9.

вечких, кыпчакско-огузских и огузско-кыпчакских говоров². Однако собственного образца песенной речи указанные огузские говоры в полной мере выработать не могли, ибо это противоречило бы их общему эстетическому принципу — надразговорности. И, как это не парадоксально, функция разговорного эталона, а также роль собственно поэтического идеала песенной речи огузских урумских говоров перешли к кыпчакским говорам. Естественно, что и в первом, и во втором случае отталкивание от более разговорной речи зачастую приводит к гиперистическим искажениям, к возникновению таких форм, которые недопустимы не только узуально, но и в принципе. Таким образом, песенная речь кыпчакских урумских говоров в нынешнем состоянии обычно оказывается более огузской, нежели наиболее огузские урумские говоры. При этом в смешанных говорах, кроме того, наблюдаются в этом смысле закономерные противоречия, связанные с ориентацией как на огузские, так и на кыпчакские несмешанные говоры, что приводит к усложнению взаимоотношений между разговорными и песенными вариантами урумских говоров. В данной статье мы ограничиваемся приведением наиболее показательных фактов — собственно фонетическими противопоставлениями³ урумской песенной речи разговорному языку. Тем не менее уместно подчеркнуть, что и лексические, и лексико-фонетические, и морфологические, и морфолого-фонетические, и собственно фонетические противопоставления одинаково мотивированы: в произведениях, созданных на противоположных в генетико-типологическом отношении говорах (языках), описываемые противопоставления должны быть интерпретированы в плане намеренного уклонения от адаптации по определенным параметрам, а в произведениях адаптированных, песнях местного происхождения и заимствованных у носителей смешанных говоров — в плане сознательной стилистической субституции собственных разговорных форм инодиалектными эквивалентами. В качестве иллюстраций приводятся примеры преимущественно стилистической субституции и в меньшем количестве — неадаптированные с тем же стилистическим назначением формы говоров-источников.

Противопоставления-субституции фонетического уровня касаются исторических изменений отдельных звуков как не связанных с позицией в слове, слоге, корне в словообразовательной, формообразовательной и словоизменяющей морфеме, так и позиционно обусловленных. Поскольку в этих изменениях олицетворяется процесс дифференциации языков, участвовавших в формировании урумских говоров и их песенной речи, в описании противопоставлений-субституций данного рода учитываются оппозиции, сложившиеся исторически, и выделяются группы огузско-кыпчакских, ногайско-кыпчакско-огузских, урумско-инотюркских (греческие субстратные явления в урумском языке) и наддиалектных соответствий, а в каждой из этих групп, в свою очередь, различаются выявленные противопоставления-субституции по указанным структурным типам.

Огузско-кыпчакские противопоставления-субституции.

а) позиционно свободные:

$k/x > k$ (общеурумская закономерность): *Ей, байлямышмын дейірмен*:

² О членении урумских говоров см.: А. Н. Гаркавец. О происхождении и классификации урумских говоров Северного Приазовья. — «Советская тюркология», 1981, № 2, стр. 46—58.

³ О стилистических противопоставлениях-субституциях на других уровнях см.: О. М. Гаркавец. Принципы становления и развитию урумской песенной мови. — Журн. «Мовознавство», 1986, № 3, стр. 51—57.

жапусуна Дебриш кераты 'Эй, привязал я к крылу мельницы Дебришева скакуна' — Б; *ічіндегі йүзел кызлар йарем дегіл мі?* 'красавицы, находящиеся в нем, не мои ли подруги?' — СМ; *ане-бабе бакмайа йох-тур еріміз* 'у нас нет мужчины заботиться о родителях' — У; *кырх бін аст'ер кырмайнджес* 'пока не уничтожит сорок тысяч войск' — Г; *еткен д'ад'аан каш кара* 'испачкал дяде брови' — К;

ғ/г<ғ (чисто урумский стилистический рефлекс предыдущей закономерности): *сен өзене варгансын* 'ты идешь к реке' — ВН; *он пармагы йүзүк толу* '(все) его десять пальцев унизаны кольцами' — У; *йеді йыл-дыр, мен Гарібі гөрмедім* 'уже семь лет, как я не видела Гариба' — СК;

д-/т- (в огузских говорах Ж, СК преобладает звонкое начало; определенная группа слов начинается со звонкого и в огузско-кыпчакском говоре СГ; употребление в песнях огузских соответствий с начальным звонким поддерживается поэтическими заимствованиями арабо-персидского происхождения с преобладающим звонким началом): *д'ім йувар бені?* 'кто омоет меня?' — ВН; *Алем дутулду* 'Алим был схвачен' — СБ, Г; *дут тирек... путахлары дутлаған* 'шелковица... ветки ее в ягодах' — П; *ісі долу сығырчых* 'внутри полно скворцов' — СМ; *афу, ғариб, д'іт хапум-дан* 'прости, бедняк, уходи из моего двора' — Б, У; *дерйа д'есті сесімі* 'море оборвало (заглушило) мой голос' — Г; *д'енарлардан бен йүрейім* 'пусть я пойду обочиной' — БК; *бу тімін долусу?* 'чей это бокал?' — Б, У; *ічтім толуйу* 'я выпил бокал' — СГ; *ерік талы хырылды* 'ветка сливы сломалась' — СК;

Субституция т->д- иногда генерализируется, распространяясь на глухой согласный в начале аффикса (а) и даже в конце морфемы (б): а) *санд'ім бен де йар сардым* 'как-будто я тоже обнял подругу' — ВН; *башымдаді касынкам сачахлама* 'не надвигай косынку мне на глаза' — Б; б) *йіді йідінін хызы* 'собачья дочь' — Г; *йері йарадан* 'создавший землю' — СЛ; *йаремін йурдлары* 'двор моей милой' — СГ;

к-/г- (закономерность, аналогичная предыдущей): *д'елсін йарем, гөрейіім* 'пусть придет мой милый, чтобы я увидела' — ВН; *бізге йарыхлы гүллер гүзде олур* 'осенью у нас будут яркие цветы' — НБ; *таг'ічігі гүмүштен* 'клювики у них из серебра' — П; *гөк халпағым асувлу халды* 'моя голубая шапочка осталась висеть' — К, Б; *гүйев де бегін долусу* 'бокал господина жениха' — НЛ; *бу вахтсызлығма//бахтсызлығма көре аллах верді күр йүрек* 'по этой моей несчастной судьбе господь дал мне крепкое сердце' — УЛ/СК; *дүкмелеріңі//дүгмелеріңі чезерсін* 'расстегиваешь пуговицы' — СБ; *дал согахтан далыб д'елій* 'войдя в переулочек, подходит' — У;

ғ-/х- (чисто урумский стилистический рефлекс предыдущей закономерности): *ғарғалар харе д'ійін, ғузғулар ағлер* 'воробы оденутся в траур, вороны оплачут' — ВН;

б-/м- (местоимение 1-го лица единственного числа везде имеет форму *мен* 'я'; в других словах в большей или меньшей степени — в соответствии с градацией — огузскому б- соответствует кыпчакское м-): *бені бабам вереджек дүлберлере* 'отец отдаст меня за красивого' — К, Я; *бінд'ен//мінд'ен атым ал аях* 'у моего верхового коня пестрые ноги' — Б, У;

субституция м->б- иногда распространяется на начало внутреннего слога, в том числе аффиксального: *хыйбетін//хыйметін біленнері* '(ищи) знающих ее (любви) цену' — Б, У, К, Дн, Я/СК; *Алебін//Алемін оғлу тутулду* 'сын Алима схвачен' — НЛ; *баштан аях сійалерін д'ійбішсін* 'с головы до ног ты оделась в черное' — НЛ;

в-/б- (по этому признаку огузские и огузско-кыпчакские говоры

резко противопоставлены кыпчакско-огузским и кыпчакско-половецким): *бен аллайа йалвардым* 'я умолял бога' — ВН; *уйанна вахтым, бийанна бахтым* 'я взглянул туда, я посмотрел сюда' — СБ; *учуп варып көрмед'е* 'полететь увидеть' — СМ; *бір вахта//бахытта ойнар едік* 'мы в одно время гуляли' — Б; *бу вахтсызлығма//бахтсызлығма көре* 'по этой моей несчастной судьбе' — У//СК; *сйа есмер дүлвері джандан северім* 'черную смуглую красавицу люблю я всей душой' — Г; *бардым чохлах башына* 'пошел я к роднику' — СЛ; *чектім-чектім, т'елмеді — ййбердім бол'асына* 'я его завлекала-завлекала, он не пришел — отпустила на волю' — Б, К, Я; *налет болсун беле бахыта* 'да будет проклято такое счастье' — Ж⁴; *бараджам бахшасына* 'пойду к другой' — СК;

п-/б- (менее последовательная закономерность, аналогичная предыдущей): *урду йүрегіме бічах//пічах* 'ранила (ударила ножом) мое сердце' — П; *ханетійі пек ачай* 'сильно машем крыльями' — У; *баразнысы//паразнысы бір табан* 'борозна (после него) — в одну ступню' — СЛ; *пенджересі беш бармах* 'переплет ее окна из пяти частей' — Ж⁵; *йол бойуна постан сачтым* — СБ//йол йанына бостан йектім — СК 'у дороги я посеял бахчу';

дж-/ч- (незначительная по количеству словоформ и противоречивая оппозиция, распространяемая также на начало аффикса и соотносимая с противопоставлениями **д-/т-**, **г-/к-**): *бенім йарем кічіджік, кічіджік, кічінсчік* 'мой милый маленький, маленький, малюсенький' — Б; *парейі чөпе хойайым* 'сложу я деньги в карман' — СБ; *джыхсам дағлерін башына* 'выйти бы мне на гору' — СЛ;

-й/- (редукция инициального *й-* перед гласными переднего ряда *i, e*, отмечается в огузских и огузско-кыпчакских говорах; в говорах кыпчакско-половецких, а отчасти и в кыпчакско-огузских *й* не только сохраняется, но в качестве протезы появляется и в словах, начинавшихся на гласный): *чічек үздүм* 'я сорвал цветок' — У; *өксек бойлу талтерек* 'высокая ива' — У; *т'ерет'е көлмек, ені тар* 'присборенная блузка с узкими рукавами' — Б; *джыйынчине бен йіндже* 'на гуляньях я самая изящная' — Б;

б) корневые гласные:

i/e, ы/a (оппозиция охватывает небольшое количество слов, но основанная на ней субституция неожиданно оказалась существенной, будучи включенной в двухступенчатую субституцию *a > e > i*): *гүзде салдат т'ітеджем* 'осенью пойду в солдаты' — ВН; *бакчі бакчіден ййзерсін* 'гуляешь по садам' — СБ; *т'іне хутулдум* 'опять я спасся' — СБ; *чағырсан, д'елір едім* 'если бы ты позвала, я пришел бы' — СК;

в) корневые (межвокальные и поствокальные) и аффиксальные согласные:

н/ң (корневой и аффиксальный *ң* в полной мере сохраняется в разговорной речи кыпчакско-половецких говоров, а как аффиксальный употребляется параллельно с *н*, уступая последнему; он сохраняется также в кыпчакско-огузских говорах и в речи старшего поколения носителей огузско-кыпчакских говоров; в огузских говорах отсутствует): *атешін бүйүк, дайтанмам* 'много страданий из-за тебя — не выдержу' — ВН; *бің харанфіл, бің бібер* 'тысяча гвоздик, тысяча перцев' — У; *анаң дуйар, бабаң дуйар* 'мать твоя услышит, отец твой услышит' — Г; *ев сабунун ейлігі* 'на благо хозяину' — СЛ;

-ғ/-к- (касается, по-видимому, только слова *аға/ака* 'старший брат,

⁴ «Марнуполь и его окрестности». Марнуполь, 1892, стр. 425.

⁵ Там же.

мужчина; дядя'): *чалғы сапын тоғасы, бу т'йевін ағасы* 'у кося есть кольцо, это — старший брат жениха' — У;

-х>-х/-г-, -к>-к/-г- (переход конечных -х, -к односложных глагольных корней в звонкие при аффиксации отличает кыпчакско-половецкие говоры ВН, СБ, П): *төкүлмесін//төгүлмесін көшейе* 'чтобы не разлилась (водка) в углу' — ВН; *Азавдан чыхар//чығар бір ат* 'из Азова вышел конь' — СБ//НБ;

-г>-й/-г- (это чередование характеризует главным образом аффиксы -йа/-ға, -майа/-маға, -(й)ай/-ғай, но встречается и в корнях; приводим чисто фонетические замены, которые не могут быть рассмотрены непосредственно в плане фонетического параллелизма морфем): *бен аллайа йалвардым* 'я умолял бога' — ВН (из огузского *аллаға* с переразложением на границе между основой и аффиксом — вместо кыпчакского *аллахка*); *күндүз еған-бейан* 'днем туда-сюда (так-сяк)' — Г (из *о йан, бу йан*);

-г-, -г/-в- (различает кыпчакско-половецкие, кыпчакско-огузские, с одной стороны, и огузско-кыпчакские и огузские говоры — с другой): *ғаріб бабе бавуруна//бағырына ташлер бағленсін* 'пусть перетерпит отец' — К//СБ; *ане, башым бек ағрый* 'мама, у меня очень болит голова' — У; *джірен тайын аузу//ағызы* 'рот рыжего коня' — СЛ; *абайа джүвүрдүм//джывырдым* 'я выскочил на гору' — К//НЛ;

нн/нл, лл (<нл) — стечение конечного назального основы с начальным плавным аффикса сохраняется неизменным в ВН, П, иногда — в СМ, где бывает и нн; вариант лл возник в СБ; в других говорах нл дало нн: *ғузғұллар ағлер* 'воины оплачут' — ВН; *чанларны урдурмады* 'просил не бить в колокола' — Б; *сычаннарын йірісі* 'крупнейшая из мышей' — П; *бана рамет десіллер* 'пусть скажут обо мне (со святыми) упокой' — НК; *йол йағасна гәмсүллер* 'пусть похоронят у дороги' — ВН;

г) аффиксальные гласные:

у/ы, ү/і (изредка в корнях, но преимущественно в аффиксах и при этом в соседстве с губными согласными; хотя эта оппозиция имела некогда диалектную основу, ныне ее можно рассматривать и как наддиалектную): *мердівенін хырх айаху* 'у лестницы сорок ступенек' — У; *бір күчүджүк йаратылды, шаар олду* 'какой-то малец выучился, стал поэтом' — Г; *харе хашлу бек чох-тур* 'чернобровых очень много' — СГ; *бен анеңе даныштум* 'я посоветовался с твоей матерью' — СГ; иногда эта субституция обусловлена (поддержана) рифмой: *сычаннарын сүрүсү, ат хадар-дыр бірүсү* 'мышей — целое стадо, одна из них — величиной с коня' — СЛ.

Ногайско-кыпчакско-огузские противопоставления-субституции. Противопоставление ногайских (собственно кыпчакско-ногайских форм, проникших из степных крымскотатарских говоров) элементов кыпчакским и огузским касается двух переходов — позиционно свободного изменения ш/ч и инициального дж-й-:

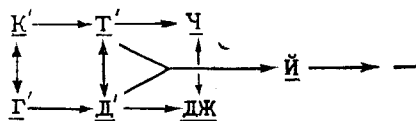
ш/ч (переход ч>ш прослеживается в отдельных словах кыпчакско-половецких говоров, где развилась и обратная стилистическая субституция): *күн товучнуң харшысына* 'к Востоку' — ВН; *чорбаджілер өледжек* 'хозяева умрут' — Г (при регулярных *товуш, шорбаджі*);

дж-й- (слова с начальным дж- в незначительном количестве свойственны всем говорам, и только в Ж и СК их почти нет вовсе): *ханет-чигін йел//джел хахай* 'твои крылышки развеивает ветер' — У//К, СМ; *йығлыңыз, хоранда* 'соберитесь, родственники' — Г; *йар, оладжах олсаң т'ест'ін пычах, джыраным джараджах олсен* 'милая, если ты станешь (вознамеришься стать) острым ножом и разрубшь мою грудь (вознамеришься разрубить)' — Б; *джыйылыр//йыхылыр безістанелер* 'разва-

лится мой рынок' — Г//К; *вардым, чічек джыйдым* 'я пошла, собрала цветы' — СК.

Урумско-инотюркские противопоставления-субституции. Противопоставления, возникшие вследствие влияния румейского (греческого) языка на урумский, касаются перехода $к', г'$ перед гласными переднего ряда e, i , иногда перед $ə, y$ в $т', д', ч, дж, й$. Переход $к', г'$ в $й$ характеризует главным образом говор П, где отмечается также $к' > т', ч, г' > д', дж$. Переход $к' > т', г' > д'$ свойствен всем без исключения говорам, но в СМ, Б, У он охватывает и аффиксы формообразования и словоизменения *-кен, -ген, -кей, -гей, -меге, -ке, -ге, -кі, -гі* и т. п. Переход $к > ч, г > дж$ в небольшом количестве слов наблюдается во всех говорах, но в аффиксах как будто не встречается.

Данные субстратные оппозиции разворачиваются на фоне соответствия огузского звонкого начала слова кыпчакскому глухому началу и огузско-кыпчакского противопоставления $-й/-$. Общая схема прямых исторических переходов субстратного порядка с учетом этих фоновых противопоставлений имеет вид:

Собранными песенными текстами засвидетельствованы нижеследующие стилистические субституции, осуществляемые в пределах приведенной схемы в прямом и обратном порядках — в соответствии со звуковой формой каждого конкретного слова в том или ином говоре:

$г' > д'$: *йүредім* 'мое сердце' — ВН; *йүрегім күр дүдүл* 'мое сердечко не крепко' — ВН; *ағесін дүдүлүм, онун дүзел хардеші* 'я не (буду принадлежать) старшему брату, у него красивый младший брат' — Б; *ачыладжах дүл едің* 'ты была розой, которая должна распуститься' — У, Б; *дед'ерінджез ойнасаң* 'если любишь (гуляешь) достойно' — Б;

$д' > й$: *Налбатнын оғлу, —бек зендін оғлу...зенийнлерден бір зенийн өлмүш* 'сын Налбата, — очень богат его сын... умер один богат из богатей' — П; *ең йендјесі бен* 'самая младшая — я' — У; *рус'авыйны көр йенде чорн'авыйны вазйечтім* 'увидев русого, я отказалась от черного' — У; *ал йешил ййдім анджа* 'я одевала только красное и зеленое' — СК;

$д' > дж$: *ону көрен базірджанлар* 'увидевшие его купцы' — ВН; *ең джендјесі бен* 'самая младшая — я' — СБ;

$г' > д' > й$: *йүлүм пошум* 'мой платок с розами' — СБ; *хырмызы йүл сандым сені* 'я посчитал тебя красной розой' — СМ; *йүл чырайың* 'твое (подобное) розе лицо' — У;

$д' > й > —$: *ендјесі едім* 'я была самой младшей';

$д' > г'$: *ғаріп йігіт хайда йатыр?* 'где ляжет молодой бедняк?' — У;

$й > д'$: *гөрсем, дүрегім йанар* 'как увижу, душа моя горит' — У; *д'іғылып д'атып* 'свалившись' — У;

$дж > д'$: *ах джід'ер т'ебап олсун* 'пусть горит душа' — Г;

$дж > д' > й$: *йан дайанмаз* 'душа не выдержит' — НЛ;

$т' > й$: *йійін, джаным, йійін* 'одевайся, душа, одевайся' — СБ; *бахчі бахчіден йідерсін* 'ты пойдешь по садам' — СБ; *шінді йельді башыма* 'теперь пришло мне в голову' — НБ;

$к' > г' > й$ (или: $к' > г' > д' > й$): *бен Йефеден бір йар сардым* 'я обнял одну подругу из Кафы' — СЛ;

$т' > к'$: *атлардан абер к'елді* 'от коней (оттуда, где скакали кони)

пришла вестъ'—ВН; *бенім ғарип анеме демірден йүрек керек* 'моей бедной матери потребуется железное сердце'—СБ; *ічейм екен, ічмейм екен* 'то ли я пью, то ли не пью'—У; *еткен д'ад'а масхара* 'опозорил дядю'—К; *к'>г'>д'* (или: *к'>г'>д'*): *д'өнүл вердім* 'поверил (отдал душу)' — У;

т'>д'>дж: *чағырсам булбул джібік* 'запел бы я как соловей'—СЛ;

т'>д'>г' (или: *т'>к'>г'*): *гелсін бенім доғмуш анем* 'пусть придет моя родная мать' — Г.

Наддиалектные субституции. Субституций наддиалектного характера обнаружено четыре. Первая из них имеет общеурумскую распространенность и аналогию в крымско-татарском языке. Это переход гласного *a* непервого (а) и в меньшей степени первого (б) слога в *e*, который в опубликованных текстах крымско-татарских песен засвидетельствован в рифме (в), например: а) *ханетім йох учмаға* 'нет у меня крыльев улететь'—ВН, СБ, П, СМ, Б, У; *ағесінен хавғатыр* 'ссорится со старшим братом'—Кам; *йуфах-йуфах парелер* 'мелкие-мелкие деньги'—СЛ; *ағлемейе д'імсем йох* 'плакать у меня некому' — К, СГ, Ж, СК; б) *ерамызы бузаннар* 'ссорящие нас' — ВН; *перейі чөбе хойайым* 'деньги я сложу в карман'—СБ; *джейев джүвүрдүм* 'я выбежал пешком (без коня)' — СБ; *йешил йапрах ерасында* 'среди зеленых листьев' — СМ, Б, У, К; *серарып соладжасын* 'побледнеешь и увянешь'—СГ; *ер себа, ер себа* 'каждое утро, каждое утро' — Г, СК; в) *йүксек мінаре, қашлерің қаре, алтын, күмүш, бақыр паре йолладым йаре* 'минарет высок, брови твои черны; золотые, серебрянные, медные деньги я послал подруге'⁶. Рефлексом этого перехода является субституция *a>i* (через промежуточную стадию *e* на основе отмеченного перехода *i/e*): *йігіт парійі чох хазанмыш-тыр* 'парень заработал много денег' — СБ; *он беш йашина бір баліе* 'пятнадцатилетнему дитяти' — СБ; *йешил йапрах ірасында* 'среди зеленых листьев' — СЛ.

С этими двумя субституциями связана, очевидно, замена *y>у*, засвидетельствованная в СБ: *ханүм урулду* 'в мою дверь постучали'. В связи с данным переходом уместно вспомнить словоформу *халйу* 'дверь' (винительный падеж), известную огузско-кыпчакским говорам Г, СЛ, СК.

В отдельных словах у некоторых исполнителей песен наблюдается стилистическое замещение межвокального дрожашего переднеязычного сонанта *r* дрожашим увулярным сонантом, обозначаемым нами через *R*: *верін шаРабын ічейім* 'дай твоё вино, я выпью' — СЛ; *сексен күмүш паРем бар* 'у меня имеется восемьдесят рублей денег'—НМ.

Использование кыпчакских, огузских, ногайских, субстратных греческих и собственно поэтических наддиалектных элементов в урумских песнях далеко не единообразно. И хотя для каждого из говоров в принципе можно установить систему правил (что, по сути, отражено и в настоящей статье), которыми регулируются поэтические субституции, индивидуальные коррективы оказываются подчас довольно существенными, нередко игнорируя эти общие правила. Каждый из наиболее одаренных исполнителей, согласно своим индивидуальным эстетическим вкусам, отдает предпочтение тому или иному художественному принципу, той или иной стилистической субституции или вовсе избегает стилистических замен, сближая язык песни с разговорной речью своего говора. Богатство индивидуальностей, разнообразие более или менее отдаленных от сис-

⁶ Я. Шерфединов. Звучит хайтарма. Ташкент, 1979, стр. 180.

темы говора стилевых вариантов иногда создает впечатление, что каждый, или по крайней мере многие, из исполнителей поет на своем собственном, только ему одному присущем языке. Данное явление необходимо интерпретировать и как одно из следствий существенной перестройки эстетических представлений урумов в приазовский период развития урумского языка, связанной со значительным усилением роли личности в речепотреблении и языкотворчестве коллектива. Вместе с тем заметим, что было бы ошибкой считать, что непоследовательное соблюдение правил, регулирующих стилистические субституции, обусловливается исключительно индивидуальными убеждениями и ситуативным несовпадением усвоенного в Крыму проосманского (проогузского) художественного принципа с более общим надразговорным принципом. Дело в том, что оба эти принципа, субъективно толкуемые разными исполнителями, в основе своей искусственны и надуманны. На протяжении веков единственно верным источником песенной речи оставался живой разговорный язык, стихия которого господствует и в урумской народнопоэтической прозе и таких общенародных видах песенного творчества, как *чын*, развлекательная и в значительной степени бытовая и хроникально-бытовая песня. И именно законам живого разговорного языка не соответствуют навешанные ложными художественными принципами правила стилистической субституции, объективно способствующие отрыву песенной речи от языка говора. Указанным отсутствием опоры на народно-разговорную традицию, а затем и ситуативным несоответствием между проогузским и надразговорным принципами и субъективностью их воплощения разными исполнителями обусловлена существующая донныне противоречивость эстетической концепции урумской песенной речи.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Б — Богатырь
 БК — Белокаменка
 ВН — Великая Новоселка
 Г — Гранитное
 Дн — Днепроэнергия
 Ж — Жданов
 К — Комарь
 Кам — Каменка
 НБ — Новобешево
 НК — Новый Комарь

НЛ — Новоласпа
 НМ — Новомлиновка
 П — Першотравневое
 СБ — Старобешево
 СГ — Старогнатовка
 СК — Старый Крым
 СЛ — Староласпа
 СМ — Старомлиновка
 У — Улакы
 Я — Ялта

М. Р. ФЕДОТОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДВУХ ТИПОВ ПРАТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

1. Казалось бы, такие языки, как монгольский, корейский и чувашский, ни по каким параметрам не могут быть сближены, поскольку носители этих языков и в этническом, и в языковом отношении ничего общего не имеют, к тому же их разделяют огромные географические пространства.

По наличию монголизмов чувашский язык ни в какое сравнение с такими тюркскими языками, как, скажем, тувинский, алтайский, хакасский, якутский, киргизский и другие, не идет, ибо в лексике последних процент слов монгольского происхождения весьма высок. Например, подсчитано, что в современном тувинском языке монгольские заимствования составляют треть его словарного состава. Причем в самом монгольском имеется мощный пласт лексики бесспорно тюркского происхождения. И то, и другое, конечно, вполне объяснимо. В результате постоянных и с давних времен близких контактов между носителями этих языков в последних образовался целый пласт заимствований. Ныне о многих из них бывает затруднительно сказать, действительно ли они являются заимствованиями или относятся к исконной лексике, настолько органично они вошли в язык. Но для истории изучения тюрко-монгольских языковых контактов особую важность представляют соответствующие немногочисленные монгольские и чувашские слова, с одной стороны, и их общетюркские соответствия, с другой, ибо они могут дать ключ к раскрытию общей картины существования двух типов тюркских языков, иначе говоря, *r-/l-* и *z-/š-* языков. Данный признак, сближающий чувашский с монгольскими языками, для алтайского языкознания имеет, можно сказать, решающее значение. Иными словами, ротацизм в чувашском и монгольском противостоит зетацизму в остальных тюркских языках. Поясним это на примерах: п.-монг. (письменный монгольский язык сложился в XIII веке, в эпоху образования монгольской государственности) *бирагу*, х.-монг. (халха) *бяруу*, бурят. *буру* 'теленки', калм. *бүрү* 'бычок', но в древнетюркском и современных тюркских языках монгольский *-р-* замещен *-з-*: *бузаг(у)*, *бозау*, *бызаа*, *пыза*, *пуза* 'теленки'. Если к этим формам прибавить эвенкийское *бееру* (которое, вероятно, монгольского происхождения) и венгерское *bogjú* 'теленки', заимствованное из ротацирующего тюркского языка, то генетическая связь между монгольскими формами и чувашским словом *пăру* (склоняемая форма *пăрăв-*) 'теленки' совершенно очевидна. Или еще слово со значением «чертить, проводить линию; рисовать; писать»: п.-монг. *жирү-*, х.-монг.

зура (з-дз), бурят. *зура-*, калм. *зур-*, но в древнетюркском и современных тюркских языках монгольский *-р-* трансформировался в *-з-*: *яз* 'писать'. Если к этому ряду единобразных монгольских форм прибавить маньчжурское *жиру-* с тем же значением, а также венгерское *ír-* 'писать', заимствованное также из ротирующего тюркского языка, то генетическая связь между монгольскими формами и чувашским словом *сыр-* 'проводить линию; писать' становится не менее очевидной. Глаголы с современным значением «писать» первоначально обозначали вырезывание определенных знаков (рун) на твердых предметах, ср. як. *сураа* 'черта, проведенная ножом на дереве', являющееся монгольским заимствованием. Можно обратиться к примерам из индоевропейских языков: нем. *schreiben* 'писать' восходит к латинскому *scribere* 'чертить, вырезывать письма', позже — 'писать'. Точно так же английское *write* первоначально обозначало вырезывание рун. Это подтверждается его немецким генетическим соответствием *reiben* (устно) 'чертить'; ср. русское *рейсфедер*, представляющее собой немецкое заимствование, обозначающее чертежный инструмент.

Обратимся к примеру другого фонетического порядка, когда на месте монгольского и чувашского *-л-* в древнетюркском и современных тюркских языках стоит *-ш-*, то есть монголо-чувашский *ла м б д а и з м* противостоит тюркскому *с и г м а т и з м у*: п.-монг. *чила-гун* 'камень', х.-монг. *чолуу(н)*, бур. *шулу(н)*, калм. *чолу(н)*, тогда как в тюркских языках на месте монгольского и чувашского *-л-* стоит *-ш-*, то есть *таш* 'камень'. Если сюда прибавить эвенкийское слово *жол* или *жоло* (этот язык, как известно, входит в семью тунгусо-маньчжурских языков) и корейское *тол* 'камень', то становится ясным, что данное слово в монгольском, корейском, тунгусо-маньчжурском произношении и чувашское *чол/чул*, с одной стороны, и тюрк. *таш*, с другой, представляют собою, несомненно, родственные слова.

2. Сказанное прямо подводит к предположению, что с древнейших времен существуют два типа тюркских языков, которые, по всей вероятности, восходят к их еще более древней общности. Определенный свет на данную проблему проливает работа Г. И. Рамштедта «О происхождении тюркского языка»¹, позволяющая использовать алтайские языковые факты для получения общего представления об истоках двух типов тюркских языков. Итак, обратимся к ней.

2. 1. О пратюркском истоке чувашского языка. В этой проблеме наиболее спорным является вопрос происхождения того типа языка, к которому восходит современный чувашский язык. Если многие тюркологи и особенно венгерские ученые считали, что в болгаро-тюркском языке, являющимся источником большинства древневенгерских слов тюркского происхождения, совершился переход тюркского *-z-* в *-r-*, то Г. И. Рамштедт к решению вопроса происхождения ротирующих и зетазирующих языков подошел по-иному. В китайской хронике, восходящей к IV веку, сохранился небольшой текст, язык которого, судя по его фонетическим и морфологическим особенностям, следует признать пратюркским языком. Из этой фрагментарной записи видно, пишет Г. Рамштедт, что тюрки в 350 году выговаривали *tal'iqan*, тогда как в 730 году они произносили уже *taşuqun* 'выступайте в поход'; иными словами, в придворном «пратюркском» языке императора Ху переход *l' > ş* еще не был осуществлен. Вот как раз от такого «пратюркского» языка ведет

¹ G. J. Ramstedt. Über den Ursprung der türkischen Sprache. — «Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften», Helsinki, 1935, стр. 81—91.

свое начало чувашский язык². Нам мало что известно о «пратюркском» языке, но тем не менее с уверенностью можно сказать, продолжает Г. И. Рамstedт, что монгольский язык, через «древнемонгольский», возводимый к «прамонгольскому», был очень близок к дотюркскому языку. Если, например, тюрк. *öküz* 'бык (вол)', а чув. *vəGəg*, монг. *üker*, др.-монг. *hüker*, то венг. *ökör* указывает на пратюркско-прамонгольское состояние, и, значит, усвоено оно венгерским языком до того, как в тюркских языках произошел переход *f > z*, то есть, вероятно, до IV века н. э. (с. 84)³.

2. 2. Не менее важной для алтаистики проблемой является вопрос о локализации носителей пратюркского языка, то есть о территории их обитания. На основании многих данных, поясняет Г. И. Рамstedт, мы вправе предполагать, что тюркский язык, тот, на котором говорили в VIII веке н. э., то есть древнетюркский язык, является потомком того, на котором говорили ранее значительно южнее и восточнее (по отношению к орхоно-енисейским памятникам письма. — М. Ф.), в той области, где когда-то жили тюркские и уйгурские племена. Во всяком случае, на этом языке говорили на современных территориях Ордоса и Чахара (географические районы в КНР. — М. Ф.). Согласно китайским источникам, говорится далее, здесь когда-то жили гунны (хунны). У нас нет оснований сомневаться в этих данных, как нет причин подвергнуть сомнению то, что как раз те племена и роды, называвшиеся «тюрк» или как-то иначе, являлись наследниками гуннов, которые впоследствии получили известность и под другими именами. С течением времени язык все более развивался и изменялся. Поскольку монгольский язык также подвергался непрерывным изменениям, можно, пожалуй, высказать предположение, что между монгольским, с одной стороны, и тюркскими языками, с другой (вернее говоря, между домонгольским и дотюркскими языками), в 500—600 годах до н. э. слишком большой или весьма существенной разницы не было (с. 84—85).

2. 3. В своих публикациях, как прижизненных, так и посмертных, Г. И. Рамstedт «пратюрков» локализует не там, где были обнаружены надгробные стелы с тюркскими надписями, — по Орхону и верховьям Енисея, а гораздо южнее. Это обстоятельство никак не согласуется с термином «алтайские языки», поскольку он в данном виде противоречит всей теории Г. И. Рамstedта. Вот что он сам говорит по этому поводу: «С некоторой уверенностью можно утверждать, что современных тюрков, монголов и корейцев в языковом отношении следовало бы рассматривать как единое целое. Этот комплекс языков называют алтайским, но это название никоим образом нельзя считать точным. Алтайские горы нельзя рассматривать в качестве географического центра распространения этого комплекса языков, по меньшей мере их прародиной, которую в свете древних данных нужно перенести скорее всего в южную Маньчжурию и южную Монголию, к древнейшим китайским поселениям» (с. 86).

Чтобы подкрепить это положение, Г. И. Рамstedт приводит список четырнадцати древнекитайских слов (с пометой *синокор*), регулярно встречающихся в алтайских языках, а также двадцати четырех корейских слов. К тем и другим автор через знак равенства приводит соответ-

² См.: G. J. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. Helsinki, 1922 (SFOu XXXVIII, стр. 1—34).

³ По поводу истоков л-г- языка см. статью японского ученого К. Ширатори (которой пользовался Г. И. Рамstedт) в книге «Чувашский язык в семье алтайских языков», ч. II. Чебоксары, 1983, стр. 18—21.

ствующие тюркские слова, оставляя за собой право в дальнейшем увеличить число подобных слов (с. 87—88)⁴.

Занятия Г. И. Рамштеда корейским языком привели его к убеждению, что он принадлежит к алтайской семье. По этому поводу он с уверенностью писал, что эти и другие этимологии подобного рода указывают на то, что «колыбель, прародину тюркского народа, или, вернее говоря, того народа, язык которого современные турки унаследовали в более или менее модернизированной форме, следует искать в соседстве с предшественниками корейцев и в то же время вблизи китайцев. Иначе нельзя объяснить существующие в корейском и тюркском языках лексические, морфологические и фонетические совпадения» (с. 89). Например, корейское слово *agari*, *aguri* 'рот' для Г. И. Рамштеда явилось подлинным сюрпризом. Дело в том, что он с 1910 года придерживался мнения, что тюркское *-z-* представляет собой древнее палатализованное *-t-*, ибо чуваша на дальнем западе и монголы на востоке в соответствующих словах произносят *-r-*. Тюркское слово *ayuz* 'рот' (осм., койб. *ās*. ккирг. *ōz*, жк. *uos* < *ōs* < *ayuz*), как он полагал, произошло из древнего **ayari* или *aguri*. Это слово с корнем *ag*, *ak*, подобно монгольскому *ag*, имело общее значение «отверстие» и по этой, вероятно, причине предки чувашей использовали его в значении «рот»: **jeg agur* 'верхнее отверстие', что соответствует современному чувашскому *s'avar* < *s'i-avar*⁵.

2. 4. Теоретически можно предположить, что первобытный язык обслуживал какую-то первобытную антропологическую группу людей, объединенных общностью происхождения и наследственных особенностей (строение тела, качество волос, пигментация кожи, волос, глаз и т. п.). Но на фоне общего эволюционного процесса развития человека умелого (*homo habilis*), продолжавшегося согласно подсчетам археологов и антропологов несколько миллионов лет, а также истории становления человека разумного (*homo sapiens*), на что, вероятно, ушли также десятки миллионов лет, мысль о единстве языка и человеческого рас совершенно неприемлема. Обратимся к историческим примерам. Болгария, за исключением турецкой общины, уже более тысячи лет говорит на славянском языке, хотя болгары в этническо-расовом отношении вовсе не славяне, а выходцы из Азии. Этнические общности африканцев в Мозамбике и Анголе, наверняка имевшие когда-то свои собственные языки, в результате 400-летней колонизации португальцами целиком и полностью перешли на их язык, хотя последние в расовом отношении совершенно чужды африканским племенам. На португальском языке говорит вся Бразилия, конгломерат самых различных этнических общностей. То же самое произошло и в других странах Южной Америки, заселенной когда-то индейцами. В результате колонизации испанцами родным языком населения двадцати стран Латинской Америки стал испанский.

Древние мари, заселявшие северные районы современной Чувашской АССР, со временем перешли на чувашский язык, который в результате этого претерпел некоторую адаптацию. Иначе говоря, потомки финно-угорского этноса, растворившись в среде пришлых, но чуждых по происхождению тюрко-болгар, в конечном счете приняли атрибуты другого этноса, усвоив, таким образом, чужой язык, чужие обычаи и чужую культуру.

⁴ К сожалению, осуществить это ему не было суждено. Здесь имеются в виду посмертные издания его трудов: «*Studies in Korean Etymology*», Helsinki, 1953, а также «*Paralipomena of Korean Etymologies*», Helsinki, 1982.

⁵ G. J. Ramstedt. *Studies in Korean Etymology*. Edited by Pentti Aalto. Helsinki, 1953, Introduction, стр. 10.

За последние двести лет, что в масштабе истории можно считать весьма небольшим периодом, много чувшей стали «русскими», переняв у них язык, обычаи и культуру. Это — служилые новокрещены, дети и внуки служителей православной религии, купцов, мелких торговцев, разного рода дьяков (писарей), а также учителей, получивших образование в русских школах.

Эти и подобные им примеры показывают, что язык и этнос совпадают далеко не всегда. Так обстояло и обстоит дело с носителями языков негроидной, монголоидной, европеоидной рас. По этому поводу Ф. Ф. Фортунатов писал следующее: «Генеалогическая классификация языков должна иметь полную независимость отделения человечества на расы... Мы можем думать, что расы, приходя в соприкосновение одна с другой, могли смешаться в то время, когда такое смешение не распространялось на их языки... Общность расы сама по себе не доказывает еще родства тех языков, которые мы находим у племен, принадлежащих к этой расе»⁶.

Г. И. Рамstedт в упомянутой работе, касаясь данного вопроса, разграничивает в принципе язык и расу, подчеркивая, что вопрос происхождения тюркского языка является проблемой, которую следует трактовать в отрыве от расового вопроса. Тюрки, утверждает он, к какому бы антропологическому типу они не принадлежали, свой язык унаследовали от жившего в далекой Восточной Азии народа, состоявшего в близком родстве с корейцами, монголами и другими⁷.

⁶ Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды. Том I. М., 1956, стр. 61—62.

⁷ G. J. Ramstedt. Über den Ursprung der türkischen Sprache, стр. 91.

М. З. УЛАКОВ

ПРОБЛЕМЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ СТИЛИСТИКИ

За последние два десятилетия интерес лингвистов к изучению стилистики заметно возрос. Это обусловлено проблемами дальнейшего развития и совершенствования тюркских языков. Однако многие вопросы лингвостилистики в тюркологии все еще остаются неисследованными. Необходимость их исследования особенно ощущается в новописьменных и слабо нормированных языках, таких, например, как карачаево-балкарский, в связи с потребностями повышения культуры речи.

Трудности решения теоретических и практических вопросов современного карачаево-балкарского языка связаны прежде всего с неизученностью ряда лингвистических проблем этого языка в историческом плане, а также спецификой его функционирования, заключающейся в существовании фактически двух форм литературного языка¹ с адекватными или идентичными статусами. Вместе с тем им свойственны и региональные черты, проявляющиеся почти на всех уровнях языка, что объясняется территориальной и административной разделенностью карачаевцев и балкарцев.

Неизученность исторического развития карачаево-балкарского языка создает большие трудности в исследовании процесса становления и развития функциональных стилей, а также в выявлении закономерностей образования его стилистической системы в целом. Этапы формирования норм и стилей литературного языка, элементы литературности которого проявлялись еще в наддиалектных чертах общенародного языка дописьменного периода, а также начало процесса его стилистического расслоения непосредственно восходят к истории этого языка.

Изучение современных стилей карачаево-балкарского языка связано с установлением тех закономерностей его развития, которые способствовали его обогащению и расширению функций, что привело к изменению характера связей национального языка с диалектами, говорами и устной разговорной речью.

Новые условия развития языка ускорили процесс дальнейшей стилиевой дифференциации и формирования цельной системы функциональных стилей, которые, с одной стороны, объединялись наборами лексических и грамматических единиц, а с другой — дифференцировались, то есть за каждым стилем закреплялись свои лексические, фразеологические, грам-

¹ Х.-М. И. Хаджилаев. О различиях в лексике карачаевского и балкарского вариантов современного литературного карачаево-балкарского языка. — «Советская тюркология», 1979, № 2, стр. 74.

матические, орфоэпические и другие особенности. Вместе с тем исчезли социальные стили: *кѳул-кѳарауаш тил* 'язык бедноты', *ѳзден тил* 'язык привилегированных'. Стали забываться такие стилевые формы, как *уѳчу тил* 'охотничий язык' и т. п. Ограничились общественные функции так называемых домашних (семейных) языков. Произошло комбинирование некоторых дописменных форм стилей. Например, в результате слияния элементов «языка бедноты» и «языка привилегированных» в современном карачаево-балкарском языке образовалось *бош тил* 'просторечие'. В настоящее время некоторые стили, являвшиеся в определенный исторический период доминирующими, утратили свое былое значение. Так, например, распространившийся в годы революции «ораторский стиль» и предшествовавший ему стиль религиозных проповедей в нынешних условиях архаизировались, вытесненные общественно-политическим, художественно-литературным, научным и другими стилями. Одновременно широкое распространение приобрели разговорно-бытовой, просторечный, диалектные и региональные стили, утвердившиеся как в устной, так и в письменной формах языка. Дальнейшее развитие карачаево-балкарского языка проявляется в формировании стиля массовой информации — радио, телевидения, прессы.

С демократизацией национального карачаево-балкарского языка произошло сближение литературного языка с разговорной и просторечной его формами, сопровождавшееся проникновением в нормированный литературный язык профессиональной и диалектной лексики. При организации речи, использовании в ней всей совокупности лексических средств стали образовываться новые нюансы значений, выходящих за семантические рамки традиционного узусального словоупотребления. Решение основных внутриязыковых задач лексической стилистики направлено на изучение соотношения активного и пассивного запасов лексики, унификацию функциональных вариантов слов, оценку качества лексикализации их производных форм, на выявление способов фоморфологического варьирования, использование самостоятельного значения лексем, а также их синонимов с соответствующим эмоционально-экспрессивным оттенком и т. д.

Для современного этапа развития лексики карачаево-балкарского языка характерна особая активизация таких семантических процессов, как расширение значения и десемантизация слов. Модифицировалась и модернизировалась сочетаемость слов, расширились сферы их употребления, исчезла строгая стилистическая закреплѳнность, лексикализировались некоторые производные формы, кальки и переводные эквиваленты слов.

В советский период с созданием письменности у карачаевцев и балкарцев в их языке произошли большие изменения, обусловленные объективным процессом, направленным на удержание и развитие наиболее ценных особенностей национального языка и их нормирование. В ходе этого процесса, с одной стороны, литературный язык освобождается от устаревших, архаичных элементов, а с другой — происходит пополнение национального лексического фонда интернациональными языковыми единицами, которые органично осваиваются литературным языком. В связи с характерной для лексики изменчивостью эти новые явления отразились в первую очередь именно на ней.

Коренные изменения в хозяйственной, производственной, общественно-политической и культурной жизни карачаевцев и балкарцев способствовали появлению новых слов, исчезновению многих отживших реалий, что привело к выпадению из обращения обозначавших их слов. Поэтому процесс изменения лексического состава карачаево-балкарского

языка нельзя представлять лишь как количественный прирост лексики². Все это внесло соответствующие изменения в традиционное разграничение лексики на активный и пассивный пласты, отнесение ее к тому или иному разряду, а также в эмотивную коннотацию слов. Модифицировалась природа устаревших слов, что, в свою очередь, повлияло на функционально-стилистическую дифференциацию некоторых их стилистических разрядов. Например, слова типа *чуба* 'женский корсет', *балакча* 'орудие телесного наказания' и другие перешли в пассивный запас языка. Из активного запаса выпали также слова, обозначающие социальные сословия и титулы: *кзул* 'слуга', *кзарауаш* 'прислуга, служанка', *патчах* 'царь' и другие; многие арабо-персидские ранние заимствования типа *такъия* 'шапочка, ермолка', *чагар* 'слуга', *кзадий* 'судья' и т. п. Старые названия месяцев (*Тотур ай* 'месяц Федора', *Башил ай* 'месяц Василия', *Луккол ай* 'месяц Николая' и др.) заменились русскими их названиями, а числительные древнего балкарского чабанского или так называемого иранского десятичного хозяйственного счета были вытеснены тюркскими числительными. Указанные разряды слов отражают специфику ненормативной лексики, и в художественной литературе встречаются обычно при описании старого быта. Не прижились в языке такие слова, как *саясат* 'политика', *хукумат* 'правительство', *хурриет* 'революция', *табыч* 'класс', широко функционировавшие в прессе в 1924—1930 гг.³ Слова *адабият* 'литература' и *маданият* 'культура' варьируются с карачаево-балкарскими кальками этих слов. Не получили признания и несколько искусственные сочетания слов типа: *шайтан арба* 'велосипед', *от бугза* 'паровоз', *от арба* 'машина', противопоставляемые лексемам, проникшим вместе с новыми реалиями из русского языка⁴.

Под воздействием русского языка в карачаево-балкарском языке сложилась определенная система научной терминологии, основа которой уже устоялась и приобрела определенные традиции употребления. Однако нельзя утверждать, что этот процесс уже полностью завершен. В настоящее время наблюдается активное развитие в первую очередь научной и общественно-политической терминологии.

Для нынешнего состояния карачаево-балкарского языка типично вариативное терминопотребление, выражающееся в параллельном использовании заимствованного термина, его кальки, описательного варианта или переводного эквивалента. Поиск языковых средств для обозначения новых понятий и выбор наиболее приемлемых форм и вариантов слов идет непрерывно. Это свидетельствует о неустойчивости всех пластов лексики, что осложняет изучение стилистических и эмоционально-экспрессивных функций отдельных слов.

Недостаточная разработанность теории стилей в тюркских языках, как справедливо отмечают лексикографы, затрудняет правильную стилистическую квалификацию отдельного слова, а также расстановку и упорядочение стилистических помет в тюркоязычных толковых словарях.

Если в какой-то мере удастся установить функциональную роль того или иного слова, то охарактеризовать его экспрессивную значимость не всегда представляется возможным. Это связано еще и с тем, что в последнее время значительная часть карачаево-балкарской лексики осво-

² См.: К. С. Горбачевич. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971, стр. 108.

³ И. М. Отаров. Развитие общественно-политической лексики в периодической печати (на материале карачаево-балкарского языка).—В кн.: «Язык и массовая коммуникация (Социолингвистическое исследование)». М., 1984, стр. 101.

⁴ К. М. Мусаев. Лексикология тюркских языков. М., 1984, стр. 163.

ена различными видами художественной и публицистической литературы как особое экспрессивное средство, в то же время многие книжные слова адаптировались в разговорной речи и продолжают в нее все более активно внедряться. Поэтому весьма сложно проследить хронологию экспрессивной лексики и затруднительно представить цельную картину соотношения функциональных и эмотивных признаков словарного фонда карачаево-балкарского языка.

Из-за почти полного отсутствия в тюркологии теоретических работ, посвященных изучению эмоционально-экспрессивной окраски слова, эта сторона стилистической характеристики получила слабое отражение и в лексикографии.

В большинстве случаев в тюркоязычных словарях стилистическая коннотация или эмотивная окраска слова либо остается невыявленной, либо не всегда верно трактуется и, как правило, не дифференцируется в функционально-стилистическом аспекте⁵. И. Н. Шмелева отмечает, что «в языковой действительности наблюдается сложное взаимодействие и переплетение обеих красок в пределах одного слова» и подчеркивает необходимость их раздельного рассмотрения⁶.

Выявление узусального значения стилистически окрашенной лексики на основе внутрисистемной стилиевой дифференциации карачаево-балкарского языка является в настоящее время весьма актуальной задачей, ждущей своего разрешения.

Одной из неразработанных проблем карачаево-балкарского языкознания является нормирование лексики, без чего невозможно окончательное утверждение способов реализации слова, канонизация его форм и вариантов в литературном языке. Решение этой проблемы связано с выяснением соотношения нормативной и ненормативной лексики, освоения и нейтрализации заимствований, качества лексикализации производных значений и грамматических форм слова, доминанты среди конкурирующих синонимов и дублетов, закрепления приемлемых форм окказиональных слов и их вариантов. При этом узусно-стилистические и литературные нормы должны быть определены с точки зрения языкового сознания как нашего времени⁷, так и в перспективе, с учетом экстралингвистической обусловленности функционирования карачаево-балкарского языка.

Несмотря на общепринятое мнение об отсутствии полного тождества между литературным языком и языком художественной литературы, в таких новописьменных языках, как карачаево-балкарский, в которых слабо развиты научно-техническая, официально-деловая и некоторые другие виды письменной речи, наиболее нормированным является язык художественной литературы и прессы. При этом, безусловно, нельзя игнорировать и устную разговорную речь.

Проблема функционирования многогранной лексической системы карачаево-балкарского языка диктует необходимость нормативно-стилистического использования лексем различной степени употребительности. Твердо установленные нормы употребления пассивной и стилистически нейтральной лексики в литературном языке пока отсутствуют. Не выявлены и различные функциональные особенности устаревших и полностью вышедших из употребления слов. Имеются случаи, когда в речь

⁵ Ж. М. Гузев. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик, 1985, стр. 162.

⁶ И. Н. Шмелева. Стилистическая характеристика слов с суффиксами субъективной оценки. — В кн.: «Современная русская лексикография, 1976». Л., 1977, стр. 170.

⁷ А. А. Юлдашев. Принципы составления тюрко-русских словарей. М., 1972, стр. 63.

вводятся «приблизительно воспринимаемые слова», которые иногда встречаются лишь в фольклорных текстах.

В настоящее время весьма актуальным является вопрос о создании единой литературной лексической нормы для обоих регионов карачаево-балкарского языка. Чтобы убедиться в разнице функционирующей в этих двух регионах лексики, достаточно сравнить язык карачаевской газеты «Ленинни байрагъы» и балкарской — «Коммунизмге жол». В данном случае имеются в виду не различные лексические регионализмы, а тот факт, что из-за отсутствия взаимной договоренности одна и та же лексическая единица в одном регионе считается нормативной, в другом — ненормативной. По тем же причинам увеличиваются расхождения в калькировании и переводе вновь заимствуемой терминологии. Положение осложняется также отсутствием единой орфографии, несогласованным созданием учебников и учебных программ. Конечно, мы учитываем относительно самостоятельное развитие этих двух литературных форм языка, однако между ними отсутствует какая-либо существенная разница, препятствующая разработке единых литературных норм. Научно-теоретическое изучение этой проблемы позволило бы скорректировать и решить ряд актуальных практических задач карачаево-балкарского языкознания, в том числе и повышения выразительности и культуры речи. Изучение этих проблем поможет выявить и многие другие вопросы коммуникативно-языкового аспекта.

Е. С. АЙБАЗОВА, А. И.-М. СИКАЛИЕВ

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОГАЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Развитие ногойского языкознания достигло в настоящее время значительных успехов. В этом немалая заслуга таких видных тюркологов, как Н. А. Баскаков, У. Б. Алиев, М. Б. Балакаев, Ф. Г. Исхаков, Е. И. Убрятова и многих других, внесших существенный вклад в разработку теоретических и прикладных вопросов ногойского языкознания, а также в подготовку национальных кадров языковедов.

История исследования ногойского языка может быть условно подразделена на два периода: с 1930-х до 1950-х годов и с 1960-х годов по настоящее время.

Для первого из этих периодов характерно решение практических вопросов языкового строительства: распространение грамотности на родном языке, создание письменности, разработка научных основ грамматики, а также издание учебников и пособий по ногойскому языку и литературе.

Следует подчеркнуть особую роль профессора Н. А. Баскакова как основоположника изучения современного ногойского литературного языка и ногойской диалектологии. Его монография «Ногойский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь»¹ и другие работы поставили изучение ногойского языка на строго научную основу. Теоретические положения этих исследований оказали существенное влияние на всю последующую разработку научной грамматики ногойского языка.

Значительный вклад в разработку основ ногойской грамматики внес и А. Ш. Джанибеков. Его исследования, посвященные многим частным вопросам упорядочения графики, орфографии и терминологии ногойского языка, а также составленные им первые школьные учебники и словари² создали необходимые предпосылки для дальнейшей успешной разработки проблем ногойского языка. Эти его работы и поныне не утратили своего научного значения. На его систему обучения ногойскому языку в значительной степени ориентируется современное школьное и вузовское преподавание ногойской грамматики.

В становлении литературно-языковых норм ногойского языка значительную роль сыграли также писатели, переводчики и в особенности сотрудники первых газет на ногойском языке.

Значительная работа была проведена в этот период по изучению диалектов ногойского языка. На основе диалектологического материала,

Первая часть статьи (о состоянии языкознания) написана Е. С. Айбазовой, вторая (о состоянии фольклористики и литературоведения) — А. И.-М. Сикалиевым.

собранного во время экспедиции 1936 года под руководством Н. К. Дмитриева и комплексной экспедиции 1940 года, организованной Черкесским научно-исследовательским институтом, впервые была произведена научная классификация диалектов, описаны их фонетические, лексические и грамматические особенности.

Много ценных дополнений и уточнений в освещение грамматического строя ногайского языка и его диалектов внесли исследования М. К. Милых³.

Второй период в развитии ногайского языкознания охватывает последние двадцать пять лет. Центрами исследований в этот период являлись Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики и Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала Академии наук СССР.

Новый этап в истории развития языкознания связан с разработкой лексических и грамматических норм, созданием нормативной грамматики, двуязычных словарей, совершенствованием орфографии, а также составлением учебников и пособий для школ. В этот период более четко наметился круг проблем ногайской лингвистики. Особенно широко развернулись работы в области грамматики. Отдельным актуальным вопросам морфологии, фонетики, синтаксиса и лексики посвящаются исследования Н. А. Баскакова, М. К. Милых, С. А. Калмыковой, М. Ф. Саруевой, Д. М. Шихмурзаева и др.

Наряду с разработкой вопросов ногайского литературного языка ведутся специальные исследования в области диалектологии, грамматики, лексикологии и лексикографии. Особо следует выделить работы по ногайской диалектологии С. А. Калмыковой⁴. Собранные ею диалектологические материалы подтверждают и уточняют целый ряд положений об основных особенностях развития звукового состава, лексики и грамматического строя ногайского языка. Исследования этого автора во многом изменили представление о диалектном членении ногайского языка: на основе уточненных и новых данных по лексике, морфологии, фонетике и синтаксису С. А. Калмыкова устанавливает наличие двух диалектов в современном ногайском языке. Некоторые частные вопросы ногайской диалектологии освещены в ряде статей Л. С. Арсланова⁵.

Одной из значительных работ ногайских языковедов в области грамматики является нормативная «Грамматика ногайского языка. Ч. I. Фонетика и морфология»⁶, в которой С. А. Калмыковой и М. Ф. Саруевой впервые с необходимой глубиной проанализированы фонетическая система и грамматический строй ногайского языка, раскрыты семантические функции и значение грамматических категорий. Широкое использование языкового материала из произведений ногайской литературы и устной народной речи, сочетание синхронного и диахронного методов исследования отдельных грамматических явлений позволили авторам «Грамматики ногайского языка» обосновать нормы современного ногайского литературного языка. В этой связи заслуживают быть отмеченными также публикации А. Т. Бозиева, М. Ф. Саруевой, К. К. Джанбидаевой, Д. М. Шихмурзаева⁷.

Значительная работа проделана и в области изучения синтаксиса. К числу наиболее важных работ следует отнести монографические исследования Д. М. Шихмурзаева «Словосочетания в ногайском языке» и «Главные члены предложения, их состав и средства выражения в ногайском языке», а также работы М. К. Милых⁸, в которых разрабатываются основы синтаксиса, дается полный анализ синтаксических конструкций ногайского языка, исследуются грамматические связи слов в предложе-

нии, выявляются характерные особенности и состав главных членов простого предложения.

В настоящее время С. А. Калмыковой, К. К. Джанбидаевой разработана и подготовлена к изданию вторая часть нормативной «Грамматики ногайского языка. Ч. II. Синтаксис», посвященная описанию вопросов синтаксиса словосочетания, простого и сложного предложения.

Определенная работа проведена и в области лексикографии. Ногайскими лексикографами в 60-е годы были составлены и изданы «Русско-ногайский словарь», «Ногайско-русский словарь» и «Русско-ногайский словарь общественно-политической терминологии»⁹.

В последние годы активизировалась разработка ногайской топонимии; публикуются работы, вводящие в научный обиход обширный топонимический материал¹⁰. Языковедами Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики завершаются работы по подготовке к изданию «Топонимического словаря Карачаево-Черкесской автономной области».

Ряду актуальных вопросов диалектологии, фонетики, словообразования в ногайском языке посвящены отдельные работы языковедов, а также тематические сборники¹¹.

В настоящее время собирается диалектологический материал по Второму вопроснику «Лингвистического атласа Европы», ведется его камеральная обработка. Собранный диалектный материал народно-разговорного языка предполагается обобщить на основе новых теоретических положений, выдвинутых советскими тюркологами.

Несмотря на определенные достижения, ногайскому языкознанию предстоит решить еще немало серьезных научных проблем, а также вопросов организации учебного процесса в школах и вузах. За последние годы не было издано ни одной значительной работы по истории ногайского языка, по проблемам взаимодействия и взаимовлияния ногайского и родственных, а также иноструктурных языков, по вопросам ногайской стилистики, терминологии, лексикологии и фразеологии. Подготовка учителей ногайского языка в педучилище и в Карачаево-Черкесском госпединституте до сих пор ведется без необходимых стабильных учебников и учебных пособий. Такие разделы ногайской грамматики, как стилистика, фонология, история языка, орфоэпия и орфография, по настоящее время все еще остаются неисследованными, если не считать нескольких статей, посвященных этим актуальным проблемам.

Ногайскому языкознанию в ближайшее время предстоит:

1) создать описательную и нормативную грамматику; подготовить учебные пособия, а также сопоставительную грамматику на ногайском и русском языках (для преподавателей и студентов);

2) разработать теоретические проблемы лексикологии и лексикографии, а также диалектологии;

3) изучить основные формы и особенности процесса современного словообразования в языке и разработать практические меры их развития и стимулирования;

4) выяснить основные направления и особенности дальнейшего совершенствования культуры устной и письменной речи.

Разрешение всех этих проблем и все дальнейшие успехи сравнительно-исторического исследования ногайского языка целиком зависят от наличия высококвалифицированных научных кадров и организации их успешной подготовки.

Ногайская фольклористика, как наука, возникла только после Великой Октябрьской социалистической революции. Она при этом опиралась на демократические традиции передовой русской науки, на опыт дорево-

люционных собирателей и публикаторов ногойского фольклора.

Как известно, сбором ногойского фольклора до революции занимались Ч. Валиханов, М. Османов, Н. Семенов, А. Архипов, В. Радлов, П. Фалев, А. Умеров и др. Их публикации привлекли внимание к словесному искусству ногойцев и способствовали его серьезному и глубокому изучению в дальнейшем. В этот период были опубликованы такие произведения ногойского эпоса, как «Ахмед, сын Айсула», «Эдиге», «Мамай», «Шора батыр», «Адиль-Солтан», «Эр Таргыл», «Кыз-Жибек», предания «Райма», «Золотая пуля», а также целый ряд произведений ногойских поэтов прошлого.

Из дореволюционных собирателей и публикаторов ногойского фольклора только В. Радлов, Ч. Валиханов, М. Османов и А. Умеров производили запись в оригинале.

В начале XX века известный просветитель А.-Х. Ш. Джанибеков приступает к систематическому сбору ногойского фольклора.

В дореволюционный период ногойская фольклористика была ограничена отдельными статьями Ч. Валиханова, Н. Семенова и П. Фалева.

После Октябрьской революции А.-Х. Ш. Джанибеков продолжает собирание памятников устной народной словесности ногойцев. Результатом его тридцатилетней (1905—1935) собирательской деятельности среди астраханских, дагестанских, ачикулакских и кубанских ногойцев явилось создание им рукописного четырехтомного собрания произведений ногойского фольклора, названного им «Сокровищницей слов»¹², которое дает достаточно полное представление о ногойском фольклоре, о его жанровом и эстетическом богатстве. Часть своих записей А.-Х. Ш. Джанибеков опубликовал сам¹³.

Большим событием не только в ногойском языкознании, но и в фольклористике явилось издание в 1940 году фундаментального труда Н. А. Баскакова «Ногойский язык и его диалекты»¹⁴. В нем автор опубликовал и многочисленные тексты произведений разных жанров ногойского фольклора в оригинале и в русском переводе. Здесь представлены образцы фольклора всех групп ногойцев Северного Кавказа с сохранением диалектных особенностей речи каждого сказителя.

В 1949 году М. К. Милых опубликовала предание «Ариз и Ханбер» и сказку «Анкылдак и Донкюльдек»¹⁵. Автор публикации отмечает также широкое распространение среди ногойцев и сказания о Козы-Корпеш¹⁶.

С конца 40-х годов начинают издаваться в русском переводе фольклорные тексты, собранные А.-Х. Ш. Джанибековым. В Ставрополе¹⁷, Москве¹⁸, Махачкале¹⁹, Грозном²⁰, Ленинграде²¹ публикуются ногойские песни и сказки на русском языке.

В 50—60-х годах С. А.-Х. Джанибекова-Калмыкова осуществила издание на ногойском языке фольклорных памятников, вошедших в «Сокровищницу слов», с добавлением некоторых собственных записей²².

В эти же годы активизируется работа по систематическому собиранию произведений ногойского фольклора и наследия поэтов-писмемников. С 1956 года А. И.-М. Сикалиев (Карачаево-Черкесия) выявляет и записывает фольклор и поэтические произведения ногойских авторов дооктябрьского периода, а также собирает ногойские рукописи, сохранившиеся в записях арабским и латинским шрифтами. В 1956—1966 годах у кубанских ногойцев им был обнаружен и записан значительный материал фольклорного и литературного наследия ногойцев, в том числе произведения: «Копланлы батыр», «Манаша», «Манашы улы Туякбай», «Эр Косай», «Эр Шобан», «Эр Кокше», «Камбар», «Эр Саин», «Елкилдек батыр», «Боз-Йигит», «Кыз-Йибек», «Козы-Корпеш и Баян-Слу», «Тахир и Зухра», «Кор-Огул», а также полные варианты эпиче-

ских поэм: «Эр Таргыл», «Шора батыр», «Адиль-Солтан», «Эр Кусеп» и др.

С 1966 года А. И.-М. Сикалиев в качестве научного сотрудника Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики организует ежегодные фольклорные экспедиции во все регионы расселения ногайцев и собирает обширный и разнообразный материал. В 1969 году в Москве вышел сборник ногайских народных песен²³, в 1971 году в Черкесске был издан второй сборник²⁴, двадцать четыре ногайские песни вошли в сборник «Песни народов Северного Кавказа»²⁵.

А. Ногаем издан сборник ногайских сказок на русском языке²⁶. Ногайские песни и сказки издавались также в Махачкале²⁷ и Черкесске²⁸.

В 1974 году вышел сборник трудов В. М. Жирмунского «Тюркский героический эпос»²⁹, в который вошли и ранее не публиковавшиеся работы ученого: «Сказание об Идиге», «Эпические сказания о ногайских богатырях в свете исторических источников».

А. Сикалиевым опубликован ряд работ по различным проблемам ногайской фольклористики³⁰.

Научное изучение всех жанров богатого фольклора ногайцев и создание обобщающих трудов — дело будущего, ближайшей же задачей является публикация самих фольклорных памятников.

Несмотря на то, что еще в начале 30-х годов в ногайской советской литературе были представлены современные литературные жанры, литературоведческие исследования в этот период почти полностью отсутствовали. Лишь в конце 30-х годов на страницах ногайской областной газеты «Кызыл Черкес» были опубликованы первые критические статьи писателя Ф. Абдулжалилова. После войны он продолжает выступать на страницах областных и краевых газет с литературно-критическими статьями. Часть статей Ф. Абдулжалилова вышла отдельным сборником³¹.

С конца 50-х годов в статьях П. Балтина, Л. Бекизовой³², А. Каревой, В. Тугова³³ предпринимаются серьезные попытки научного осмысления литературного процесса.

В 60-х годах в Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте начинается научное изучение ногайской советской литературы. Сотрудники института Ш. Курмангулова и А. Сикалиев на страницах газет и литературных сборников печатают критические и научные статьи, посвященные творчеству отдельных поэтов и писателей³⁴.

В 1971 году вышло в свет монографическое исследование Л. Бекизовой «Слово о ногайской литературе»³⁵. Это первая и пока единственная монография, в которой освещается процесс становления и развития ногайской советской литературы. Охарактеризовав во введении литературу довоенного периода, Л. Бекизова в двух главах подробно останавливается на творчестве наиболее известных ногайских писателей Ф. Абдулжалилова и С. Капаева, а в заключительном разделе и на произведениях других писателей.

Ш. А. Курмангулова опубликовала ряд статей, посвященных начальному этапу развития ногайской советской литературы, творчеству Ф. Абдулжалилова, формированию жанра повести³⁶.

Ряд статей по ногайской литературе советского периода опубликовал А. Сикалиев³⁷. Им же написан раздел о ногайской литературе послевоенного периода, вошедший в пятый том «Истории советской многонациональной литературы»³⁸.

Своими успехами ногайская литература и литературоведение во многом обязаны братской помощи писателей русского и других народов СССР.

Многое сделано и в области изучения дореволюционного литературного наследия ногайцев. О ногайских поэтах и философах XIV—XVI веков Сыбре, Асане Кайглы, Жиренше Шешене писал еще известный казахский ученый-просветитель XIX века Чокан Валиханов³⁹. Некоторые произведения таких ногайских поэтов, как Шал-Кийиз Тиленши улы (XV в.), Асан Кайглы (XVI в.), Досмамбет Азаулы (XVI в.), Казы-Туган Суюниш улы (XVII в.), Сыдыкбай Алхайдар (XIX в.), были опубликованы еще в конце прошлого — начале нынешнего века.

Произведения дореволюционных ногайских поэтов, как уже говорилось выше, записывал и А.-Х. Ш. Джанибеков. Однако литературные памятники им не отделялись от фольклорных, и ни в одной из своих работ он не касается литературного наследия дореволюционных ногайских писателей. Литературные памятники, собранные А.-Х. Ш. Джанибековым, увидели свет в составе его фольклорных сборников и были восприняты читателями и исследователями как фольклорные произведения.

Начиная с конца 50-х годов работа по выявлению текстов произведений ногайских поэтов XIV—начала XX века ведется А. И.-М. Сикалиевым. Им опубликованы памятники ногайской классики и ряд научных работ, посвященных формированию дореволюционной ногайской литературы и творчеству отдельных ее представителей⁴⁰.

Ближайшей задачей ногайского литературоведения является издание текстов литературных памятников прошлого, «Очерков истории ногайской литературы», а также создание таких актуальных исследований, как «Ногайская литература 60—80 гг. (поэзия, проза, драматургия)», «Становление ногайского национального романа».

* * *

За годы Советской власти проделана большая работа по созданию новой ногайской письменности на основе латинской, а затем русской графики, по изучению ногайского языка и его диалектов, по составлению словарей и грамматик, учебных пособий для средней школы и т. д. Усилия фольклористов были направлены на собирание и публикацию фольклорных памятников. Все это является залогом дальнейших успехов советского ногаеведения.

¹ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь. М.—Л., 1940; *его же*. Очерк грамматики ногайского языка.—В кн.: «Ногайско-русский словарь». Под редакцией проф. Н. А. Баскакова. М., 1963; *его же*. Ногайский язык. — В кн.: «Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки», М., 1966.

² А. Ш. Джанибеков. Ногайский букварь для детей и уроки чтения после букваря. М., 1929; *его же*. Орфографический справочник. М., 1931; *его же*. Общественно-политические термины. Термины по химии. Термины по физике. Термины по математике. Махачкала, 1932; *его же*. Ногай тили. Грамматика. Учебник для начальной школы. Махачкала, 1935; *его же*. Свод орфографических правил ногайского литературного языка. Махачкала, 1938; *его же*. Ногай тили. Ч. I. Фонетика и морфология. Махачкала, 1939; *его же*. Ногай литературный тилдинь орфография правиларынынъ своды. Черкесск, 1962.

³ М. К. Милых. Об изучении карачаево-балкарских, крымских и ногайских говоров.—В кн.: «Труды I диалектологической конференции», Ростов, 1939; *ее же*. Заметки о построении ногайской терминологии. — В кн.: «Ученые записки факультета языка и литературы Ростовского педагогического института», т. I, Ростов-на-Дону, 1939; *ее же*. О ногайском говоре Татарской слободки под Новочеркасском. — В кн.: «Ученые записки факультета языка и литературы», т. II. Кафедра общего и русского языкознания, Ростов-на-Дону, 1940.

⁴ С. А. Калмыкова. Акногайский диалект ногайского языка. Автореф. канд. дисс., Черкесск, 1965; *ее же*. Лексические заимствования в акногайском диалекте. — В кн.: «Труды Карачаево-Черкесского государственного университета. Серия филологическая», вып. 2, Нальчик, 1959; *ее же*. О фонетической системе акногайского диалекта ногайского языка. — В кн.: «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», вып. 3, Черкесск, 1959; *ее же*. Особенности караногайского диалекта ногайского языка. — В кн.: «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», вып. 5, Черкесск, 1968.

⁵ Л. С. Арсланов. О влиянии ногайского языка на татарские говоры Ставропольского края. — «Советская тюркология», 1972, № 5; *его же*. К вопросу о карагашском языке. — «Советская тюркология», 1977, № 4.

⁶ С. А. Калмыкова, М. Ф. Саруева. Грамматика ногайского языка. Ч. I. Фонетика и морфология. Под редакцией проф. Н. А. Баскакова. Черкесск, 1973.

⁷ А. Т. Бозиев. Система спряжения в кумыкском и ногайском языках. Автореф. канд. дисс., М., 1949; М. Ф. Саруева. Наречие в ногайском языке. — В кн.: «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. III. Серия филологическая», Черкесск, 1959; *ее же*. Сложные слова в современном ногайском языке. — В кн.: «Тюркологический сборник. Материалы по карачаево-балкарскому и ногайскому языкам», Черкесск, 1967; К. К. Джамбидиева. Ногай оэлик аффикслер. — В кн.: «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. V. Серия филологическая», Черкесск, 1968; Д. М. Шихмурзаев. Функции основного падежа в ногайском языке. — В кн.: «Именное склонение в дагестанских языках», Махачкала, 1979.

⁸ Д. М. Шихмурзаев. Словосочетание в ногайском языке. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1978; *его же*. Главные члены предложения, их состав и средства выражения в ногайском языке. Махачкала, 1975; М. К. Милых. Очерки по ногайскому синтаксису. — В кн.: «Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного университета», т. V. Труды историко-филологического факультета. Вып. 2. Кафедра общего и кавказского языкознания, Таганрог, 1947.

⁹ «Русско-ногайский словарь». Под редакцией проф. Н. А. Баскакова. М., 1956; «Ногайско-русский словарь». Под редакцией проф. Н. А. Баскакова. М., 1963; «Русско-ногайский словарь обществено-политической терминологии», Черкесск, 1981.

¹⁰ М. А. Булгарова. О топонимах в местах поселения ногайцев на территории Карачаево-Черкесии. — В кн.: «Вопросы языковых контактов», Черкесск, 1982; *ее же*. Географические термины и их участие в образовании ногайских топонимов. — В кн.: «Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии». Под редакцией Э. Р. Тенишева, А. К. Шагинова. Черкесск, 1983; *ее же*. Структурные типы ногайских топонимов. — В кн.: «Вопросы лексики и грамматики языков народов КЧАО», Майкоп, 1984; И. В. Дрон. Комрат — этнотопоним ногайского происхождения. — «Советская тюркология», 1981, № 1; *его же*. Гагаузские этнотопонимы и этногидронимы ногайского происхождения. — «Советская тюркология», 1985, № 3.

¹¹ М. Ф. Саруева. Влияние русского языка на обогащение и развитие современного ногайского языка. — В кн.: «Прогрессивная роль русского языка и русской культуры в духовном обогащении народов Карачаево-Черкесии», Ставрополь, 1985; Е. С. Айбазова. Термины родства в современном ногайском языке. — В кн.: «Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков», Ставрополь, 1981; *ее же*. Качественная характеристика гласных ногайского языка (на основе спектрограмм). — В кн.: «Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии». Под редакцией Э. Р. Тенишева, А. К. Шагинова, Черкесск, 1983; *ее же*. Основные способы образования сложных слов в современном ногайском языке. — В кн.: «Вопросы лексики и грамматики языков народов КЧАО», Майкоп, 1984; Р. Х. Керейтов. Терминология родства у ногайцев. — В кн.: «Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (Материальная и духовная культура)», Черкесск, 1982; Д. М. Шихмурзаев. Термины родства и свойства в ногайском языке. — В кн.: «Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства», Махачкала, 1985.

¹² А.-Х. Джанибеков. Союз казнасы. Т. I—IV. Фонд Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.

¹³ «Карайдар ман Кызыл-Гуьл», М., 1928; «Авыл поэзиясы яде ногай эл аьдебиты», Махачкала, 1935; «Халк ырылары эм эртегилери». Составители А.-Х. Джанибеков, С. Даутов, Пятигорск, 1940.

¹⁴ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940.

¹⁵ «Языки Северного Кавказа и Дагестана», вып. II, М.—Л., 1949.

¹⁶ Там же, стр. 253.

¹⁷ «Песни ногайцев». Переводы Н. Капиевой. Ставрополь, 1949; «Сказки четырех братьев». Составитель и переводчик Н. Капиева, Ставрополь, 1965.

¹⁸ «Легенда говорит». Составитель С. Липкин. Переводы Н. Капиевой, С. Липкина, В. Державина, Я. Козловского и др. М., 1959.

- ¹⁹ «Песни безымянных певцов». Переводы Н. Гребнева, Махачкала, 1960.
- ²⁰ «Чудесные родники». Составитель С. А. Арсанов, Грозный, 1963.
- ²¹ «Песни народов Дагестана». Составитель Н. Капиева, Л., 1970.
- ²² «Йырлар, эртегилер, айтувлар», Черкесск, 1955; «Ногай халкынын такпаклары эм айтувлары», Черкесск, 1963; «Ногай эртегилер», Черкесск, 1967.
- ²³ «Ногай халк йырлары». Запись С. Калмыковой и А. Сикалиева. Составитель С. Калмыкова. М., 1969.
- ²⁴ «Айт десенъиз, аятайым». Запись и составление А. Сикалиева, Черкесск, 1971.
- ²⁵ «Песни народов Северного Кавказа». Составители К. Кулиев, Н. Джусойты. Л., 1976.
- ²⁶ «Ногайские народные сказки». Составитель и переводчик А. Ногай, М., 1979.
- ²⁷ «Антология дагестанской поэзии». Т. I. Песни. Махачкала, 1980; сб.: «Тувган ерим». Составители Д. Шихмурзаев, А. Култаев. Махачкала, 1980.
- ²⁸ «Алал косак». Запись и составление Т. Акманбетова, Черкесск, 1985.
- ²⁹ В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
- ³⁰ А. Сикалиев. Фольклор ногайцев. — В кн.: «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I, Ставрополь, 1967; *его же*. Жизнь и деятельность ногайского просветителя А.-Х. Ш. Джанибекова. — «Труды КЧНИИ. Серия филологическая», вып. VII, Черкесск, 1973; *его же*. Номай юрсенъ ногай шыгар алдыннан. — «Тувган ерим. Сборник произведений ногайских писателей Дагестана», Махачкала, 1974; *его же*. Общество и герой в ногайском героическом эпосе. — «Традиции и современность. Фольклор и литература народов Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1980; *его же*. Ногайская героическая поэма «Копланы батыр». — «Вопросы фольклора народов Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1983.
- ³¹ Ф. Абдулжалилов. Адымнан адым. Черкесск, 1972.
- ³² П. И. Балтин, Л. А. Бекизова. Литература народов Карачаево-Черкесии. — «Труды КЧНИИ. Серия филологическая», вып. III, Черкесск, 1959.
- ³³ Л. Бекизова, В. Тугов. Братство литератур — братство народов. — «Свет дружбы». Сборник произведений писателей КЧАО. Составитель И. Аджиев, Черкесск, 1963; «Писатели Карачаево-Черкесии». Составитель В. Тугов, Черкесск, 1963.
- ³⁴ Ш. Курмангулова. Совет ногай литературасынынъ тувувы. — В сб.: «Шолпан», Черкесск, 1969; А. Сикалиев. Оьмирлердинъ давысы. — Там же.
- ³⁵ Л. Бекизова. Слово о ногайской литературе. Черкесск, 1971.
- ³⁶ Ш. А. Курмангулова. Зарождение ногайской литературы. — «Труды КЧНИИ. Серия филологическая», вып. VI, Черкесск, 1970; *ее же*. Ф. А. Абдулжалиловтынъ творчествосы акында. — Там же, вып. VII, Черкесск, 1973; *ее же*. Формирование жанра повести. — «Литературоведение и история». Тезисы докладов, Ташкент, 1980.
- ³⁷ А. Сикалиев. Сынап карап, сырласып. Черкесск, 1975; *его же*. Сынап карап... — Там же; *его же*. Яшавга шолпа туьсип. — В сб.: «Судьба», Черкесск, 1973.
- ³⁸ А. И. Сикалиев. Ногайская литература. — «История советской многонациональной литературы», т. 5, М., 1974.
- ³⁹ Ч. Валиханов. Сочинения. СПб., 1904, стр. 241—245, 304.
- ⁴⁰ А. И.-М. Сикалиев. Оьмирлердинъ давысы. — В сб.: «Шолпан», Черкесск, 1969; *его же*. Голоса веков (очерк истории ногайской дореволюционной литературы). — «Труды КЧНИИ. Серия филологическая», вып. VI, Черкесск, 1970; *его же*. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы. — «Советская тюркология», 1970, № 4; *его же*. Сынап карап, сырласып. Черкесск, 1975; *его же*. Иден дружбы народов в ногайском фольклоре и ногайской дореволюционной литературе. — В кн.: «Фольклористика Российской Федерации», Л., 1975; *его же*. К проблеме авторского самосознания ногайских писателей дореволюционного периода. — В кн.: «Фольклор, литература и история Востока», Ташкент, 1984.

А. М. АДЖИЕВ, К. С. КАДЫРАДЖИЕВ

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУМЫКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Кумыки — одна из тюркоязычных народностей Дагестана, численность которой доходит до 250 тысяч человек. До Великого Октября они пользовались арабской графикой, не получившей широкого распространения в народе.

В дооктябрьский период предпринимались лишь отдельные разрозненные попытки изучения истории и языка кумыков. В 1848 году Т. Макаров в Тифлисе издал первую грамматику кумыкского языка под названием «Татарская грамматика кавказского наречия». Несколько позднее М. Г. Афанасьевым и М. Г. Мохиром были составлены небольшие кумыкско-русский и русско-кумыкский словари. В этих изданиях приводились первые систематизированные сведения по кумыкской лексике. В 1915 году вышел в свет четырехязычный словарь А. Акаева включавший около 1300 слов и выражений кумыкского, аварского, арабского и русского языков.

Некоторые фольклорные и литературные произведения кумыков благодаря энтузиазму отдельных просветителей публиковались еще до революции: «Кумыкские и ногайские тексты» (СПб., 1883) и «Насигъат» («Назидание», Казань, 1889) М.-Э. Османова, антология кумыкской поэзии А. Акаева, переиздававшаяся трижды, три повести Н. Батырмурзаева (1910, 1912 и 1914), стихотворения Ашуга Ансара (1914), иллюстрированные календари, а также переводы и обработки целого ряда произведений восточной литературы («Лейла и Меджнун», «Тахир и Зухра», «Юсуф и Зулейха», «Бозигит», «Синдбад-мореход» и многие другие) — всего около 150 книг.

После победы Советской власти за короткий период был введен новый алфавит сначала на латинской, а затем на русской графической основе. Было положено начало систематическому изучению истории, этнографии, языка, фольклора и литературы кумыков.

В Дагестанской АССР в настоящее время исследования в области кумыковедения ведутся Институтом истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала Академии наук СССР, Дагестанским государственным университетом им. В. И. Ленина и Дагестанским педагогическим институтом.

Одним из первых исследователей кумыкского языка был Б. Чобанзаде. В его работах затрагиваются вопросы происхождения кумыков и их языка, предпринимается попытка определить место кумыкского языка в семье тюркских языков¹. Изучение фонетического и грамматического строя кумыкского языка связано с именем Н. К. Дмитриева².

Н. А. Баскаковым в работе «Тюркские языки» исследуется проблема происхождения кумыкского языка³. Описание современного кумыкского языка и сведения по истории его изучения приводятся в статьях Н. З. Гаджиевой⁴ и А. Г. Магомедова⁵.

Определенная работа была проведена в области изучения фонетики современного кумыкского языка. В работе А. А. Моллаева анализируются вокализм и консонантизм кумыкского языка, устанавливаются принципы классификации гласных и согласных фонем⁶. Исследуется также проблема фонетического освоения русских слов кумыкским языком⁷.

В области кумыкской морфологии наиболее значительной является работа Н. К. Дмитриева «Грамматика кумыкского языка»⁸, которая и сегодня остается единственным обобщающим трудом по грамматике современного кумыкского языка. Кумыкским послелогам посвятил работу А. Г. Магомедов, который подразделяет их на две группы: 1) собственно-послелоги, 2) послелоги, представляющие собой изолированные формы знаменательных слов, выполняющих в определенных позициях функцию послелога⁹. Проведены исследования одной из основных категорий кумыкского языка — глагола. В работах Н. Э. Гаджихмедова и В. Джанаевой дан подробный анализ категорий времени, наклонений, залога¹⁰. Дж. Хангишиевым обстоятельно изучены причастия¹¹. Деепричастию в кумыкском языке посвящена монография Ю. Д. Джанмавова¹². Автор характеризует деепричастие как особую форму глагола, прослеживает процесс перехода деепричастий в другие части речи, что влечет за собой изменение не только их семантико-морфологических особенностей, но и синтаксических признаков и функций.

Активно развивается лексикология кумыкского языка. Лексика с семантической точки зрения была впервые изучена А. А. Сатыбаловым¹³. В исследовании К. С. Кадыраджиева по исконной лексике кумыкского языка рассматриваются вопросы родства тюркских и алтайских языков, структуры корня и основы, дается классификация кумыкской лексики в зависимости от ее происхождения, исследуется фонетико-морфологическая и семантическая структура кумыкской лексики¹⁴. Разрабатываются также отдельные вопросы кумыкской лексикологии и терминологии¹⁵.

Значительным явлением в культурной жизни кумыков стало издание в Москве в 1960 году «Русско-кумыкского словаря», а в 1969 году — «Кумыкско-русского словаря». Были выпущены небольшие словари по орфографии и фразеологии¹⁶.

Развивается и кумыкская диалектология. По лексике кумыкских диалектов собран значительный материал И. А. Керимовым¹⁷. Им же защищена диссертация по кайтагскому диалекту кумыкского языка. Брагунскому говору терского диалекта кумыкского языка посвящена диссертация Н. Ольмесома¹⁸.

Проблемам ономастики кумыкского языка посвящены исследования А. А. Сатыбалова, Т. Г. Таймасхановой, К. С. Кадыраджиева¹⁹.

Исследуются и вопросы ареальной лингвистики, взаимоотношения кумыкского языка с нахско-дагестанскими²⁰ и русским²¹ языками.

Этимологии лексики кумыкского языка посвящены работы Л. С. Левитской²².

Изучается проблема субстрата в кумыкском языке. Выявлены конкретные элементы болгаро-савирского субстрата в кумыкской лексике и ономастике²³. К. С. Кадыраджиевым выдвинута гипотеза о наличии в современных тюркских языках так называемого палеотюркского огурохуварского субстрата, то есть таких фонетических, лексических и морфологических особенностей, которые могут быть объяснены только в том

случае, если допустить существование в прототюркском источнике по крайней мере четырех палеотюркских диалектов, отличавшихся ярко выраженными фонетико-морфологическими признаками²⁴.

В кумыкском языкознании впервые начали разрабатываться и проблемы сравнительно-исторической морфологии²⁵.

В 20—40-е годы развернулась работа по сбору произведений кумыкского фольклора. Первыми собирателями и исследователями фольклора кумыков в советское время были писатель, ученый и педагог А.-П. Салаватов, писатель, режиссер и композитор Т.-Б. Бейбулатов, народный сказитель А. Акавов, писатель А. Аджаматов и др.

В 1939 году В. Д. Бонч-Бруевич писал поэту, переводчику и фольклористу А. Казиеву: «Ваша работа по записи и изучению устного творчества кумыков имеет большое значение, так как фольклорное богатство кумыкского народа совершенно не исследовано»²⁶.

В 1939 году вышел в свет сборник «Чечеклер» («Цветы»), значительную часть которого составил фольклорный материал, собранный и систематизированный А.-П. Салаватовым. Здесь же была опубликована статья о кумыкских сарынах-четверостишиях, являющаяся частью большого исследования, написанного А.-П. Салаватовым еще в 1932 году, но, к сожалению, оставшегося неопубликованным²⁷.

Новая страница в истории изучения и публикации кумыкского фольклора связана с периодом Великой Отечественной войны, когда писатели и поэты обратились к героическим образам прошлого как к оружию в борьбе с захватчиками²⁸.

В 50—60-е годы издание фольклорных произведений значительно расширилось²⁹, а фольклор стал изучаться как часть общего классического культурного наследия народа. В 1958 году М. Хангишиев опубликовал в альманахе «Дослукъ» («Дружба», № 4) статью, в которой были охарактеризованы жанры кумыкского устно-поэтического творчества, рассматривалась система стихосложения. К. Султанов написал работу, где предпринял попытку выделить основные жанры кумыкского фольклора, указать их истоки, функции, идейно-художественные особенности³⁰. Кумыкскому фольклору посвящен ряд работ С. Ш. Гаджиевой, среди которых особо следует отметить историко-этнографическую монографию «Кумыки» (М., 1961). В ней использован богатый фольклорный материал, анализируются основные жанры и памятники кумыкского фольклора.

В последние два десятилетия Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР и филологическим факультетом Дагестанского госуниверситета им. В. И. Ленина проводится интенсивный сбор кумыкского фольклора. В основу издания фольклорных текстов положен жанровый принцип: опубликованы сборники сказок, анекдотов, пословиц и поговорок, загадок³¹.

В работах У. Б. Далгат³², С. Ш. Гаджиевой³³, А. М. Аджиева³⁴, К. С. Кадыраджиева³⁵ доказывается, что Кумыкия, как и некоторые другие микрорегионы Дагестана, входит в ареал бытования нартиады. Причем, наряду с использованием общих для нартиады сюжетов, многие фольклорные произведения в Дагестане отличаются оригинальностью и самобытностью. Более того, без учета дагестанского материала, общерегиональных закономерностей многовековой эволюции жанров фольклора народов Северного Кавказа невозможно достаточно объективно и полно осветить такие сложные вопросы, как генезис, развитие и трансформация нартского эпоса³⁶. При решении их, как нам представ-

ляется, недостаточно учитывается роль тюркоязычного «компонента» в многонациональной по своей сути нартиаде.

Другой немаловажный для тюркологии аспект изучения кумыкского фольклора — это выявление в нем древнетюркских элементов. Исследования последних лет показывают, что в обрядовой поэзии кумыков сохранился довольно значительный пласт, восходящий к хазаро-булгарскому, а возможно, и к более древнему периоду³⁷.

Тесно соприкасаются с этой проблемой вопросы фольклорных связей кумыков с другими тюркоязычными народами. В исследованиях А. М. Аджиева выявлена общность или близость отдельных памятников и жанров кумыкского фольклора с устным народным творчеством азербайджанцев, ногайцев, казахов, туркмен, народов Сибири, Поволжья и др.³⁸

Анализ кумыкского фольклора показывает, что он имеет много общего и с творчеством иберийско-кавказских и иранских народов. Многие жанры кумыкского фольклора можно отнести к общедагестанскому и северокавказскому региональному типу народного творчества. Кумыкские памятники традиционно включаются в общедагестанские фольклорные сборники; во многих трудах кумыкский фольклор рассматривается в контексте или как составная часть единого и в то же время многообразного традиционного устно-поэтического наследия народов Дагестана.

В годы революции и гражданской войны литература кумыков отражала ожесточенную классовую борьбу в Дагестане. На страницах литературно-художественного и общественно-политического журнала «Танг-Чолпан» («Утренняя Звезда») и газеты «Ишчи халкь» («Трудовой народ»), выходивших на кумыкском языке, публиковались статьи о литературе, искусстве, эстетике, языке, переводы произведений русских и западноевропейских писателей.

В 20-е годы издавались произведения А.-П. Салаватова, Т.-Б. Бейбулатова, Ю. Гереева и других, переводы образцов русской, татарской и азербайджанской литературы.

В упомянутой выше работе азербайджанского ученого Б. Б. Чобанзаде была сделана первая попытка целостного осмысления литературного и фольклорного наследия кумыков. Автор подчеркнул социальную направленность кумыкской дореволюционной литературы, высоко оценивал творчество И. Казака и других кумыкских писателей, отмечал близость кумыкской поэзии к поэзии других тюркских народов.

В 20—30-е годы дагестанская литературная критика подпала под влияние пролеткультовцев. И. Аурбиев, Г. Лелевич и другие с вульгарно-социологических позиций пытались по сути дела перечеркнуть прогрессивное значение дореволюционного художественного наследия кумыков. Однако такие видные критики и поэты, как Э. Капиев, А.-П. Салаватов и другие, и в то сложное время отстаивали научно-объективные принципы оценки дореволюционной литературы и фольклора.

С конца 50-х годов дагестанское литературоведение вступает в новый этап своего развития, ознаменовавшийся историческим подходом к оценке памятников прошлого, глубиной осмысления литературных явлений. Кумыкская литература рассматривается как составная и неотъемлемая часть литератур народов Дагестана [«Очерки дагестанской советской литературы» (1957), двухтомная «История дагестанской советской литературы» (1969), многочисленные монографии и коллективные сборники статей]³⁹.

Среди первых книг, посвященных кумыкской литературе, следует назвать изданные на русском языке «Очерки дореволюционной кумыкской литературы» (1959) Г. Б. Мусахановой и «Къумукъланы адабияты» («Литература кумыков», 1964) К. Султанова.

В последующие годы появился ряд работ, где на основе современных достижений литературоведения рассматривались различные актуальные проблемы кумыкской литературы. В работе И. Х. Асекова был дан обстоятельный анализ взаимосвязей народно-поэтического творчества и литературы кумыков, начиная с дореволюционного периода по настоящее время⁴⁰. К. И. Абуков в своих работах исследовал актуальные вопросы современной литературы: традиционность и новаторство, идейно-художественную значимость произведений литературы, творчество ряда видных авторов⁴¹.

С. М.-С. Алиев собрал и ввел в научный обиход произведения средневековой кумыкской литературы, опубликовал и исследовал наследие крупнейшего кумыкского поэта И. Казака, А.-Г. Ибрагимова и др.⁴² Ряд работ А.-К. Ю. Абдуллатипова посвящен эволюции творческого метода дореволюционной кумыкской литературы, развитию в ней реалистических традиций, что показано на анализе творчества Т.-Б. Бейбулатова, М. Алибекова, А. Акаева, Н. Батырмурзаева, А. Кадиева⁴³. З. Н. Акавов в исследовании «Биринчилер» («Они были первыми», 1981) обратился к рассмотрению вопросов формирования и эволюции просветительно-реалистического художественного метода в кумыкской литературе XIX — начала XX века, показал, как в советское время на новой мировоззренческой основе происходит полное подчинение просветительских форм, жанров идеям социалистического созидания⁴⁴. Зарождение и развитие кумыкской старописьменной художественной книги впервые обстоятельно описаны С.-М. Х. Акбиевым⁴⁵.

В последнее время уделяется определенное внимание и региональному исследованию тюркоязычных литератур Северного Кавказа (З. Н. Акавов), а также связям дагестанских литератур с творчеством поэтов и писателей Татарии (С.-М. Акбиев)⁴⁶.

Кумыкские литературоведы пытаются воссоздать картину развития литературных традиций кумыков, начиная со времени их зарождения. Изучение историко-культурных связей способствует выявлению истоков письменных фольклорно-литературных традиций кумыков и ряда других тюркоязычных народов, позволяет возводить их к таким памятникам, как «Кодекс Куманикус», «Китаби деде Коркуд» и др. Известен ряд письменных памятников региональной историографии, опирающихся на фольклор, — это «Тарихи Дербент-наме» Мухаммеда Аваби из кумыкского аула Эндери, «Анжи-наме», созданный Кадирмурзой из Кяхулая в 1780 году на основе более ранних историко-литературных хроник, а также фольклора и др. Кумыкские шамхалы и другие владетели вели, начиная с XV века, активную переписку с Московским государством. В фонде Кизлярского коменданта хранятся тысячи тюркоязычных писем, поступивших практически со всего Северо-Восточного Кавказа. Изучение этих богатейших материалов только началось⁴⁷; вместе с тем они, как и аналогичные материалы других архивов, должны стать объектом более широкого и многостороннего исследования, ибо имеют важное значение для изучения тюркских, в частности кумыкского и азербайджанского, языков, истории, этнографии, фольклора региона. Известны и имена поэтов: по мнению С. Алиева, среди первых кумыкских поэтов можно назвать Кобуз Абдулла (XIV в.), Умму Камала (XV в.), уроженца кумыкского аула Коюн, а также Аманхора (1670—1706 гг.).

Поисковые работы последних десятилетий показывают, что значи-

тельная часть литературного наследия кумыков долгое время оставалась неизвестной исследователям. Так, сравнительно недавно введен в научный обиход первый кумыкский роман «Аманхор», написанный А.-Г. Ибрагимовым в 1915 году, обнаружено богатое литературное наследие Коччакай Джамалдина (Ханакаева), в том числе две его поэмы 1909—1910 гг.

Одной из важных задач, стоящих перед кумыкским языкознанием, является издание на русском языке нормативной «Грамматики кумыкского языка», которая подготовлена коллективом языковедов Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, Даггосуниверситета и Дагпединститута. В этом труде дается систематическое описание грамматического строя современного кумыкского языка.

Готовятся к выпуску большой однотомный «Русско-кумыкский словарь», однотомный «Толковый словарь кумыкского языка». Ведется работа над «Исторической грамматикой кумыкского языка», первая часть которой уже завершена.

Создается «Этимологический словарь кумыкского языка», работа над которым будет закончена в текущем пятилетии.

Перед кумыкскими языковедами стоят ответственные и важные задачи по дальнейшему развитию всех направлений изучения кумыкского языка на базе применения сравнительно-исторического, структурно-математического, лингвогеографического, экспериментально-фонетического и других современных научных методов исследования.

Дагестанский и северокавказский фольклорный материал отличается редким этноязыковым, стадияльным, локальным многообразием, что позволяет сделать важные теоретические выводы о национальном своеобразии, типологической, генетической и контактной общности или близости устно-поэтического творчества. Здесь, в частности, ждут своей разработки проблемы региональной и зональной общности тюркоязычного фольклора, его исторической эволюции, а также особенностей тюрко-кавказских взаимосвязей. Основой научного осмысления этих сложных вопросов могла бы стать академическая серия «Памятники фольклора народов Северного Кавказа». Возможно, этому изданию должны предшествовать серии более специального характера, типа 15-томного издания «Памятники фольклора народов Дагестана», к подготовке которого приступил Институт истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР. В издательстве «Наука» выходят «Очерки традиционного фольклора народов Дагестана» (35 а. л.).

Ждет своего разрешения проблема этногенеза кумыкского народа. Подлинно научное разрешение этой проблемы возможно лишь при комплексном проведении археологических, антропологических, языковедческих, этнографических, фольклористических и других исследований.

Больше внимания необходимо, на наш взгляд, уделять подготовке специалистов высокой квалификации по средневековой истории, языку и литературе кумыков, по кумыкскому фольклору. Наряду с изучением классического литературного наследия, необходимо глубже исследовать и современный литературный процесс в Дагестане, роль и место в нем кумыкской литературы. Малоизученным остается творчество народных поэтов Дагестана А. Магомедова, К. Али, А. Аджиева, А. Аджаматова, А.-В. Сулейманова. Дагестанская литературная критика в духе решений XXVII съезда КПСС должна активнее вторгаться в жизнь, принципиально оценивать достижения и недостатки литературы.

¹ Б. Чобан-заде. Заметки о языке и словесности кумыков. Баку, 1926; его же. Предварительное сообщение о кумыкском наречии. Баку, 1926.

- ² Н. К. Дмитриев. Материалы по истории кумыкского языка. — «Языки Северного Кавказа и Дагестана», т. II, М.—Л., 1949.
- ³ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. — «Языки народов СССР», т. II, М., 1966.
- ⁴ Н. З. Гаджиева. Кумыкский язык. — «Младописьменные языки народов СССР», М.—Л., 1959.
- ⁵ А. Г. Магомедов. Кумыкский язык. — «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966.
- ⁶ А. А. Моллаев. Фонетика кумыкского литературного языка. Автореф. канд. дисс., Махачкала, 1960.
- ⁷ Ф. Б. Астемирова. Фонетическое освоение заимствований в кумыкском языке. — «Советская тюркология», 1974, № 2.
- ⁸ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940.
- ⁹ А. Г. Магомедов. Собственно-послелого и послелого — изолированные формы знаменательных слов в кумыкском языке. Махачкала, 1963.
- ¹⁰ Н. Э. Гаджихамедов. Система времен кумыкского индикатива. Автореф. канд. дисс. Баку, 1981; В. Н. Джанаева. Залоги в кумыкском языке. Автореф. канд. дисс., Баку, 1970.
- ¹¹ Дж. М. Хангишиев. Причастие в кумыкском языке. Автореф. канд. дисс., Баку, 1966.
- ¹² Ю. Д. Джанмавов. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967.
- ¹³ А. А. Сатыбалов. Очерки по лексике и семантике кумыкского языка. Кандидатская диссертация. (Рукопись). Л., 1946.
- ¹⁴ К. С. Кадыраджиев. Исконная лексика кумыкского языка (с точки зрения ее происхождения). Автореф. канд. дисс., М., 1981.
- ¹⁵ К. С. Кадыраджиев. Структура и генезис кумыкских мифологических элементов палеотюркского происхождения. — В кн.: «Мифология народов Дагестана», Махачкала, 1984; Н. Э. Гаджихамедов. Морфологические признаки терминов родства в кумыкском языке. — В кн.: «Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства», Махачкала, 1985; К. С. Кадыраджиев. Общие соматические термины в кумыкском и северокавказских языках. — В кн.: «Тюрко-дагестанские языковые взаимоотношения», Махачкала, 1985.
- ¹⁶ З. З. Бамматов, А. Г. Магьаммадов. Къумукъ тилин орфография сёзлюгю. Магъачкъала, 1966; К. Х. Даибова. Кумыкско-русский и русско-кумыкский фразеологический словарь. Махачкала, 1981.
- ¹⁷ И. А. Керимов. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.
- ¹⁸ Н. Х. Ольмесов. Брагунский говор в его отношении к другим говорам кумыкского языка. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1981.
- ¹⁹ А. А. Сатыбалов. К вопросу о личной ономастике у кумыков. — «Советское языкознание», т. 2, Л., 1938; Т. Г. Таймасханова. Кумыкские личные имена от терминов родства. — В кн.: «Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства»; К. С. Кадыраджиев. К этимологии ряда кумыкских топонимов. — В кн.: «Ономастика Кавказа», Орджоникидзе, 1980.
- ²⁰ Г. М.-Р. Ораззаев. Из истории даргинско-тюркских контактов. — В кн.: «Тюрко-дагестанские языковые взаимоотношения», Махачкала, 1985.
- ²¹ К. С. Кадыраджиев. К этимологии некоторых русизмов в кумыкском языке. — В кн.: «Русский язык и его влияние на развитие дагестанских языков», Махачкала, 1984.
- ²² Л. С. Левитская. Кумыкские этимологии. — В кн.: «Тюркологические исследования», М., 1976; *ее же*. К истории кумыкской лексики. — «Советская тюркология», 1973, № 3.
- ²³ К. С. Кадыраджиев. Булгарский субстрат как один из различительных признаков кумыкского языка. — В кн.: «Лингвистическая география и проблемы истории языка», Нальчик, 1984; *ее же*. О происхождении некоторых фитонимов в дагестанских языках. — В кн.: «Тюрко-дагестанские языковые взаимоотношения», Махачкала, 1985.
- ²⁴ К. С. Кадыраджиев. Палеотюркские термины родства и свойства в кумыкском языке. — В кн.: «Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства»; *ее же*. Палеотюркский компонент кумыкского языка. — В кн.: «Вопросы советской тюркологии», Ашхабад, 1985.
- ²⁵ К. С. Кадыраджиев. Генезис показателей множественного числа в тюркских языках. — В кн.: «Категория числа в дагестанских языках», Махачкала, 1985; *ее же*. Определительное местоимение со значением «сам» в тюркских языках. — В кн.: «Местоимение в языках Дагестана», Махачкала, 1983; *ее же*. К вопросу о склонении в кумыкском языке. — В кн.: «Именное склонение в дагестанских языках», Махачкала, 1979; *ее же*. Причастие *-ar/-er* в кумыкском языке. — В кн.: «Глагол в языках Дагестана», Махачкала, 1980.
- ²⁶ См.: А. Абдурахманов. Айтывланы ва аталар сёзлерини гъакъында. — В альм. «Дружба», 1982, № 2, стр. 104.

²⁷ Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, ф. 9, оп. 1, д. 132.

²⁸ «Алгъа, ёлдаш, алгъа!», Махачкала, 1944; А. Акавов. Ёмакълар, йырлар, хабарлар. Махачкала, 1944.

²⁹ «Къумукъланы йыр хазнасы». Антология. Сост. А. Аджаматов и Ш. Альбериев. Махачкала, 1959; «Ёмакълар». Сост. С. Ш. Гаджиева и Г. Б. Мусаханова. Махачкала, 1959; «Поэзия народов Дагестана». Сост. А. Аджаматов и др. М., 1960; «Песни безымянных певцов». Сост. А. Аджиев и Р. Гамзатов, т. I. М., 1960; «Сказки народов Дагестана». Сост. Х. Халилов. М., 1965 и др.

³⁰ К. Султанов. Къумукъланы адабияты. Махачкала, 1964.

³¹ «Къумукъ халкъ ёмакълары». Сост. А. Магомедов. Махачкала, 1967; «Къумукъ халкъ ёмакълары». Сост. А. Аджиев. Махачкала, 1977; «Айтывларва сыналгъан сёзлер». Сост. Б. Мамаев. Махачкала, 1971; «Жавгъарлы хабарлар». Сост. Ю. Керимов. Махачкала, 1974; «Къумукъ халкъ чечеген ёмакълары». Сост. У. Бийболатова. Махачкала, 1982 и др.

³² У. Б. Далгат. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана. — В кн.: «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957; *его же*. Кавказские богатырские сказания древних циклов и эпос о нартах. — В кн.: «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа», М., 1969.

³³ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 312—313.

³⁴ А. М. Аджиев. Дальние дороги песни. Заметки о кумыкском героическом эпосе. Махачкала, 1977; *его же*. Нартский прозаический фольклор кумыков и его место в кавказской нартаде. — В кн.: «Дагестанская народная проза», Махачкала, 1982.

³⁵ К. С. Кадыраджиев. К вопросу о кумыкско-осетинских связях в фольклоре. — В кн.: «Дагестанский фольклор во взаимосвязях с иноэтническим фольклором», Махачкала, 1985, стр. 34—46.

³⁶ А. М. Аджиев. Героико-исторические песни кумыков. Махачкала, 1971; *его же*. Многообразие и единство в фольклоре народов Северного Кавказа. Вместо введения. — В кн.: «Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа», Махачкала, 1985.

³⁷ С. Ш. Гаджиева, А. М. Аджиев. Похоронный обряд и причитания кумыков. — В кн.: «Семейный быт народов Дагестана», Махачкала, 1980; А. М. Аджиев. Дальние дороги песни; *его же*. Кумыкская народная поэзия: вопросы типологии и связей в историческом освещении. Махачкала, 1983; К. С. Кадыраджиев. Структура и генезис кумыкских мифологических элементов палеотюркского происхождения.

³⁸ А. М. Аджиев. Дальние дороги песни; *его же*. Кумыкский йыр о Джавате и сказание о Дели Домруле из «Китаби дедем Коркуд». — «Советская тюркология», 1975, № 6; *его же*. «Алпамыш и Барсын-Хылу» и кумыкский эпос. — В кн.: «Проблемы взаимосвязи фольклора, литературы и литературных языков народов Приуралья и Поволжья». Тезисы докладов. Уфа, 1978; *его же*. «Джангар» и кумыкский эпос. — В кн.: «Всесоюзная научная конференция: „Джангар“ и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов», Элиста, 1978; *его же*. О поздней трансформации эпического мотива мироздания. — В кн.: «Эпическая поэзия народов Сибири и Дальнего Востока». Материалы Всесоюзной конференции. Якутск, 1978; *его же*. Восточные дастаны в кумыкском фольклоре и литературе. — В кн.: «Фольклор, литература и история Востока». Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 1984; *его же*. Кумыкская версия эпоса о Кёр-оглу и некоторые закономерности трансформации заимствованного сюжета. — В кн.: «Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений». Ашхабад, 1985; *его же*. Из истории азербайджанско-кумыкских фольклорных взаимосвязей. — В кн.: «Дагестанский фольклор во взаимосвязях...».

³⁹ См., например, обобщающую работу: Г. Г. Гамзатов. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978; *его же*. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта. М., 1982; *его же*. Преодоление. Становление. Обновление. На путях формирования дагестанской советской литературы. Махачкала, 1986.

⁴⁰ И. Х. Асеков. Культурное наследие и советская поэзия кумыков. Махачкала, 1972.

⁴¹ К. И. Абуков. У костра, зажженного М. Горьким. Махачкала, 1972; *его же*. Выход на магистраль. Махачкала, 1976; *его же*. На посту. Махачкала, 1978; *его же*. Ступени роста. М., 1982.

⁴² С. Алиев. Формирование социалистического реализма в литературах народов Дагестана. Махачкала, 1977; *его же*. Дорога в современность. Махачкала, 1977; *его же*. Зарождение и развитие кумыкской литературы. Махачкала, 1979; *его же*. Жизненный и творческий путь Йырчи Казака. Махачкала, 1980; «Революциядан алдагъы къумукъ адабияты». Сост. С. Алиев, М.-Г. Акаев. Махачкала, 1980.

⁴³ А.-К. Ю. Абдуллатипов. Эволюция творческого метода в кумыкской литературе. Махачкала, 1979; *его же*. Формирование исторических форм реализма в кумыкской литературе второй половины XIX в. Махачкала, 1981; *его же*. Формирование метода социалистического реализма в кумыкской литературе. Махачкала, 1982; *его же*. Литература правды жизни. Махачкала, 1984.

⁴⁴ З. Н. Акавов. Гражданские мотивы в кумыкской литературе начала XIX века. Махачкала, 1975; *его же*. Нравственные истоки. Махачкала, 1978.

⁴⁵ С.-М. Х. Акбиев. Зарождение и развитие кумыкской старописьменной художественной книги. Автореф. канд. дисс., Махачкала, 1973; *его же*. Къольгъазыв китапдау басмагъа ерли. Махачкала, 1982.

⁴⁶ С.-М. Х. Акбиев. Связь времен и дружба литератур. Махачкала, 1985.

⁴⁷ Г. М.-Р. Оразаев, Я. З. Ахмадов. К истории политических связей чеченского феодального владения с Россией в XVII—XVIII вв. — В кн.: «Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии», Грозный, 1983; Г. М.-Р. Оразаев. Тюркоязычные документы из архива Кизлярского коменданта—источник по социально-экономической истории народов Северного Кавказа. — В кн.: «Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока», М., 1984; *его же*. Архитектоника тюркоязычных писем XVIII века, адресованных Кизлярскому коменданту. К истории тюркоязычной письменной традиции на Северном Кавказе. — В кн.: «Тюрко-дагестанские языковые взаимоотношения», Махачкала, 1985.

РЕЦЕНЗИИ

«СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ. ФОНЕТИКА»

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Э. Р. ТЕНИШЕВ. ИЗД-ВО «НАУКА»,
МОСКВА, 1984, 288 стр.

В распоряжении тюркологов ныне имеется ряд обобщающих исследований по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков, основу которой заложил В. В. Радлов. Эти исследования получили дальнейшее развитие в трудах советских и зарубежных ученых (Н. М. Поппе, А. М. Щербака, М. Рясанена, К. Грёнбека и др.).

Рецензируемая работа представляет собой первую книгу четырехтомной серии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», подготовляемой коллективом сотрудников сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР. Рецензируемую работу можно охарактеризовать как обобщение целостного фонетического этапа в изучении звукового строя тюркских языков, вслед за которым должно последовать сравнительное изучение синхронических и диахронических фонологических систем тюркских языков.

Рецензируемая книга состоит из Введения (Э. Р. Тенишев) и четырех разделов: I. Вокализм (Л. С. Левитская, Л. А. Покровская, А. А. Юлдашев). II. Консонантизм (Н. З. Гаджиева, Э. Р. Тенишев, К. М. Мусаев, Н. А. Баскаков). III. Ударение (В. Д. Аракин). IV. Фономорфология (Н. А. Баскаков, А. А. Ковшова).

Во вводной части подробно анализируется в хронологической последовательности история изучения тюркской сравнительно-исторической фонетики, определяются ее цели и аспекты, характеризуются основные методики сравнительно-исторического изучения тюркской фонетики, используемые в данном исследовании. Отмечается, что изучение звукового строя тюркских языков требует обращения как к уровню фонетики, так и к уровню фонологии, хотя проведение фонологического анализа в диахронии затрудняется из-за слабой изученности тюркских языков в этом аспекте (с. 7). Несмотря на это, авторы стремились применить положения фонологических интерпретаций к описанию звукового строя тюркских языков, прежде всего к исследо-

ванию фонологической эволюции гласных и согласных. В зависимости от цели работы и характера материала в процессе исследования авторы пользовались сравнительно-исторической и ареальной методиками, а также методиками типовых модификаций (френквенталий), языковых универсалий и типологии языков. Особенно ценным следует признать проведение типологических параллелей, основанных не только на материале тюркских языков, но и ряда индоевропейских (германских, романских, славянских, индоиранских), семитских, тунгусо-маньчжурских, монгольских и других отдаленно родственных или иносистемных языков. Так, например, при рассмотрении одного из дискуссионных в тюркологической литературе вопросов о раннепратюркском состоянии согласных в анлауте авторы, ссылаясь на высказанную В. М. Жирмунским идею, пишут: «Перебой согласных, известный на материале языков других типологических систем (ср. германские языки), объясняется при допущении сильного экспираторного удара на первом слоге, которое не способствовало работе голосовых связок и исключало возможность образования звонких» (с. 174). При этом проводятся параллели не только между тюркскими и германскими языками, но и между тюркскими и прибалтийскими, финно-угорскими и другими языками.

Звуковой строй тюркских языков освещается в работе на обширном материале исторических памятников, современных литературных языков и диалектов. При рассмотрении почти всех проблем авторы исходят из данных современного состояния структуры тюркских языков, что способствует реконструкции пратюркского вокализма и консонантизма, выявлению особенностей структуры слога и ударения в периоды, не зафиксированные в письменных памятниках. Такой подход к освещению исторического развития языков отдельных групп или семей часто наблюдается во многих работах, как советских, так и зарубежных, и особенно оправдан в исследованиях по

сравнительной фонетике германских и славянских языков.

Рассматривая вопросы реконструкции пратюркского вокализма, авторы особо останавливаются на закрытом *e* в системе общетюркского вокализма. Сопоставляя большой материал по тюркским языкам, авторы приходят к выводу «о существовании в пратюркском краткого *ä* и долгого *e*», а также о комбинаторном варьировании *ä* (*e*, *e*) в разных фонетических окружениях» (с. 23).

В целях изучения генезиса «первичных» долгих гласных авторы приводят характеристики отдельных вокалических систем. Здесь в широкий обиход впервые вводятся данные малоисследованных тюркских диалектов Ирана и Афганистана (по работам В. Минорского, М. Кастрена, Г. Дёрфера, А. М. Щербака). Подробно анализируется широко распространенная в тюркологии точка зрения, отрицающая наличие в пратюркском языке первичных долгих гласных и сводящая «первичные» долгие к исконно «вторичным» долгим, предшествующим лишь хронологически исторически зафиксированным вторичным долгим гласным (с. 44). Автор данного раздела (Л. Левитская) допускает возможность образования первичных долгих гласных от исконно вторичных, но относит это к весьма древним временам. В пратюркском языке, на стадии позднего пратюркского, автор выделяет восемь долгих гласных (с. 48), которые уже тогда имели тенденцию к слиянию с краткими. Высказывается предположение, что «к формированию позднепратюркской системы долгот, по-видимому, привел ряд факторов: 1) утрата фарингальных и ларингальных; 2) изменение слоговой структуры корней, что сопровождалось перестройкой акцентной структуры (в том числе развитием сингармонизма), синтагматическими изменениями, перешедшими и в парадигматику согласных и гласных» (с. 48). К таким изменениям относится утрата ряда противопоставлений в ауслауте, передача ряда консонантных признаков предшествующих гласных, редукция кратких гласных в ауслауте и др. В пользу данной гипотезы свидетельствует наличие аналогичных явлений в германских, особенно в скандинавских языках. Замещение оппозиции «долгий ~ краткий» новой оппозицией «чистый ~ фарингализованный», а оппозиции «звонкий ~ глухой» — «слабый ~ сильный придыханием» в различных тюркских языках находят подтверждение в фактах скандинавских и енисейских языков (последние приведены также и в рецензируемой работе).

Во многих местах исследования авторы ссылаются на теорию ностратических языков В. М. Иллича-Свитыча, которая способствует установлению диахронических типологических параллелей в различных языках, а также хотя бы косвенному подтверждению фактов древнетюркских языков и их филологической интерпретации.

Реконструкция пратюркского вокализма и репрезентация пратюркских особенностей в современных языках и диалектах выполнены с учетом различных фонетических явлений, таких, как лабиализация, делабиализация, назализация, дифтонгизация, умлаут, а также комбинаторных явлений (протеза, эпентеза, эпитеза).

Специфика структуры тюркского слова требует разграничения гласных первого и непервого слогов, начальных и неначальных позиций в слове.

Большой интерес представляют сравнительная синхроническая и диахроническая характеристики башкирского и татарского вокализмов, инвентарь фонем (девять гласных фонем), основные различительные признаки которых не имеют значительных расхождений (с. 108). Здесь же рассматривается эволюция каждого отдельного гласного; авторы особо останавливаются на древней межтюркской тенденции сужения средних (*o*, *ö*), расширения узких (*u*, *ü*) гласных в заимствованных словах.

В книге отмечается, что на ранней стадии праязыка из согласных употреблялись глухие смычные, щелевые, аффрикаты, среднеязычный *j* и некоторые сонанты (в анлауте только *m* и *n*) (с. 170). Подробно анализируются три гипотезы о начале слова в пратюркском (с. 171—176). Предпочтение отдается гипотезе о первоначальном наличии в анлауте слова только глухих согласных, как смычных, так и спирантов. Что же касается озвончения первоначальной глухости, то оно неравномерно распространялось на все согласные, среди которых по частоте употребления в памятниках старобухарской письменности, как отмечает А. М. Щербак, особенно выделяется звонкий *b*, встречающийся в *ан-*, *ин-* и *ауслауте*. Тенденции озвончения глухих согласных в анлауте значительно способствовало перемещение ударения. Причем здесь наблюдается общefonетическая закономерность, согласно которой глухое начало слова содержит целый ряд лингвистических неудобств и ограничивает дистинктивные возможности языка. Как показали результаты экспериментальных исследований, основное количество информации падает на начало слова, поэтому начальные звуки слова должны быть более слышимыми. Следовательно, язык стремится к образованию звонкого анлаута, что произошло также и в тюркских языках. Однако после распада тюркского праязыка наряду с озвончением происходили процессы вторичного оглушения.

В исследовании особо рассматривается репрезентация каждого пратюркского согласного в современных тюркских языках и диалектах, исторических письменных источниках — в начале, середине, конце слова, комбинаторные изменения согласных; приводится большой материал по звуковым соответствиям и звукопереходам. Своей значительной вариативностью осо-

бенно отличаются согласные *q, γ, r, j* и некоторые другие. В работе приведены и обобщены многочисленные случаи перехода, соответствия и чередования различных согласных в тюркских словах. При рассмотрении каждого явления авторы учитывают различные мнения, высказывавшиеся в научной литературе, и излагают свою точку зрения, подтверждая ее многочисленными примерами. Достаточно полная разработанность фонетики и фонологии индоевропейских языков позволила авторам при анализе тюркского материала часто ссылаться на их данные. Так, например, этапы перехода $z > r$ или $r > z$ в тюркских языках могут быть уподоблены явлению ротацизма, имевшему место в латинском, германских и других языках (с. 378). И это не единственный случай обращения тюркологов к интерпретациям индоевропейцев: в работе имеется ряд ссылок на труды В. М. Жирмунского, В. К. Журавлева, Э. А. Макаева, А. Мейе, Б. А. Серебренникова и других, чьи идеи и разработки нашли подтверждение и в тюркском языковом материале.

Проблема ударения в тюркских языках привлекала внимание многих советских и зарубежных ученых. В книге дается краткий обзор литературы, посвященной ударению в тюркских языках. Автор этого раздела В. Д. Аракин справедливо отмечает, что ударение во всех современных тюркских языках по своей природе является слоговым или экспираторным. Лишь в отдельных тюркских языках (якутском, киргизском и туркменском) наряду с слоговым существует и тоническое ударение. В якутском и туркменском языках имеется также и количественное ударение (с. 410). Заключение относительно функционирования тонического и количественного ударений в указанных языках сделано, по-видимому, по аналогии с датским и норвежским языками, в которых одновременно существуют слоговое и тоническое ударения, а также с сербским, которому свойственно количественное ударение. В целом можно согласиться с выводом автора о месте и степени ударения в тюркских языках. Опираясь на теорию моносиллабизма в тюркском языке, автор убедительно доказывает возникновение слоговых акцентов, следы которых наблюдаются даже в отдельных современных тюркских языках. Что касается сдвига слогового ударения, то он связывается автором с периодом формирования агглютинативного строя общетюркского языка, то есть с возникновением словоизменительной аффиксации (с. 421). Другие положения и степени ударения, по мнению В. Д. Аракина, возникли в позднеобщетюркский период.

Известно, что как синхроническая, так и диахроническая фonomорфология тюркских языков остается пока еще неисследован-

ной. Поэтому в книге подробно рассматриваются структура слова и слога, сингармонизм тюркского слова, звуковой состав корня и словоформ. В книге убедительно показывается, что структура тюркского корня характеризуется преимущественно односложностью и трехзвучием (тип СГС), хотя история тюркских языков вполне допускает наличие в тюркском языке корней типа Г, СГ, ГС, ГСС, СГСС (с. 422). В работе устанавливаются шесть основных типов слога (Г, ГС, СГ, СГС, ГСС, СГСС), дается характеристика начальных, промежуточных и конечных согласных каждого типа, определяется их частотность в начале, середине и конце слова.

Структура тюркского слова отличается сингармонизмом, который рассматривается как в фонематическом, так и просодическом плане. Авторы придерживаются точки зрения В. А. Виноградова, согласно которой в тюркских языках имеется несколько акцентных средств, одни из которых являются основными, другие — дополнительными или вспомогательными. Для тюркских языков «основным акцентным средством, характеризующим слово, является сингармонизм, а ударение — дополнительное акцентное средство» (с. 439). Такое заключение А. А. Ковшовой позволяет отдельно рассматривать сингармонизм корня, основы и словоформы. В результате фонетического анализа устанавливается, что сингармонистическая модель палатальности и губности прослеживается в корневых словах, в производных основах и в словоформах (с. 444). Анализу подвергаются явления умлаута, а также нарушения и утраты сингармонизма в некоторых тюркских языках.

Как видно из данного краткого обзора, рецензируемая монография является капитальным обобщающим трудом по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков, написанным на основании достоверных фактов и источников с учетом последних достижений в изучении физиологической стороны звукового строя языка. Создание такой обобщающей актуальной работы по тюркской фонетике — большая заслуга коллектива сотрудников сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР, взявшего на себя такой большой труд и с честью его выполнившего.

В заключение хочется пожелать успеха в благополучном завершении остальных томов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», которые, в отличие от предыдущего четырехтомного издания («Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», части I—IV), подготавливаются как целостные монографические исследования.

А. А. Абдуазизов, Х. Г. Нигматов

М. З. ЗӘКИЕВ. ХӘЗЕРГЕ ТАТАР ӘДӘБИ ТЕЛЕ СИНТАКСИСЫ ҺӘМ ПУНКТУАЦИЯСЕ

КАЗАН, 1984, 258 стр.

Рецензируемая работа М. З. Закиева «Синтаксис и пунктуация современного татарского литературного языка» содержит научный анализ всех аспектов синтаксиса татарского языка.

Книга начинается с «Введения», где автор кратко характеризует объект и предмет изучения синтаксиса, специально останавливаясь на отдельных синтаксических единицах, выделяя среди них главную — предложение. Основными признаками последнего автор считает предикативность и модальность; им описывается шесть важнейших принципов классификации предложения.

Далее М. З. Закиев подробно рассматривает синтаксическую связь между словами, при этом главенствующая роль им отводится подчинительной связи, ибо «сочинительная связь существует в речи постольку, поскольку имеется или, в крайнем случае, подразумевается в ней подчинительная связь, то есть она полностью зависит от последней и является лишь формой ее проявления» (с. 14). Многообразные отношения между словами, образующими подчинительную связь, группируются вокруг трех основных отношений: предикативных, конкретизирующих и уточнительных. В осуществлении последних участвуют также другие многочисленные средства связи. М. З. Закиев пишет о необходимости дифференцированного подхода к способам связи: без конкретного разграничения их, без тщательного исследования характера, природы средств связи невозможно иметь точное представление о различных единицах на синтаксическом уровне. Четкое разграничение словозменительных и словообразовательных аффиксов, отнесение послелогов и послеложных слов к средствам связи, находящимся в составе зависимого слова; выявление специфики относительных и союзных слов; детальное описание и других средств связи между словами, а также предложениями — все это говорит о своеобразном подходе автора ко второму существенному моменту: построению моделей словосочетания, предложения и синтаксического целого (текста). В вузовских учебниках и методических пособиях по татарскому языку в разряд союзов ошибочно включаются слова типа: *шуна курә, шунлыктан, шунны өчен, анын каравы* и т. д. М. З. Закиев отмечает, что такие слова полностью отвечают требованиям, предъявляемым к относительным словам: 1) они, находясь в составе главной части, целиком заменяют зависимый компонент. Союзы же не могут заменять собой ни предшествующее, ни последующее предложение. И место союза — всегда на стороне зависи-

мой части сложной конструкции. Союзы не образуют указательного поля, подобно относительным словам главной части; 2) относительные слова, осуществляя связь между компонентами сложного предложения, выступают и в качестве членов предложения, а союз не обладает подобным качеством: он не может быть полноправным членом предложения. Кроме того, находясь в главной части сложного предложения относительные слова играют решающую роль при определении функции придаточной части. Какова функция этого относительного слова — такова и синтаксическая функция придаточной части. Автор, сопоставляя эти особенности каждой группы средств связи и рассматривая их в системе, указывает принципы определения принадлежности каждого отдельно взятого средства связи в тюркских языках.

На базе конкретизирующих отношений и синтаксических средств связи описываются основные виды словосочетаний, дается их структурно-семантическая классификация, раскрываются цели и задачи изучения этой синтаксической единицы.

Переходя к изложению грамматического, синтагматического и актуального членения предложений, автор справедливо, на наш взгляд, замечает, что самым неопределенным в грамматическом членении до сих пор является отсутствие лингвистической основы разграничения дополнения и некоторых видов обстоятельств, например обстоятельства места. В свое время Дж. Валиди и Г. Алпаров отказались от такого априорного деления, выделив лишь понятие дополнения: дополнение места, времени, причины и т. д.

Благодаря изысканиям М. З. Закиева и его последователей Ф. С. Сафиуллиной и Р. Г. Сибгатовых в татарском языкознании глубоко изучены вопросы актуального членения предикативных единиц. В разделе книги, посвященном этой проблеме, дано определение функциональной и семантической позиции каждого члена предложения, исходя из коммуникативного назначения его в речи. Выводы, сделанные в этой главе, имеют теоретическое и практическое значение и для разработки вопросов стилистики, культуры татарской речи (в частности, сценической, экранной и т. д.).

В разделе «Синтаксис сложного предложения» М. З. Закиев предлагает ввести трехчленную парадигму сложного предложения: сложносочиненное предложение (паратаксис), сложноподчиненное предложение (гипотаксис), сложнопаянное предложение (гипертаксис). Автор отмечает, что в тюркском синтаксисе можно считать уже доказанным наличие системы не только

сложноспаянных (по существующей терминологии: сложноподчиненных синтетического типа), но и сложноподчиненных предложений (традиционно: сложноподчиненных предложений аналитического типа), по всем основным параметрам напоминающих индоевропейские сложноподчиненные предложения (с. 166). Такое деление сложных предложений отвечает структурно-грамматическим особенностям тюркской речи, способствует более полному выявлению специфических и общих черт синтаксического строя изучаемого языка в сравнении с другими языками. Автор убедительно доказывает, что в татарском (как и в остальных тюркских языках) существует разветвленная логически стройная система сложных предложений с местоименно-относительной (анафорической) связью. Для тюркских языков характерно, что относительные слова в главной части сложного предложения часто не требуют (в отличие от индоевропейских языков) употребления в придаточной части союза или союзного слова: *Күзгә төртсәң күренми, шулай караңы* 'Так темно, что не видно ни зги'; *Быел безнең колхоз бик күп ickмәк тапшырды, менә шул турыда сөйләргә ярыйдыр бит* 'Можно же говорить о том, что наш колхоз в этом году сдал очень много хлеба'; *Мин шуны гына беләм: ел елга охшамый* (Г. Тукай) 'Я знаю только то, что один год на другой не приходится'.

Автор разработал систему синонимичного употребления сложноподчиненных предложений. Для образования сложноспаянного синонима, необходимо вместо указательно-местоименного слова в главном предложении поставить предложение (опустив вопросительно-местоименное слово, если оно имеется), и сказуемому этого предложения придать форму указательно-местоименного слова: *Кыш ыртә килде, шул сәбәпле мал азыгы житмәде* — *Кыш ыртә килү сәбәпле, мал азыгы житмәде* 'По причине того, что зима пришла очень рано, не хватило кормов для скота'; *Жил кайдан исә, болыт та шуннан килә* — *Болыт та жил искән яктан килә* 'Откуда дует ветер, оттуда и тучи идут'.

В книге рассматриваются такие сложные проблемы, как функционально-семантическая классификация сложноподчиненных предложений. Автор при этом исходит не только из системы членов простого предложения, но и учитывает функционально-

семантические и структурные особенности сложных конструкций. Таким образом, среди зависимых предложений обнаруживаются уточнительные и вставные предложения. Однако М. З. Закиев в этот ряд не включает сравнительные придаточные предложения, хотя во многих учебных пособиях и грамматиках для вузов при классификации придаточных предложений они выделяются. В индоевропейских языках грамматическим показателем таких придаточных предложений считаются сравнительные союзы. В системе урало-алтайских языков средством связи этих предложений являются не только сравнительные союзы, но и послелоги и послеложные слова, а также некоторые аффиксы.

Несмотря на это, в перечне функционально-семантических типов придаточных предложений отсутствуют сравнительные конструкции. Это объясняется тем, что, во-первых, среди придаточных предложений с сравнительными союзами по их синтаксической функции различаются несколько типов придаточных предложений, а именно — придаточные образа действия, меры и степени, определительные, сказуемые. Таким образом, стремление объединить сравнительные придаточные предложения в одну самостоятельную группу не может быть основано на одном и том же функционально-семантическом принципе. Во-вторых, о неправомерности объединения всех сравнительных конструкций в одну группу по такому принципу говорит и тот факт, что выражение значения, сравнения присуще не только подчинительной связи слов и предложений, но и сочинительной.

В разделе «Синтаксис текста» уделено большое внимание такой связи между предложениями, которая не ограничивается рамками сложного предложения, что имеет большое значение для изучения проблем функционирования языковых средств в процессе общения.

Последние две главы в книге М. З. Закиева посвящены системному анализу принципов пунктуации и изложению краткой истории разработки синтаксического строя татарского литературного языка.

Обстоятельное и конкретное научное освещение многих проблем синтаксиса татарского языка делает рецензируемую книгу М. З. Закиева весьма ценной, и она, несомненно, вносит существенную лепту в изучение грамматики тюркских языков.

С. М. Ибрагимов

Г. КАЙДАРОВ, М. ОРАЗОВ. ТҮРКОЛОГИЯКА КІРІСПЕ.

«МЕКТЕП» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1985, 165 стр.

С 1970 года в соответствующих вузах страны читается специальный предмет «Введение в тюркологию», целью которого является ознакомление студентов с историей развития тюркских языков и их современным состоянием. До недавнего времени единственным учебником по тюркологии была монография Н. А. Баскакова «Введение в изучение тюркских языков» (М., 1962, 1969). В последующие годы над подобными учебниками стали работать и ученые тюркоязычных республик. Именно к таким учебникам и относится рецензируемая книга А. Кайдарова и М. Оразова «Введение в тюркологию», включающая «Введение» и пять глав. Во введении говорится о задачах предмета и дается его общая характеристика. Тюркология рассматривается авторами как составная часть востоковедения.

В первой главе характеризуются отдельные этапы развития тюркологии. Авторы утверждают, что хотя первые сведения о тюркских народах относятся к началу нашей эры, однако наиболее достоверные сведения о тюркских племенах относятся к XI веку и связаны с именем Махмуда Кашгари и его знаменитым «Диваном». Авторы учебника при этом указывают и на то, что сведения о тюркских племенах были обнаружены и в китайских источниках времени правления императора У Ди (139 год до нашей эры).

В IV веке в Европе появляются гунны, расселившиеся в низовьях Волги и Дона. В состав гуннской коалиции наряду с тюркскими входили и финно-угорские племена. Со временем определенная часть гуннской коалиции смешалась с местным населением и перешла к оседлому образу жизни. Авторы указывают на политические и культурно-экономические связи печенего-половецких племен со славянскими народами. В походе на Византию в 944 году вместе со славянами выступили и тюрки. Нередко заключались браки между русскими князьями и знатными половчанками. «Часто из политических соображений, в целях установления более тесных дружеских отношений между народами, государства скрепляли свою дружбу взаимными браками»¹. Исторические связи славянских и тюркских народов оставили след в их языках. В «Повести временных лет», «Ипатьевских летописях», «Слове о полку Игореве» встречается много тюркских слов; в свою очередь, ранние славянские заимствования имеются и в тюркских языках.

В XV веке в России появляются первые словари, включающие тюркские слова.

Дальнейшее развитие востоковедения в России связано с правлением Петра I. В учебнике дается обзор не только петровских реформ, но и экспедиций, организованных во время Петра I учеными-ориенталистами: И. Лежайским, С. Е. Ремезовым, А. Б. Черкесским (Даулет-Керей), Ф. И. Страленбергом, Д. Кантемиром, Г. З. Байером, Г. Я. Кером, Г. ШOVEREM, Д. Г. Мессершмидтом, Ф. Иоганном (Табберт), В. Н. Татишевым, Г. Ф. Миллером и др.

Авторы приводят перечень двуязычных и многоязычных словарей XVIII века: «Русско-татарский словарь», «Калмыцко-армянско-персидско-татарский словарь», «Российско-татарско-калмыцкий словарь» и др. Кратко характеризуется каждый из этих словарей.

В книге подробно анализируются и обобщаются труды тюркологов XIX века: Г. Ю. Клапрота, Х. Д. Френа, О. Н. Бётлингга, В. В. Вельяминова-Зернова, В. В. Радлова и др.

Весомый вклад в изучение тюркских языков внесли преподаватели российских университетов, в основном Казанского [Х. Д. Френ, И. Хальфин, М. Казем-Бек (Мирза Мухаммед Али Касымоглы), И. Н. Березин, Ф. И. Эрджман и др.] и Санкт-Петербургского (О. И. Сенковский, А. О. Мухлинский, Л. З. Будагов, Л. Э. Лазарев, Н. И. Ильминский и др.). Этими учеными был издан ряд оригинальных научно-исследовательских и учебно-методических работ, описывавших особенности строя тюркских языков: «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий», «Практическое руководство турецко-татарского, азербайджанского наречий», «Материалы к изучению киргизского языка», «Самоучитель русской грамоты для киргизов» и др.

Появляются работы, глубоко освещающие вопросы истории тюркских языков в связи с другими языками: арабским, персидским, славянским, на основе широкого применения сравнительно-исторического метода. В учебнике характеризуется большое количество трудов по истории, этнографии, классификации, грамматическому строю тюркских языков.

XX век ознаменовался трудами таких выдающихся ученых-тюркологов, как Н. Ф. Катанов, П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович, В. В. Бартольд, Ф. Е. Корш и др. Некоторые из них (В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, А. Е. Крымский, В. А. Гордлевский, С. Е. Малов и др.) продолжали научно-исследовательскую деятельность и после Октябрьской революции.

Тюркологическим исследованиям и преподаванию тюркских языков в России во второй половине XIX века посвящается отдельный раздел. Рассматривается научно-

¹ Н. А. Баскаков. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985, стр. 95.

педагогическая деятельность таких ученых, как Макарий (М. Я. Глухорев), В. И. Вербицкий, Р. Хитров, Н. И. Ашмарин, К. Г. Бессонов, А. Е. Алекторов, В. В. Катаринский и др.

Достижениям советской тюркологии посвящена специальная подглавка, в которой сообщаются сведения о ведущих ученых, заложивших основы советской тюркологии, таких, как С. Е. Малов, В. А. Богородицкий, Е. Д. Поливанов, А. П. Поцелуевский, Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков и др. Приводится перечень ведущих ученых специалистов по тюркским языкам СССР.

Вторая глава «Значение исследований тюркских языков сравнительно-историческим методом» содержит общетеоретические обобщения и характеристику отдельных методов исследования, в том числе и сравнительно-исторического метода.

Утверждение сравнительно-исторического метода в индоевропейском языкознании связано с трудами Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова и др. В использовании же этого метода в тюркологических исследованиях большую роль сыграли работы О. Н. Бётлингга и В. В. Радлова. Некоторые ученые считают, что сравнительно-исторический метод в тюркологии был впервые применен Махмудом Кашгари в его «Диване». Однако, анализируя «Диван» Махмуда Кашгари, авторы учебника приходят к верному выводу, что при объяснении языковых различий тюркских племен Махмуд Кашгар лишь пользовался сравнительным методом, но отнюдь не ставил своей целью определение исторического пути, пройденного тем или иным языковым явлением. Использование сравнительного метода отмечается не только в «Диване» Махмуда Кашгари, но и в трудах других средневековых тюркологов: Махмуда ибн Умара Замахшари, Асирудина Абу-Хайан-ал-Андалуси и др.

Сравнительно-исторический метод требует наличия определенных условий и широкой научной эрудиции ученого. Авторы устанавливают шесть следующих исходных принципов, позволяющих применить сравнительно-исторический метод: 1. Язык — социальное явление, и поэтому история языка должна изучаться в непосредственной связи с историей его носителей. 2. При использовании сравнительно-исторического метода необходимо учитывать внутренние закономерности и особенности каждого языка (например, в узбекском литературном языке отсутствует закон гармонии гласных, а в казахском языке такой закон существует; в киргизском и туркменском языках употребляются долгие гласные, а в казахском, узбекском, татарском языках подобные гласные отсутствуют и т. д.). 3. Сравнительно-исторический метод обязывает ученого соблюдать принципы хронологии, ибо в случае его нарушения результаты исследования окажутся неполными и мало достоверными. 4. При восстановлении древнего типа конкретного языкового

материала должно учитываться генетическое родство языков. Причем в первую очередь должны сопоставляться материалы близкородственных языков. Так, например, чтобы восстановить архетип категории времени казахского языка, сначала следует сравнить диалектные материалы, потом данные языков кыпчакско-ногайской группы, а затем кыпчакско-половецкого языков. Лишь после сопоставления с кыпчакскими языками к сравнительному анализу могут привлекаться материалы карлукских языков. 5. Объектом сравнительно-исторического метода является либо фонетика, либо грамматика. Этим методом нельзя исследовать весь лексический состав языка, так как лексика в определенных исторических условиях особенно подвержена изменениям. Однако такие ее пласты, как основной словарный фонд, более устойчивы и могут быть объектом изучения с использованием сравнительно-исторического метода. 6. Не каждый языковой материал может служить объектом изучения сравнительно-историческим методом. Встречаются такие языковые соответствия, которые не связаны какими-либо закономерностями. Они могут быть объектом типологического исследования. Сравнительно-историческим методом изучаются лишь материалы родственных языков. Перечисленные принципы сравнительно-исторического метода, по мнению авторов учебника, должны лечь в основу изучения фонетики, грамматики и лексики казахского языка.

В третьей главе учебника рассматриваются пути исторического развития и становления тюркских языков. Связывая историю языка с историей народа, авторы полностью разделяют точку зрения Н. А. Баскакова и выделяют шесть этапов в развитии тюркских языков: 1. Алтайская эпоха. 2. Хуннская эпоха (до V века). 3. Старотюркская эпоха (V—X века). 4. Средневековая тюркская эпоха (X—XV века). 5. Новая тюркская эпоха (XV—XX века). 6. Новейшая тюркская эпоха — период после Великой Октябрьской революции.

Версия о существовании алтайской эпохи в развитии тюркских языков разделяется не всеми учеными. Основываясь на сходстве грамматической структуры и фонетической системы урало-алтайских языков, авторы учебника считают, что эти языки претерпели длительный процесс смещения и являются родственными. Констатируются ими также факты тюрко-монгольских связей, которые аргументированы совпадением фонетических законов, лексическими параллелями в терминах родства, частей человеческого тела и названиях домашних животных, грамматическим соответствием падежных аффиксов, множественного числа и др.

Хуннская эпоха охватывает примерно три века до нашей эры и пять веков нашей эры. Как свидетельствуют источники, хунны расселились на севере Китая и вели ко-

чевой образ жизни. Навысшего расцвета они достигли во времена правления Модэ.

Хунны сравнительно быстро распались и в IV веке образовали четыре группировки. Письменные источники хуннов до нас не дошли, но по языковым особенностям они подразделялись на группу *р-л* языков и группу *з-ш* языков.

В книге приводятся краткие исторические сведения о племенах хунну, об их отношении к хазарам и булгарам, об их языке, к которому восходят кыпчакская и огузская языковые общности.

Следующей ступенью в развитии тюркских языков является старотюркская эпоха, она оставила после себя орхон-енисейские памятники. Сообщаются исторические сведения о делении тюркских племен. Приводится алфавит рунических знаков. Устанавливаются даты появления рунических надписей в других регионах.

Старотюркская эпоха тюркского языкознания связана с появлением работ Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк», Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг», половецкого памятника «Кодекс Куманикус» и др. В этот период письменность переходит на арабскую графику. Довольно подробно анализируются исторические события в жизни тюркских племен той эпохи и различные фонетические и морфологические процессы в их языках.

В средневековый период продолжается обособление тюркских племен и углубляется процесс изолированного развития тюркских языков. Авторами приводятся данные о тюркских языках западной и восточной территории страны.

Новая тюркская эпоха характеризует-

ся бурным развитием науки, изучением, в основном русскими учеными, истории, этнографии, быта, культуры тюркских народов. В этот период создаются основы формирования литературных тюркских языков.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла качественно новый этап в развитии советской тюркологии.

Достижениям советской тюркологии в пятой главе учебника посвящен краткий обзор истории изучения тюркских языков.

В главе «Классификация тюркских языков» определяются основные признаки генезиса тюркских языков. Первая их классификация принадлежала Махмуду Кашгари. В учебнике последовательно анализируются все существующие классификации: А. Ремюзы, В. В. Радлова, Ф. Е. Корша, А. Н. Самойловича, В. А. Богородицкого, С. Е. Малова, О. Н. Бётлинга, Н. А. Баскакова и др. Авторами приводятся критерии этих классификаций.

Обобщая достижения тюркского языкознания, авторы приводят краткий справочный материал об особенностях грамматического строя каждого тюркского языка.

Рецензируемая книга отвечает всем требованиям программы высшей школы по тюркскому языкознанию. Учебник построен на основе общепринятых теоретических положений, материал изложен доступно и в системной последовательности.

Выход в свет рецензируемого учебного пособия несомненно будет способствовать повышению уровня подготовки специалистов-тюркологов.

А. Ш. Шерматов, Э. С. Акмоллаев

Ф. Ю. ЮСУПОВ. НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ДИАЛЕКТАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

ИЗД-ВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. КАЗАНЬ, 1985, 317 стр.

Рецензируемая монография Ф. Ю. Юсупова посвящена системно-синхронному описанию неличных форм глагола диалектов татарского языка с применением методов лингвистической географии и ареальной лингвистики.

Большой объем материала (в работе охвачены все три диалекта татарского языка с их многочисленными говорами и подговорами) требовал использования соответствующей методики описания фактов частных систем диалектного языка. Новизна

авторского подхода к решению поставленной задачи заключается в том, что он как бы придал диалектной системе статус языка, рассматривая диалекты как составные части общей структурной системы национального языка. В монографии, впервые в тюркской диалектологии, использован метод моделирования диалектной системы. В качестве языка-эталона при этом взята языковая система диалектов (диасистема), искусственно составленная на базе элементов татарских говоров. Системно-синхрон-

ный метод, примененный в исследовании, позволил автору сжато и точно описать структуру неличных форм глагола в диалектной системе татарского языка и обобщить закономерности их функционирования. Им выявлены также соотношения между структурными элементами исследуемой категории.

При моделировании диасистемы татарского языка на уровне неличных форм автором выделяется ее ядерная часть, состоящая из элементов, представленных во всех диалектах, а также периферийная, образуемая совокупностью частных (слабых) элементов. Описывая факты современных диалектов, автор определяет степень продуктивности тех или иных форм (элементов) и возможные тенденции их развития. Приемы системно-синхронного описания и ареальной лингвистики сочетаются в работе со сравнительно-исторической интерпретацией материала. С этой целью привлечены факты из других тюркских языков и письменных памятников.

В монографии использованы материалы, собранные автором в 1972—1983 и частично в 1963—1970 годах, а также данные «Диалектологического атласа татарского языка» и «Диалектологического атласа языков Сибири», одним из составителей которых он является.

Характеристика отдельных звеньев категории неличных форм ведется методом суммарного описания, то есть в монографии не выделены отдельные диалекты и говоры, а исследуются все элементы диасистемы. Соответственно этому в работе выделены главы: «Причастие», «Деепричастие», «Инфинитив», «Имя действия».

В разделе «Причастие» детально охарактеризованы причастные формы, бытующие в различных говорах всех трех диалектов татарского языка. Их инвентарный список составляет двадцать три единицы, включающий как исконные причастные формы на *-ыр, -ган, -асы, -учы, -ачак, -дачы, -мыш, -дык* и другие, так и новые образования, возникшие в результате осложнения их дополнительными грамматическими средствами, в том числе: *-малы, -улы, -учан, -ырдай, -ырлык, -гылык, -гысыз* и др. Выделяются также элементы, составляющие ядерную часть данной грамматической категории в диасистеме татарского языка. К ним относятся причастия на *-учы (-уцы), -ыр, -ган, -мыш, -а торган (-атыган), -ырлык, -ырдай*. Многие из этих форм функционируют во всех диалектах и обладают большим семантическим потенциалом. Они определяются автором как основные наиболее типичные элементы структуры татарского диалектного языка.

Элементы диасистемы, не вошедшие в ядерную часть, составляют индивидуальное содержание различных частных систем и выступают в качестве классификационных признаков татарских диалектов. Характерно, что большинство причастных форм мишарского диалекта входит в ядер-

ную часть диасистемы. По составу структурных элементов исследуемой категории этот диалект морфологически близок татарскому литературному языку. На основе анализа частных элементов диасистемы автор приходит к выводу, что мишарский диалект в своей основе является кыпчакским и обнаруживает сходство прежде всего с такими языками кыпчакской группы, как карачаево-балкарский, башкирский, кумыкский, караимский и др.

Средний диалект характеризуется неоднородностью состава представленных форм. Кроме ядерных элементов, сближающих его с языками кыпчакской группы, в нем присутствует глубокий пласт огузских элементов, являющихся одним из классификационных признаков. Это — формы на *-асы, -ачак, -малы*. В работе предпринята попытка объяснения этого явления. На основе анализа имеющихся точек зрения по этому вопросу, в частности, гипотезы Б. А. Серебренникова о том, что огузские черты сохранились, возможно, от древнего кыпчакско-огузского состояния в развитии тюркских языков, автор монографии пишет: «По нашему мнению, огузские формы на *-асы, -малы, -ачак* в среднем диалекте и территориально близком к нему чувашском языке, по всей вероятности, были унаследованы от булгарского языка» (с. 111). Интересны в этой связи, на наш взгляд, и выводы автора об узколокальном характере распространения указанных форм — главным образом на территориях Среднего Поволжья, Нижнего Прикамья (Татарская АССР, смежные районы Чувашской, Марийской и Удмуртской АССР, Кировской области), то есть на территории бывшего Булгарского государства. В основном соглашаясь с авторским объяснением этого вопроса, нам хотелось бы возразить лишь против следующего его тезиса: «Следует отметить, что потомки представителей среднего диалекта — казанские татары по этнической принадлежности, как и мишари, сами непосредственно с огузскими племенами и народностями не соприкасались» (с. 317). В лингвистических, литературоведческих и исторических трудах последних лет, напротив, говорится, что в прошлом имели место тесные связи огузских и кыпчакских племен в регионе Поволжья¹.

Диалекты сибирских татар по характеру употребления причастий, да и остальных неличных форм, противопоставляются как мишарскому, так и среднему диалекту. Кроме ядерных элементов, сближающих их

¹ См. об этом: Л. Т. Махмутова. О некоторых этнических компонентах татарского народа по диалектным данным. — В кн.: «Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1970 г.», Казань, 1971; Ф. С. Хакимзянов. Язык памятников Волжской Булгарии (на материале эпитафий XII—XIV вв.). М., 1976, стр. 65; Н. Ш. Хисамов. Бөек эзмышлы эсәр. Казан, 1984, стр. 23—24.

с другими кыпчакскими языками, в них имеется целый комплекс различительных особенностей, сближающих их и с соседними сибирско-тюркскими языками. Классификационным признаком диалектов сибирских татар является употребление причастных форм на *-гылык*, *-гытай*, *-атыган*, *-мак*, *-макцы* и др.

При описании периферийных элементов причастных форм отдельных диалектов и говоров в монографии особое внимание уделяется определению центра их изоглоссы, ареала распространения и зоны вибрации. Центр изоглоссы причастия, например, на *-асы*, характерного для большинства говоров среднего диалекта, составляет заказанская и нагорная группы говоров, а также говор татар Нижнего Прикамья. Татарские говоры Башкирии и говоры пермских, оренбургских татар определяют зону вибрации. За пределами диалектной системы татарского языка данная изоглосса охватывает соседний чувашский язык и некоторые говоры башкирского языка. Таким образом, на территории Поволжья выделяется особая языковая зона употребления причастия на *-асы*.

Для ареальной лингвистики особый интерес представляют процессы, происходящие в маргинальных зонах, а также в зонах межъязыкового контактирования с родственными или иносистемными языками. Например, в татарских говорах, распространенных на Южном Урале и в Зауралье, функционируют причастия на *-улы*, *-акай*, *-мак* и т. д., сближающие диасистему татарского языка и казахский язык. На территории Западной Сибири локализируются формы на *-гытай*, *-гылык*, *-гысыз* и т. д., характерные также и для языков среднеазиатского региона. Диалектам сибирских татар свойственны многие изоглоссные явления, бытующие в сибирско-тюркских языках.

Особым и не менее важным аспектом исследования является детальное изучение семантического содержания причастных форм в диалектах татарского языка, при этом автор рассматривает также вопросы развития отдельных грамматических форм.

Форма на *-ган* широко функционирует во всех диалектах и говорах татарского языка. Как и в литературном языке, она полифункциональна — выступает в адъективном, глагольно-именном значениях, часто употребляется в субстантивированной форме. Характерно, что в диалектном языке возможности употребления причастия на *-ган* в глагольно-именном значении значительно шире, чем в литературном языке. Так, в заказанском и нагорном говорах среднего диалекта эта форма без аффиксов принадлежности и личных местоимений обозначает название действия и выступает в различных значениях: а) указывает на исходный момент совершения действия: *Чытқан чыга башлаганнан пешерәм чытқанлы аш*

'Как только начинает появляться крапива, я варю суп из крапивы'; б) выступает в объектном значении: *Шул хәлләргә ишеткәстен, ашаганнан, эчкәнгән калды* 'После того, как он узнал об этом, перестал есть и пить'. В татарском литературном языке форма на *-ган* в направлении падеже (*-ганга*) выражает в основном причину совершения действия и приближается к деепричастиям, а в диалектах татарского языка, как явствует из исследования, она может выступать в значениях агенса, косвенного объекта, обозначать результат действия, указывать на исходный момент и на причину действия и т. д. Особый интерес представляет употребление формы на *-ган* с аффиксом местно-временного падежа. В говорах среднего диалекта, а также в диалектах сибирских татар эта форма, в отличие от литературного языка, довольно часто употребляется с аффиксами принадлежности, указывающими на субъект действия, выраженный причастной основой (*килгәнәтә, утыргангыта, йоңлағанымда, парғаннарынга* и др.). В каринском и глазовском говорах форма на *-ган*, осложненная аффиксом местно-временного падежа, может выступать в адъективном (!) значении: *Мин белгәндә кеше түгел* 'Тот человек мне незнаком'. В этих же говорах она довольно часто выступает также в предикативной функции: *Мынсын калхузга биргәндә* 'Это отдали колхозу'; *Мында су салгандә йуңмы?* 'Сюда воды не наливали?'

Обстоятельно исследованы в работе и другие причастные формы. Степень употребительности еще одного ядерного элемента диасистемы, формы на *-ыр*, например, не везде одинакова. В мишарском диалекте эта форма менее распространена. Заметно ослабевает ее активность в говорах среднего диалекта, где она конкурирует с формами на *-асы*, *-ачак*. Широко употребительно причастие на *-ыр* в адъективном значении в говорах пермских, ичкинских, сафакульских татар, где нет форм на *-асы*, *-ачак*. Довольно активно употребляется форма на *-ыр* в субстантивированном виде и в значении имени действия в диалектах сибирских татар и в заказанских говорах среднего диалекта: *Теге эш бутар тағын монда килә* 'Тот, который мешает нам работать, опять идет сюда'; *Ятырның күзенә йасмыш керер* 'Кто спит (букв. лежит), тот не видит!'. В местно-временном падеже эта форма (*-ырда*) в тех же говорах выражает дополнительное действие, указывающее на время его совершения: *Ишемге керертә тахы салам пинсин* 'Перед въездом в Ишим запраляюсь еще раз'; *Ашылға керердә генә машинасы қырылып қалды* 'Перед самым въездом в село у него сломалась машина'.

Большой интерес, на наш взгляд, представляет описание в единой системе специфики бытования причастных форм на *-дачы*,

-дык, -галак, -гысыз, -мак (-макцы), встречающихся с различной частотой в отдельных говорах, но отсутствующих в литературном языке.

В разделе «Деепричастие» дан сравнительный анализ деепричастий по всем говорам и диалектам татарского языка. Ядерную часть диасистемы составляют формы на *-ыл, -а, -э, -й*, а также вторичные деепричастия на *-гач (-гац), -ганчы, -мас-тан, -мас*. К этой же группе примыкают отрицательные формы деепричастий на *-мый, -май, -мыйчы*. К формам, представленным лишь в отдельных говорах (периферия диасистемы), относятся деепричастия на *-ушылы, -ышлы, -ышлыын, -ышын, -ышта, -ушынча, -галы, -ганлы, -галлы, -ган-ны, -гансын, -гансынга, -дагысыннан*.

В исследовании кратко охарактеризована специфика функционирования этих форм, выделены изоглоссные явления, связанные с их употреблением.

Древняя форма деепричастия на *-ып*, например, без значительных фонетических изменений и со сходными значениями употребляется во всех говорах и диалектах татарского языка. Выявлены следующие особенности ее употребления:

а) в большинстве говоров среднего диалекта происходит спонантизация глухого *п* основы и распространено усеченное употребление деепричастий конструкции типа *алып кил — апкыл, алып кайт — апкайт*. Эта изоглосса проходит также по диалектам казахского и кумыкского языков;

б) в диалектах сибирских татар, распространенных на территории Тюменской, Омской, Новосибирской областей, встречается стяженное употребление деепричастного аффикса *-ыл* (*тыл куй* 'засунь', *төш калмасын* 'как бы не выпало' и др.). За пределами диалектов татарского языка изоглосса этого явления проходит по другим тюркским языкам Сибири и далее — по саларскому языку и диалектам туркменского языка, образуя своеобразные зоны вибрации. Как предполагает автор, центром этой изоглоссы следует считать Сибирь;

в) в заболотном говоре тоболо-иртышского диалекта отмечен вариант на *-ыф*, встречающийся также в некоторых говорах азербайджанского языка.

Ядерный элемент диасистемы — деепричастие на *-а, -э, -й* употребляется также во всех говорах как в одинарной, так и в редуцированной форме. Зону активного функционирования образуют казанская и нагорная группы говоров, параньгинский, нагайбакский, ичкинский и другие говоры среднего диалекта. В отдельных говорах среднего и мишарского диалектов деепричастие на *-а, -э, -й* конкурирует с деепричастием на *-ыл*, а в диалектах сибирских татар оно имеет ограниченное употребление. В работе описана специфика функционирования этой формы, ее семантический потенциал в различных говорах, анализи-

рованы формы, выражающие характер протекания действия, в составе которых выступают деепричастия на *-а, -э, -й*.

Разнообразен и богат состав отрицательных форм деепричастий на *-ып* и *-а, -э, -й* в говорах татарского языка. В работе они сгруппированы следующим образом:

1) чистые или простые формы, образованные путем присоединения к глагольной основе аффикса *-ма, -мэ* и деепричастного аффикса *-й*: *-май, -мэй, -мый, -мий*;

2) формы, образованные при помощи сложного аффикса *-май* и аффикса *-ча, -чэ*: *-майча, -мэйчэ, -майсэ, -мэйсэ, -майчы, -мэйче, -мыйча, -мичэ* и др.;

3) формы, образованные из аффиксов *-май + чак*: *-мыйчак, -мичэк*;

4) формы, образованные при помощи аффикса *-май + чан*: *-мыйчан, -мичэн; -мыйсан, -мисэн*;

5) формы, образованные из аффикса *-май + древний аффикс деепричастия -ын*: *-майын, -мэен*;

6) формы, образованные сложным аффиксом *-майын + ча*: *-майынча, -майынчы, -мэенче* и др.

Автор выделяет классификационные признаки отдельных диалектов и говоров на уровне категории деепричастия. Дифференциальными признаками мишарского диалекта, например, являются: а) образование отрицательной формы при помощи аффиксов *-мап, -мыйнтча, -минтчэ, -минца, -миенца*; б) употребление вариантов деепричастия на *-ганчы* с первым узким гласным аффикса: *-гинча, -гинца; -гинцак, -гынчак* и др. Диалекты сибирских татар характеризуются наличием деепричастных форм на *-ганлы, -галы, -гансын, -гацын, -гасын* и др. Отличительными признаками среднего диалекта являются: а) отрицательные формы на *-май, -майчы, -мыйчан, -мыйчак* и др.; б) наличие фонетических и фонетико-морфологических вариантов деепричастия на *-гач*: *-гачын, -гачыннан, -гачтыннан*.

В разделах «Инфинитив» и «Имя действия» всесторонне охарактеризованы инфинитивные формы на *-ырга, -мага, -маа, -уга, -ма, -асы, -малы, -галы* и формы имени действия на *-у, -ыш, -мак, -мыш, -гу*, выделена ядерная и периферийная части диасистемы на уровне данных грамматических категорий, определены классификационные признаки отдельных диалектов и говоров.

В заключительной части автор исследует процесс развития семантики и функционального употребления неличных форм татарского глагола и взаимодействия всех элементов данной системы, обращает особое внимание на связь и взаимообусловленность развития и становления системы личных и неличных форм глагола, на многозначный и полифункциональный характер многих глагольных форм в тюркских языках.

Рецензируемая монография Ф. Ю. Юсупова вносит весомую лепту в разработку вопросов исторической грамматики татар-

ского языка. Примененная автором оригинальная методика, связанная с системно-синхронной и ареальной интерпретацией

материала, несомненно, привлечет внимание тюркологов.

Ф. М. Хисамова

А. Р. САЙФУЛЛАЕВ. СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗД-ВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1984, 128 стр.

В науке о синтаксисе существуют разные взгляды на главные и второстепенные члены предложения. В монографии А. Р. Сайфуллаева наряду с этими синтаксическими категориями рассматриваются и так называемые третьестепенные члены (термин автора) предложения, к которым он относит обращение и вводные конструкции.

В тюркологии вопрос о третьестепенном члене предложения затрагивается А. Р. Сайфуллаевым впервые. Причем автор специально останавливается на семантико-грамматических отношениях «третьестепенных членов» к главным и второстепенным членам предложения.

В первой главе книги излагается история изучения членов предложения в тюркских языках. Автор пишет о семантико-грамматической связи (согласование, управление, примыкание) «третьестепенных членов предложения», имеющих автономную интонацию, с его главными и второстепенными членами.

Обращения и вводные слова представляют собой явления речи. В процессе общения возникает ситуативная необходимость в употреблении этих конструкций. Этот вывод можно подтвердить примером: — *Халима, бугун кинога борасанми?* 'Халима, ты пойдешь сегодня в кино?' или *Бугун кинога борасанми?* 'Сегодня пойдешь в кино?' Как видим, слово *Халима* употребляется в зависимости от ситуации.

На наш взгляд, при разборе предложения следует различать опосредствованные или речевые члены предложения и непосредственные — грамматические члены предложения. Таким образом, опосредствованные речевые члены предложения можно было бы назвать неконструктивными, а непосредственные — конструктивными его грамматическими членами. Такой подход, думается, вносит определенную ясность не только в вопрос о месте обращения и вводных слов в предложении в целом, но и в использование термина «третьестепенный член предложения».

Автор монографии на большом фактическом материале раскрывает семанти-

ческую связь обращений и вводных слов с главными и второстепенными членами предложения. Говоря об этой связи, автор ссылается на высказывания А. Г. Руднева, который считает, что обращения и вводные слова соотносятся с членами предложения только семантически, то есть «...вносят определенный смысловой оттенок в высказывание»¹.

По мнению А. Р. Сайфуллаева, обращения и вводные конструкции могут быть эквивалентами главных и второстепенных членов предложения. Поясним сказанное на примерах. Предложения *Партия, сен қалбимиз* и *Партия—қалбимиз* — различны по структуре, одно — простое, другое — осложненное, а слово *партия* в них и интонационно, и функционально не идентично. Если изменить структуру предложения, заменив именное сказуемое глагольным, то можно убедиться в том, что взаимозаменяемость обращения и подлежащего в именных предложениях быть не может: *Партия, сен билан фахрланамиз* 'Партия, мы гордимся тобой' не может быть заменено предложением *Партия фахрланамиз* 'Партия, мы гордимся', ибо так сказать нельзя.

В зависимости от ситуации предложение может не включать обращения и вводные конструкции, но последние немыслимы без предложения. В этом и заключается главное свойство обращений и вводных конструкций. Значение обращений и вводных конструкций раскрывается только в предложении, благодаря наличию в нем главных и второстепенных членов.

Мысль автора книги об эквивалентности обращений и вводных конструкций главным и второстепенным членам предложения требует, на наш взгляд, глубокого научного обоснования. Так, говоря в этом смысле о дополнении, автор приводит такой пример: *Азиз дўстим, сени жуда кўргим келди* 'Дорогой друг, очень хочу видеть тебя'. Если здесь заменить слово *сени* сочета-

¹ А. Г. Руднев. Синтаксис простого предложения. М., 1960, стр. 22.

нием *азиз дўстим*, то произойдут следующие изменения:

а) осложненное предложение перейдет в простое распространенное предложение; б) *сени* стоит в винительном падеже, *азиз дўстим* — в основном падеже; в) *сени* — конструктивный член, а *азиз дўстим* неконструктивный член предложения; г) *азиз дўстим* имеет выделительную интонацию, а слово *сени* не выделяется интонационно в предложении; д) слово *сени* — местоимение в винительном падеже, а *азиз дўстим* — словосочетание, состоящее из двух слов (прилагательного и существительного) в именительном падеже; е) слово *сени* дано во 2-м лице единственного числа, а *азиз дўстим* в 3-м лице с притяжательным аффиксом 1-го лица единственного числа *-им*.

Одна из основных особенностей главных и второстепенных членов предложения состоит в том, что в диалогической речи они могут образовывать и неполные предложения; обращения же и вводные конструкции этой особенностью не обладают, что еще раз указывает на их неэквивалентность главным и второстепенным членам предложения.

Однако следует отметить, что предложение, в составе которого имеется обращение или вводная конструкция, с конструктивно-семантической точки зрения составляет единое целое. По нашему мнению, это положение соответствует семантико-структурному подходу к предложению.

Семантическая связь обращений и вводных конструкций с конструктивными членами предложения не вызывает сомнений. Но в грамматическом аспекте между ними нет таких связей, как предикативная, атрибутивная, объектная и релятивная.

Нельзя ограничивать функцию сказуемого только тем, что оно утверждает в предложении суждение о подлежащем. Такое узкое понимание роли сказуемого может быть отнесено лишь к двусоставным предложениям. В широком смысле сказуемое не только отрицает или утверждает что-либо, но вместе с тем является прежде всего центральным членом предложения.

Понятие предложения, как сейчас принято считать, тесно связано с понятием предикативности. Так как вводные конструкции сами по себе не могут выражать значения предикативности и сказуемости, то нет оснований, как мы полагаем, говорить об их эквивалентности сказуемому. Следовательно, не может быть речи и о грамматической связи вводных конструкций с второстепенными членами предложения.

А. Р. Сайфуллаев выдвигает четыре принципа выделения членов предложения, однако они относятся только к конструк-

тивным членам предложения. Действительно, обращения и вводные слова выражаются теми же средствами, что и последние. Но это общее положение еще не говорит о том, что вводные слова и обращения являются конструктивными членами предложения. Поэтому связь обращений и вводных конструкций с членами предложения не семантико-грамматическая, а семантико-стилистическая. Таким образом, члены предложения — это конструктивные части, служащие для построения предложения. Отсутствие обращения или вводных элементов никак не влияет на структуру предложения. Ср: *Албатта, кинога бораман* 'Конечно, пойду в кино' и 'Пойду в кино'. Эти предложения одно от другого отличаются только модальностью: в первом предложении выражено значение категоричности, в другом оно отсутствует. В диалогической речи:

— *Сиз кинога борасизми?* 'Вы в кино пойдете?'

— *Албатта* 'Конечно'.

Слово *албатта* здесь употреблено не в значении вводного слова, а в значении утверждения, аналогично предложению *Мен кинога бораман* 'Я пойду в кино'.

Употребление вводных конструкций в древнетюркском языке А. Р. Сайфуллаев рассматривает в диахронном и синхронном аспектах, более подробно останавливаясь на различии вводной конструкции и сложного предложения. В частности, он комментирует предложение типа *Биламач, сиз бунди ёмон кўрасиз* 'Знаю, вы его ненавидите'. Одни языковеды считают такую конструкцию сложным предложением, другие — относят к простому предложению с вводным членом. Сопоставляя это предложение с предложением типа *Хамма биладики, бириинчи космонавт — Юрий Гагарин* 'Все знают, что первый космонавт — Юрий Гагарин', автор соответственно различает их по структуре. Кроме того, значение слова *биламан* 'знаю' не дополняется следующим за ним компонентом.

Работа А. Р. Сайфуллаева посвящена синтаксической проблеме, важной не только для узбекского языка, но и для тюркских языков в целом. Во всех грамматиках тюркских языков обращения и вводные слова традиционно определяются как грамматически не связанные члены предложения. Рецензируемая работа, несомненно, привлечет внимание языковедов к решению синтаксических проблем, в том числе и проблемы вводных конструкций и обращений.

Б. Ш. Игамбердиев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДВЕНАДЦАТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

12—13 мая 1986 года в Нальчике на базе историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского ордена Дружбы народов госуниверситета состоялось Двенадцатое расширенное выездное пленарное заседание Советского комитета тюркологов. В нем приняли участие ученые Алма-Аты, Ашхабада, Бельцов, Брежнева, Горно-Алтайска, Елабуги, Казани, Киева, Львова, Москвы, Новосибирска, Нукуса, Самарканда, Якутска; особенно широко были представлены тюркологи Северного Кавказа и Закавказья — городов Баку, Карачаевска, Нальчика, Черкесска.

С приветственным словом к участникам пленарного заседания обратился проректор по науке Кабардино-Балкарского госуниверситета В. Д. Лесев.

Заместитель председателя Советского комитета тюркологов Э. Р. Тенишев (Москва) во вступительном слове сообщил, что с 1984 года Комитет ввел в практику выездные пленарные заседания, на которых широко обсуждается местная проблематика, связанная с общими интересами региона: Поволжского, как это было в 1984 году на Десятом пленарном выездном заседании Комитета в Чебоксарах, или Кавказского, как на настоящем Двенадцатом пленарном заседании. Вместе с тем, как правило, на всех заседаниях уделяется внимание общетюркологическим проблемам. Так, на нынешнем пленарном заседании запланировано обсудить вопросы, связанные с подготовкой к изданию «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», с состоянием работы над корпусом армяно-кыпчакских памятников. В программу заседания включены также дискуссии по общим, формальным и семантическим проблемам синтаксиса.

С докладом о современном состоянии тюркологических исследований в Кавказском регионе выступили С. Ш. Гаджиева, А. М. Аджиев, К. С. Кадыраджиев (Махачкала) — «Состояние и перспективы со-

ветского кумыковедения»*, Е. С. Айбазова, Р. Х. Керейтов, А. И.-М. Сикалиев (Черкесск) — «Состояние и перспективы советского ногоаведения»*, З. Х. Толгуров (Нальчик) — «Состояние и перспективы изучения литератур Северного Кавказа», М. З. Улаков (Нальчик) «Проблемы карачаево-балкарской стилистики»*, Х. Сабанчиев (Нальчик) — «Из истории собирания и изучения фольклора балкарцев и карачаевцев во второй половине XIX — начале XX в.».

Л. Ш. Арсланов (Елабуга) в докладе «Об изучении диалектов тюркских языков Нижневолжско-Северокавказского региона», остановившись на истории изучения диалектов татарского, ногайского и туркменского языков данного региона, основное внимание уделил определению языкового статуса этнических групп карагашей, юртовцев и алабугатцев в системе тюркских языков. По мнению докладчика, названные группы с учетом социального, психологического и языкового критериев могут считаться самостоятельными этническими группами ногайского происхождения, располагающими бесписьменными языками.

В докладе И. М. Мизиева (Нальчик) «Евразийские степи и Кавказ в истории тюркских народов» рассматривалась проблема времени и условий проникновения тюркоязычных племен в Восточную Европу и на Кавказ. При этом докладчик ссылаясь, с одной стороны, на сведения Пиндара, Гиппократа, Геродота (VI—V вв. до н. э.) об антропологическом облике некоторых «скифов», полностью согласующиеся с характеристикой гунов, которую дают Аммиан Марцеллин и Зозим (IV—V вв. н. э.), а с другой — на факт существования тюркских топогидронимов на самом гребне Центрального Кавказа; среди этих названий сохранились имена ранних тюрков — гунов, сабиров, басилоз, басмалы, булгар,

* Основное содержание докладов, отмеченных звездочкой, публикуется в настоящем номере журнала.

хазар, огузов. Явно тюркские слова (*ата, бек, бакатай, йурт, зыл*) имеются и на «Зеленчукской стеле». Подкрепляя это положение данными археологии, этнографии и фольклора, И. М. Мизиев пришел к выводу, что среди массы скифских племен были и тюркоязычные группы. Иначе, по его мнению, невозможно объяснить множество достоверных фактов их внешнего облика, быта, обрядов и традиций.

В докладе *Х. Х. Биджиева, К. М. Текеева* (Черкесск) «Изучение истории тюркских народов Северного Кавказа» был дан обзор соответствующей литературы, начиная с XVIII века (экспедиции Петербургской Академии наук) до наших дней. В советский период были обстоятельно изучены наиболее сложные проблемы истории и этнографии карачаевцев, балкарцев, кумыков, ногайцев, в том числе вопросы социально-экономического развития, политической истории, этногенеза, современной культуры и быта, и т. д.

В докладе *Н. Н. Ширококовой и Т. А. Николаевой* (Новосибирск) «О подготовке к изданию Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ) говорилось о состоянии подготовки макета пробного тома атласа и издании последнего. Первое обсуждение макета, подготовка которого запланирована на 1985—1986 гг., состоится 3—5 июня 1986 года в рамках совещания составителей «Диалектологического атласа тюркских языков Сибири». Вопрос о финансировании издания ДАТЯ СССР Советскому комитету тюркологов предстоит еще решить.

О состоянии работы над составлением «Корпуса армянографичных памятников кыпчакского языка XVI века» рассказал в своем докладе *И. А. Абдуллин* (Казань). Корпус в двух томах (объемом 50—60 авторских листов) составлен по плану и под эгидой Советского комитета тюркологов, обсужден сектором татарского языка Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР. В эти два тома вошли активные книги Каменец-Подольского армянского суда; все эти достаточно репрезентативные в языковом отношении тексты (за исключением трех) вводятся в научный обиход впервые. При подготовке текстов к изданию применялась (с некоторыми коррективами) система транскрипции латиницей с элементами транслитерации на арменистической основе, разработанная Э. Шютцем и Эд. Трыарским. Использование этой системы вполне гарантирует восстановление первоначального текста, хотя и затрудняет в известной мере его фонетическую интерпретацию. Корпус содержит также русский перевод текстов, указатели собственных имен и географических названий, библиографию и глоссарий. В глоссарий включены сложные слова, устойчивые словосочетания, все языковые и контекстуальные значения слова.

После доклада И. А. Абдуллина выступили содокладчики-рецензенты, отметив-

шие актуальность данной проблемы для науки, в первую очередь тюркологической (для изучения всей группы кыпчакских языков), активного введения в широкий научный обиход большого объема кыпчакских текстов армянского письма. Содокладчик-рецензент *А. Н. Гаркавец* (Киев) в своем выступлении остановился на принципе подбора текстов и способе их графического воспроизведения. Он считает, что по своему исполнению предлагаемая к публикации работа не соответствует замыслу, так как в данном случае представлен не корпус или свод памятников, а всего лишь одна из двадцати восьми сохранившихся актов книг армянского суда г. Каменец-Подольска, написанных на армяно-кыпчакском языке (с большим или меньшим количеством текстов на других языках).

Тексты воспроизведены приспособленной для этой цели латиницей. При этом автор отходит от арменистической традиции, выдерживаемой польскими публикаторами армяно-кыпчакских памятников. Столь же непоследователен автор в тюркологической транскрипции (в передаче гласных); принятая система трансграфики не дает представления о фонетическом облике славянских заимствований. Русские переводы нуждаются в тщательном редактировании — в первую очередь в плане адекватного отражения местных исторических реалий.

Второй содокладчик-рецензент *Я. Р. Дашкевич* (Львов) также отметил, что название работы является дискуссионным (заглавие «Корпус» обязывает к изданию всех армяно-кыпчакских текстов, что в настоящее время вряд ли возможно). Для издания, особенно при его продолжении, желательно подбирать тексты, наиболее насыщенные исконно тюркской лексикой. И. А. Абдуллин избрал систему транслитерации—транскрипции, позволяющую реконструировать первоначальную армянскую графику. Сборник желательно снабдить аннотированной библиографией ранее изданных текстов на армяно-кыпчакском языке и научным аппаратом (особенно вспомогательными указателями), рассчитанным на тюркологов различного профиля.

Ф. С. Хакимзянов (Казань) доложил участникам пленума о результатах обсуждения «Корпуса армянографичных надписей кыпчакского языка XVI века» в секторе языка Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР. В «Корпус» вошли, отметил он, только старейшие тексты из сохранившихся актов книг Каменец-Подольского суда. Факсимиле этих текстов, транскрипция (на латинской основе) дел 8 и 11 сопровождаются русским переводом, обширным глоссарием, указателями собственных имен и географических названий. Принципы, которыми И. А. Абдуллин руководствовался при составлении «Корпуса», а также узловые вопросы, касающиеся его состава, принятой в нем транскрипции, обсуждались.

помимо заседаний сектора языка и ученого совета ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР и на X пленарном заседании Советского комитета тюркологов. И. А. Абдуллин проделал большую работу, имеющую научное значение не только для изучения кыпчакского языка, но и для тюркологии в целом, что позволило рекомендовать ее в печать. Особо ценным при этом был признан глоссарий, являющийся, по сути, кыпчакско-русским словарем. Остановившись на принятой в «Корпусе» транскрипции, Ф. С. Хакимзянов отметил, что в передаче текстов И. А. Абдуллина удалось сохранить и продолжить лучшие традиции исследования аналогичных надписей.

Вне программы XII пленарного заседания были зачитаны сообщения Х. Х. Малкондуева (Нальчик) «Балкаро-карачаевская мифология» и Г. Х. Ахагова (г. Брежнев, ТАССР) «Роль Тукая в формировании и развитии системы художественно-изобразительных средств татарского национального литературного языка».

Заместитель председателя Советского комитета тюркологов Э. Р. Тенишев выступил с отчетным докладом Комитета за 1985 год, а также информировал собравшихся о наиболее значительных тюркологических публикациях (библиографический перечень приводится ниже).

В соответствии с планом работы Советского комитета тюркологов 10—12 сентября 1985 года в Ашхабаде была проведена IV Всесоюзная тюркологическая конференция.

Завершилась подготовка третьего расширенного совещания, посвященного проблемам этимологии тюркских языков¹.

Продолжалась работа над вторым вопросом (все разделы грамматики) «Лингвистического атласа Европы». Вышел в свет второй том атласа.

В соответствии с планом продолжается работа над третьим и четвертым томами «Корпуса памятников древнетюркской письменности» — «Рунические памятники Монголии» и «Рунические памятники Средней Азии».

Завершается выборка материала из свода русских летописей для «Корпуса древнерусских сообщений о тюркских народностях (до монгольского нашествия)».

В 1985 году Проблемной комиссией по теории и истории литературных языков при Институте языкознания Академии наук СССР издана коллективная монография «Функциональная стратификация языков» (при участии тюрколога-историка языка). В настоящее время проводится исследование понятия «норма литературного языка»

в синхронном и диахроническом плане (соответственно монография планируется в двух томах, также с участием тюрколога).

XI пленарное заседание Советского комитета тюркологов проведено 18—19 марта 1985 года в Москве².

Настоящее XII расширенное выездное пленарное заседание Советского комитета тюркологов подготовлено объединенными усилиями Бюро Комитета и коллектива кафедры балкарского языка и литературы историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского госуниверситета.

План работы Советского комитета тюркологов за 1985 год выполнен полностью.

По докладу Г. Ф. Благовой (Москва) был утвержден план работы Советского комитета тюркологов на 1986 год (публикуется ниже).

В развернувшихся по докладам прениях особенно активно обсуждались вопросы этногенеза и истории языков тюркоязычных народов Северного Кавказа. По этой проблеме выступили М. З. Закиев (Казань), К. М. Абдуллаев (Баку), М. А. Хабичев (Карачаевск), С. Я. Байчоров (Карачаевск), И. В. Кормушин (Москва).

Касаясь попыток некоторых историков оперировать языковыми данными, Э. Р. Тенишев в своем выступлении подчеркнул, что скифы — это собирательное название конгломерата различных племен, и поэтому неисторично интерпретировать сохранившиеся в источниках языковые данные, исходя из материалов современных тюркских языков.

Н. А. Баскаков (Москва) отметил научно необоснованные попытки некоторых исследователей неоправданно удревнять этногенез ряда тюркских народов, исходя из сомнительных этимологий (например, *аллан* *oγlan* 'сын, юноша' или *ясы* *jaš jas* 'сын, молодой'), неправомерных сопоставлений и проч., в то время как наукой доказано, что формирование современных тюркских народов и народностей относится к значительно более позднему периоду, чем этим ученым хотелось бы. Для решения вопросов этногенеза тюркских племен и народностей необходимо опираться на достоверные источники, использовать всю имеющуюся отечественную и зарубежную научную литературу, с которой упомянутые исследователи знакомы явно недостаточно. В результате высказываются антинаучные суждения, подрывающие престиж советской тюркологической науки, которая традиционно пользовалась высоким авторитетом и занимала приоритетное место в мире.

Я. Р. Дашкевич обратил внимание участников дискуссии на то, что при освещении начальных периодов истории карачаево-балкарского языка необходимо

¹ Оно было проведено в Алма-Ате на базе Института языкознания Академии наук Казахской ССР 28—30 мая 1986 года. (Примечание редакции).

² См.: «Советская тюркология», 1985, № 2, стр. 101—106.

объективно использовать имеющиеся источники, в частности те, в интерпретациях которых много спорного (ономастика, эпиграфика). Нагромождение плохо обоснованных гипотез затеняет историю языка, а иногда компрометирует всю проблематику. В этнолингвистически весьма пестром Северокавказском регионе необходимо учитывать самые разнообразные языковые контакты, изучать иноязычные компоненты, в том числе и иранские, значение которых при исследовании истории тюркских языков порою недооценивается.

Ш. Ф. Мухамедьяров (Москва) отметил как положительный факт, что в программу пленумов Советского комитета тюркологов стали включаться историко-этнографические проблемы. Остановившись на развернувшейся дискуссии по вопросам этногенеза тюркоязычных народов Северного Кавказа, он сказал, что советская этнографическая наука выработала достаточно четкие методологические принципы изучения этногенеза. Обращая внимание участников дискуссии на методологическую сторону историко-этнолингвистических исследований, Ш. Ф. Мухамедьяров призвал к тщательному изучению исторических и других источников и к всемерному их пополнению, отметив, что в настоящее время широко вводятся в научный обиход документы Посольского приказа (начиная с конца XV в.).

Е. З. Кажибеков (Алма-Ата) говорил о необходимости и плодотворности разработки проблематики по тюркской этнолингвистике, которая могла бы изучаться координированно, общими усилиями тюркологов центра и республик. Пора отказаться, сказал он, от неправомерной практики непосредственного возведения отдельных живых тюркских языков к тем или иным древним языкам, а также от сопоставления разновременных форм на основе звуковой и кажущейся семантической аналогии. В подобных случаях можно сопоставлять только праформы, реконструированные в результате этимологического анализа.

Е. З. Кажибеков, М. З. Закиев, М. А. Хабичев отметили, что программа XII пленарного заседания Комитета составлена удачно.

Н. Е. Петров (Якутск) высказал мнение, что важно широко привлекать к участию в пленумах Комитета местные научные кадры, которые смогут дать полную информацию о состоянии тюркологической науки в данном регионе. Он обратил также внимание участников пленума на то, что во многих тюркских языках служебные слова и средства выражения модальности остаются малознаменными. Между тем изучение служебных слов способствует познанию развития грамматического строя языков, явлений аналитизма и грамматикализации. В заключение Н. Е. Петров проинформировал членов Советского комитета тюркологов о том, что 1—3 октября 1986 года в Якутске будут проведены «Харнто-

новские чтения». Он подчеркнул также, что к настоящему времени составлены три атласа якутского языка, однако ни один из них пока не издан.

Э. Р. Тенишев указал на необходимость, в соответствии с новейшими достижениями общего и частного языкознания, периодически обновлять грамматические описания тюркских языков, прежде всего—малознаменных.

Заместитель главного редактора журнала «Советская тюркология» И. С. Сеидов (Баку) отметил, что журнал стал неотъемлемой частью советской тюркологической науки. Тюркологам хорошо известно, что в настоящее время почти ни одно тюркологическое издание не обходится без ссылок на публикации журнала. В нем практически публикуются итоги почти всех последних и наиболее значительных научных разысканий советских тюркологов-филологов. Журнал «Советская тюркология», имеющий широкий выход за рубеж, стал теперь фактически активным пропагандистом марксистско-ленинского языкознания среди тюркологов других стран. Освещая на своих страницах наиболее актуальные проблемы тюркской филологии, журнал наглядно раскрывает достижения советской тюркологической науки, занимающей приоритетное место в мире. На страницах журнала рецензируется и аннотируется подавляющее большинство тюркологических изданий, выходящих как в центре, так и в республиках и областях. В дальнейшем редакции журнала хотелось бы еще более расширить отделы рецензий и информации (хроники) о тюркологической жизни в нашей стране и за рубежом. Редакция продолжает испытывать нужду в статьях теоретического и обобщающего характера, в литературоведческих работах. Редакция обращается к руководству научных учреждений и вузов с просьбой активнее снабжать ее подобными материалами. Хотелось бы в заключение еще отметить, что в этом году журнал «Советская тюркология» вступил в 17-й год своего существования и четвертый номер текущего года явится его, так сказать, юбилейным — сотым номером со дня организации этого всесоюзного печатного органа.

Е. И. Убрятова (Новосибирск), подводя итоги изучению тюркских языков Сибири за истекшую пятилетку, отметила плодотворную работу М. И. Черемисиной и В. И. Расадина. Составлением макета пробного тома «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» занимаются Н. Н. Широкова и Т. А. Николаева, хотя к собиранию материалов для атласа и к участию в его подготовке привлечено более тридцати человек.

Подводя итоги заседания, Э. Р. Тенишев сообщил, что выполнена вся обширная программа XII пленума Советского комитета тюркологов. Из докладов по региональной

тематике стало очевидно, насколько необходима подготовка нормативных грамматик кумыкского и ногайского языков. В области литературоведения и фольклористики на первый план выдвигаются исследования литературных связей и взаимосвязей в фольклоре. Подчеркивая важное значение источников, Э. Р. Тенишев призвал молодых тюркологов овладевать арабским ал-

фавитом для того, чтобы получить доступ к старым памятникам.

На XII пленуме Комитета были представлены многие тюркологические центры, за что Э. Р. Тенишев выразил благодарность организаторам пленума — И. Х. Ахматову, Ж. М. Гузееву, М. З. Улакову и др.

XII пленарное заседание Советского комитета тюркологов приняло резолюцию (публикуется ниже).

ИЗ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИИ 1985 ГОДА

Э. З. Абдуллаев, *И. М. Сеїдов, А. Г. Насанов*. Мүасир Азербайжан дили. Синтаксис. IV hissə. Баку, 1985; *А. С. Аманжолов*. Тюркская руническая графика. III (наглядный материал — иртышские, илийские и сырдарьинские надписи). Алма-Ата, 1985; *Р. Х. Аннаева*. Фразеологические устойчивые словосочетания в памятниках туркменского языка (по названиям частей речи). Ашхабад, 1985; *Н. А. Баскаков*. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. М., 1985; *Н. А. Баскаков*. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985; *Э. А. Бегматов*. Ҳозирги ўзбек адабий тилининг лексик қатламлари. Тошкент, 1985; *Ч. Ч. Валиханов*. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4, 5, Алма-Ата, 1985 (на казахском языке); «Вопросы диалектологии тюркских языков», Уфа, 1985; «Вопросы истории башкирского литературного языка», Уфа, 1985; «Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1984; «Вопросы советской тюркологии. Тезисы докладов и сообщений (IV Всесоюзная тюркологическая конференция)», Ашхабад, 10—12 сентября 1985 г., Ашхабад, 1985; *Ф. А. Ганиев*. Конверсия в татарском языке. Казань, 1985; *Д. М. Насилов*. Теоретические взгляды тюркологов О. Н. Бёглингга и В. В. Радлова. — «Грамматические концепции в языкознании XIX века», Л., 1985; *Ж. М. Гузеев*. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков, Нальчик, 1985; *Н. Г. Гулямова*. Русские лексические заимствования в узбекском языке. Ташкент, 1985; «Древние и средневековые тюркские памятники в исследованиях зарубежных ученых. Научно-аналитический обзор», Алма-Ата, 1985; *Р. Икромова*. Ўзбек тилида отларнинг синтетик, аналитик ва функционал формалари. Тошкент, 1985; «Исследования венгерских ученых по чувашскому языку», Чебоксары, 1985; *Ю. Ишанкулов*. К истории названий плодов в узбекском языке. Ташкент, 1985; *М. Казембек*. Избранные произведения. Баку, 1985; *Ә. Қайдаров, М. Оразов*. Түркологияға кіріспе. Алматы, 1985; *Ф. Каримов*. Ҳозирги ўзбек адабий тилининг совет давридаги тараққиёти. Тошкент, 1985; «К формированию языка татар Поволжья и Приуралья», Казань, 1985; *А. Мамедов*. Тюркские согласные: аналит и комбинаторика (сравнительно-исторические и историко-типологические проблемы фонологических и морфонологических изменений согласных в тюркских языках). Баку, 1985; «III научные чтения, посвященные памяти академиков И. А. Батманова, К. К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева». Тезисы докладов и сообщений, 19—20 сентября 1985. Ош, 1985; «Ономастик» Киргизии», вып. 1. Фрунзе, 1985; *С. Раҳимов*. Ўзбек тили Сурхондарё шевалари (Фонетика. Лексика). Тошкент, 1985; «Русско-казахский фразеологический словарь». Алма-Ата, 1985; *К. К. Сартбаев*. Языковедение в Киргизии. Фрунзе, 1985; *З. Р. Садыкова*. Говор оренбургских татар. Казань, 1985; *Ш. Ч. Сат*. Тувинская диалектология. Кызыл, 1985; «Синтаксическая и лексическая семантика», Новосибирск, 1985; «Теория и практика этимологических исследований», М., 1985; «Типы коммуникации и содержательный аспект языка. Тезисы конференции молодых научных работников, посвященной 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. 21—23 октября 1985 г.», М., 1985. (Ряд тезисов по тюркскому языкознанию); «Тюрко-дагестанские языковые взаимоотношения», Махачкала, 1985; «Тюркское языкознание. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции», Ташкент, 1985; *Е. И. Убратова*. Историческая грамматика якутского языка (Учебное пособие). Якутск, 1985; *Е. И. Убратова*. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985; «Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык», Новосибирск, 1985; *Э. Р. Тенишев*. Система форм существования древнеуйгурского языка. — «Функциональная стратификация языков», М., 1985; *Т. Х. Хайрутдинова*. Говор златоустовских татар. Казань, 1985; *М. Ф. Чернов*. Фразеология современного чувашского языка. Чебоксары, 1985; *Я. Чунгаев*. О связях туркменского и древнетюркского языков с венгерским. Ашхабад, 1985; *Ф. Ю. Юсупов*. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань, 1985.

Были изданы следующие авторефераты: кандидатских диссертаций:

Д. А. Байтабаева. Информационные характеристики казахского текста. Алма-Ата, 1985; *Р. А. Закиров.* «Куанши им пусар». Опыт филологического и лингвистического исследования памятника древнетюркского литературного языка. М., 1985; *К. Молдабеков.* Лингвистическое исследование казахских текстов для младших школьников. Алма-Ата, 1985; *Б. А.-К. Мусуков.* Структурные модели глагольного аффиксального словообразования в карачаево-балкарском языке (продуктивные и непродуктивные модели). М., 1985; *А. П. Назаров.* Художественно-функциональные основы экспрессивности фразеологических единиц (на материале киргизского языка). М., 1985; *А. Пигапов.* Предложения с именным сказуемым в английском языке и их соответствия в туркменском языке. М., 1985; *Н. А. Яимова.* Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. М., 1985;

докторской диссертации:

Н. К. Турниязов. Синтаксическая деривация гипотаксиса в современном узбекском языке. М., 1985.

Г. Ф. Благова

ДИСКУССИЯ: «ФОРМАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СЛОЖНЫХ И ОСЛОЖНЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ»

В рамках плана работы XII пленарного заседания Советского комитета тюркологов состоялась дискуссия «Формальные и семантические подходы к изучению сложных и осложненных конструкций тюркских языков», на которой были заслушаны доклады М. И. Черемисиной (Новосибирск), М. З. Закиева (Казань), С. Н. Иванова (Ленинград) и И. Х. Ахматова (Нальчик). Хотя доклады и несколько различались по терминологии, трактовке частных явлений и в подходе к ним, однако им была присуща одна общая черта — стремление авторов охватить все факты, не производя селекции материала в угоду априорно принятой схеме. В этом заключается основное значение нынешнего обсуждения проблемы сложного и осложненного предложений.

В докладе М. И. Черемисиной «О сложном и осложненном предложении в алтайских языках Сибири» была изложена концепция, разрабатываемая автором и ее учениками, исследующими в рамках единого подхода синтаксис языков Сибири. По мнению докладчика, сложное предложение — бипредикативная конструкция, каждая часть которой включает свой формально самостоятельный предикативный узел, двучленный или одночленный. Позиция подлежащего в любой части предложения на уровне фраз может быть пуста, но в модели она сохраняется и четко противопоставляется в 3-м лице. Отсутствие этой позиции на уровне модели сигнализирует о «не сложности» (осложненности) модели. Граница эта относительна и условна, так как в тюркских языках немало моделей, преимущественно моносубъектных, по которым образуются специфические фразы с двумя подлежащими, но с одним расчлененным представлением о субъекте.

От степеней сложности целесообразно отличать степень относительной самостоятельности (автономности) зависимой предикативной единицы. С этой точки зрения противостоят друг другу одночленные модели — как более связанные, и двучленные — как более свободные. Однако и среди тех и других можно установить свою градацию, причем среди присловных обнаруживаются модели с более высокой степенью автономности зависимой предикативной единицы, чем среди обстоятельственных (связанных с главной частью в целом).

Среди моделей, оцениваемых как сложные, существуют типы модели, противопоставленные по многим другим признакам. Например, применительно к полипредикативной конструкции с присловной зависимой предикативной единицей можно говорить о больших и меньших «степенях сложности», что связано с устранением определенных компонентов конструкции.

Конструкции с союзным способом присоединения финитно организованной зависимой части в языках Южной Сибири относительно немногочисленны. Наряду с бесспорно союзными, аналитическими моделями существуют и такие, оценка которых как союзных или аналитико-синтетических (с аналитической, инфинитивной формой сказуемого) не является однозначной.

М. З. Закиев в докладе «Синтактика и семантика тюркских синтаксических конструкций, имеющих более одной предикативности» рекомендовал по признаку усложненности/неусложненности различать предложения монопредикативные, полупредикативные, бипредикативные и полипредикативные. По его мнению, предикативность, как любое синтаксическое явление, имеет план содержания (пропози-

цию) и план выражения (схему предложения). Она бывает полной и зависимой (неполной, ущербной). Различается еще и полупредикативность, которая содержит пропозицию, выражаемую не схемой предложения, а лишь аффиксом, словом или словосочетанием. В полуторепредикативных предложениях имеется одна полная предикативность и одна (иногда несколько) полупредикативность, которая может быть выражена условным глаголом, деепричастием, причастием, инфинитивом, именем действия, предикативным словом, поясняющим членом, присоединением, однородными членами, а также членами, сопутствующими аффиксам страдательного, повелительного, взаимно-совместного залогов, аффиксам сравнения, иногда лишь одним из этих аффиксов: *Укыгач аядадым* 'Понял после того, что прочел'; *Ул кайтты, лэкин азгагына* 'Он приехал, но не надолго'; *Гали ана хат язмышты* 'Гали помог ему написать письмо'; *Мин синган көчлерэк* 'Я сильнее тебя' и т. д. Бипредикативные (сложные) предложения (так и полипредикативные) характеризуются наличием одной полной предикативности, одной (в полипредикативных — более одной) зависимой предикативности. По степени неполноты зависимая предикативность может быть выражена спаянным или придаточным предложением. Спаянное предложение вступает в связь с главным при помощи формы своего сказуемого, позицию которого могут занимать имена действия, причастия, деепричастия, условные глаголы, предикативные слова, прилагательные или наречия, имеющие при себе самостоятельный субъект. Придаточное предложение вступает в связь с главным при помощи таких средств, которые не составляют формы его сказуемого. Поэтому придаточное предложение внешне совпадает с монопредикативным предложением. Далее докладчик остановился на некоторых особенностях сложносочиненных, сложномодальных и полипредикативных предложений.

В докладе С. Н. Иванова «Проблема зависимых глагольных конструкций в тюркских языках и вопросы методологии», зачитанном на пленуме, было высказано пожелание, чтобы в области исследования синтаксиса предложения возобладали, наконец, единый методологический подход к языкам самой разнообразной типологии, предполагающий движение исследования не от термина к существу дела, а от существа дела к поискам наиболее подходящей терминологии. Перед исследователем предстают зависимые конструкции и части предложения, выражающие различные типы отношения к независимой части предложения. Это отношения подлежащие, определяющие, дополняющие, обстоятельственные, сказуемые, то есть

изоморфные соответствующим членам предложения, а также более сложные отношения, из которых лишь некоторые имеют аналоги в сфере членов предложения как таковых: причинные, целевые, условные, уступительные, сравнительные, сопоставительные, следственные, изъяснительные, присоединительные. Система зависимых частей предложения в тюркских языках устроена таким образом, что все зависимые конструкции, изоморфные членам предложения, формируются посредством причастий и деепричастий, а из более сложных отношений некоторые также могут выражаться причастиями (причинные, целевые, изъяснительные, уступительные, сравнительные), и лишь единичные типы отношений выражаются причастиями (условные, следственные, сопоставительные, присоединительные). Широта функций причастий обусловлена в тюркских языках двумя особенностями их грамматического строя, не имеющими аналогов в европейских языках: а) наличием категории принадлежности, среди функций которой имеется и функция выражения действующего лица при инфинитивных личных формах глагола; б) возможностью употребления причастного определения при словах, обозначающих по отношению к предшествующему причастию не только субъект или прямой объект действия, выраженный причастием (как, например, в русском языке), но и обозначающих время или место действия, любой косвенный объект действия, а также находящиеся в еще более сложных отношениях с предшествующим причастием или всем определенным оборотом в целом (изъяснительные, притяжательные и некоторые другие отношения). Попытки поисков придаточных предложений среди причастных и деепричастных конструкций в тюркских языках, по мнению докладчика, должны быть решительно отвергнуты, так как они вызваны не грамматической реальностью тюркских языков, а исключительно терминологическими причинами и искусственной привязкой тюркских синтаксических построений к семантически близким им иноязычным конструкциям. Вопрос о характере связи причастий и деепричастий со словами в основном падеже в составе причастных и деепричастных оборотов, выражающих свой, отдельный от подлежащего того предложения, в которое включены эти обороты, субъект действия, как считает С. Н. Иванов, должен решаться особо. Связь эта не может быть признана в полной мере предикативной.

В прениях приняли участие: А. З. Абдуллаев (Баку), К. М. Абдуллаев (Баку), Е. И. Убрятова (Новосибирск), Е. К. Скрибник (Новосибирск), Л. А. Шамина (Новосибирск), Г. А. Гайдариж (Бельцы), А. А. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Н. Е. Пет-

ров (Якутск), Н. Н. Ефремов (Якутск), Е. А. Поцелуевский (Москва), И. В. Кормушин (Москва).

Своими воспоминаниями о дискуссии 1956 года, посвященной обсуждению проблем сложного предложения в тюркских языках, поделилась Е. И. Убрятова. Она отметила, что в исследовании тюркских языков за прошедшие годы достигнут значительный прогресс.

В сообщении Е. К. Скрибник рассматривалось понятие зависимой предикативности, в частности личный ее аспект. Как известно, существует мнение, что инфинитные — «именные» — формы глагола с притяжательным оформлением организуют не предикативные узлы, а именные словосочетания. В этой связи на примере причастных определительных конструкций в бурятском, а также тувинском и алтайском языках демонстрировалось, что притяжательные показатели при инфинитной форме глагола имеют именно личное, а не посессивное значение.

В выступлении Л. А. Шаминой отмечалось, что в сибирских тюркских языках координация главных членов предложения представлена полнее, чем в некоторых других языках, например среднеазиатских. Тувинский язык в этом отношении является показательным, так как здесь оформление зависимого сказуемого аффиксами грамматического лица и согласование с подлежащим носит полностью регулярный характер. Следует различать три парадигмы такого оформления (спряжения). I. Лично-предикативные аффиксы 1-го типа (*мен, сен, Ø*) используются в таких конструкциях, где связь между частями полипредикативной конструкции (ППК) — союзного типа, а сами части строятся по тому же принципу, что и простое предложение. II. Лично-предикативные аффиксы 2-го типа (*-м, -н, Ø*) используются во всех обстоятельственных ППК причастно-падежного типа, в отдельных типах определительных конструкций и темпоральных конструкциях со служебными именами — в составе зависимого сказуемого. III. Лично-притяжательные аффиксы (*-м, -н, -ы/-и*) используются в управляемых (актантных) причастно-падежных ППК, в обстоятельственных ППК причастно-падежного типа, в определительных ППК. В случае отсутствия грамматических показателей лица в 3-лице, следует говорить о лично-предикативном типе спряжения, а когда они есть — о лично-притяжательном типе спряжения (падеж подлежащего в первом случае прямой, во втором — родительный).

Е. А. Поцелуевский, касаясь вопроса о предикативности как характеристике компонентов сложного и осложненного предложений, сказал, что, на его взгляд, можно

было бы, не дожидаясь достижения единства мнений в вопросе о предикативности зависимого компонента сложного (осложненного) предложения, в практических целях довольствоваться положением о субъектно-предикатной структуре так называемого предикативного сочетания — именно как условия допущения его предикативности. Принципиальная двучленность предикативного сочетания, лежащего в основе самостоятельного предложения, обосновывается с помощью понятий эллипсиса и нулевой формы выражения структурного элемента применительно к безличным, неопределенно-личным и обобщенно-личным предложениям. Есть основания поэтому требовать принципиальной двучленности и от зависимых частей предложения, которым приписывается свойство предикативности.

Н. Е. Петров отметил, что синтаксические средства выражения модальности — вводные члены, сопутствующие члены, обращения, вставные члены, вводные, вставные предложения и т. д. — своеобразно осложняют предложение. Из них последние переплетаются с зависимыми частями предложения. Главным признаком их различения с разными синтаксическими оборотами является, помимо семантики, их интонация. Поэтому для изучения проблем сложных и осложненных предложений необходимо учитывать интонацию как один из признаков проявления синтаксической семантики.

В выступлении Н. Н. Ефремова были рассмотрены основные типы сложного предложения в современном якутском литературном языке, в котором наряду с синтетическими и аналитико-синтетическими конструкциями функционируют и аналитические сложноподчиненные и сложносочиненные предложения (союзные конструкции и конструкции с союзными словами). Как особый тип сложного предложения Н. Н. Ефремов выделяет также бессоюзные соединения предложений, где имеется подчинительная и сочинительная связь.

А. А. Тыбыкова отметила, что в тюркских языках Сибири, в отличие от языков других регионов, более интенсивное развитие получили синтаксические конструкции, где организующим узлом зависимой части выступают причастные и деепричастные формы. Материал алтайского языка показывает, что сказуемое зависимой части полипредикативных конструкций является очень «гибким»: оно выражает грамматические категории наклонения, времени и лица, может также выступать в падежном и притяжательном оформлении.

Е. А. Поцелуевский

ПЛАН РАБОТЫ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ НА 1986 ГОД

1. Проведение расширенного Третьего совещания по этимологии языков в Алма-Ате. Исполнители: Институт языкознания АН КазССР (А. Т. Кайдаров, Е. З. Кажибетов), сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР. Срок: 28—30 мая 1986 г.

2. Участие в проведении 29 Постоянной международной алтаистической конференции (ПИАК) на тему «Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности» в Ташкенте.

Исполнители: Всесоюзная ассоциация востоковедов АН СССР, Институт востоковедения АН СССР, Институт языка и литературы АН УзССР, сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Срок: 15—21 сентября 1986 г.

3. Составление макета пробного тома «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». Обсуждение макета в рамках Совещания по «Диалектологическому атласу тюркских языков Сибири» в Новосибирске, (июнь, 1986 г.).

Исполнители: сектор языков народов Сибири, отдела филологии ИИФФ Сибирского отделения АН СССР (Е. И. Убрятова, Н. Н. Широкова, Т. А. Николаева). Научный консультант по лингвистическому картографированию М. А. Бородин.

Срок: 1986 г.

4. Участие в разработке и составлении «Лингвистического атласа Европы» (тюркоязычные районы Европейской части СССР).

Исполнители: Э. Р. Тенишев, диалектологи Татарской АССР, Чувашской АССР, Башкирской АССР, Молдавской ССР, Кабардино-Балкарской АССР, Карачаево-Черкесской АО.

5. Подготовка третьего и четвертого томов «Корпуса памятников древнетюркской письменности» — «Рунические памятники Монголии» (т. III) и «Рунические памятники Средней Азии» (т. IV).

Исполнители: III том — Тюрко-монгольский кабинет ЛО ИВ АН СССР (С. Г. Кляшторный), IV том — отдел письменных памятников народов Востока ИВ АН СССР (Д. Д. Васильев) и АН Киргизской ССР.

Сроки: 1979—1988 гг.

6. Подготовка «Корпуса древнерусских сообщений о тюркских народностях (до монгольского нашествия)».

Исполнитель: Я. Р. Дашкевич (Львов).

Сроки: 1985—1990 гг.

7. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по языкознанию в академических научных учреждениях союзных республик.

Исполнители: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Сроки 1986—1990 гг.

8. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по литературоведению и фольклористике в академических научных учреждениях союзных республик.

Исполнитель: секция литературоведения и фольклористики СКТ (Х. Г. Короглы).

Сроки: 1986—1990 гг.

9. Участие в совместной работе проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания АН СССР (руководитель М. М. Гухман) в целях активизации исследований по истории тюркских литературных языков.

Исполнитель: Э. Р. Тенишев.

Сроки: 1986—1990 гг.

10. Учет публикаций тюркоязычных рукописей и текстологических исследований.

Исполнители: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Сроки: 1986—1990 гг.

11. Проведение выездного XII пленарного заседания Советского комитета тюркологов в г. Нальчике с обсуждением состояния тюркологических исследований в Северокавказском регионе. Дискуссия: «Формальные и семантические подходы в изучении сложных и осложненных синтаксических конструкций тюркских языков».

Исполнители: Бюро СКТ (А. Н. Кононов, Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. В. Кормушин), Кабардино-Балкарский госуниверситет (И. Х. Ахматов, Ж. М. Гузев, М. З. Улаков).

Срок: 12—13 мая 1986 г.

12. Подготовка XIII пленарного заседания Советского комитета тюркологов. Исполнители: Бюро СКТ (А. Н. Кононов, Э. Р. Тенишев, И. В. Кормушин). Срок: март 1987 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ

XII ПЛЕНУМА СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

Нальчик, 14 мая 1986 года

12—14 мая 1986 года в г. Нальчике состоялся очередной XII пленум Советского комитета тюркологов, организованный и проведенный Бюро Советского комитета тюркологов совместно с кафедрой балкарского языка и литературы ордена Дружбы народов Кабардино-Балкарского государственного университета, ректорату которого, а также коллективу кафедры во главе с проф. И. Х. Ахматовым участники пленума выражают свою признательность.

На пленуме были заслушаны доклады о состоянии изучения языков, литературы, фольклора, истории и археологии тюркских народов Северного Кавказа, ведущегося в местных научно-исследовательских учреждениях и вузах. Представленные доклады свидетельствуют о расширении круга решаемых вопросов, привлечении новых источников и материалов, росте квалификации научных и педагогических кадров.

Обсуждение за «круглым столом» вопросов карачаево-балкарского языкознания показало острую заинтересованность ученых в лингвистическом обосновании проблем этногенеза тюркоязычных народов Северного Кавказа с методически выдержанных позиций исторической грамматики карачаево-балкарского и других ближайше родственных языков. Поэтому создание исторической грамматики карачаево-балкарского языка, как и исторических грамматик других младо- или новописьменных языков, является настоятельной потребностью тюркского исторического языкознания.

Вместе с тем серьезные задачи стоят в области описания синхронного состояния грамматики и лексики языка карачаевцев и балкарцев, исследования живых процессов слово- и особенно терминотворчества, стилистической дифференциации, изучения нормированности и регулирования норм в различных сферах языковой жизни литературного карачаево-балкарского языка.

Дискуссия по проблемам сложного предложения выявила определенное продвижение в понимании специфических закономерностей тюркского синтаксиса, заключающееся в том, что учитывается наличие в различных тюркских языках разнообразных переходных по форме и содержанию конструкций зависимой предикации. Основной задачей в этой области тюркского языкознания является выявление и изучение способов формального и семантического соподчинения частей сложного синтаксического построения в их системных соотношениях и связях автономно для каждого тюркского языка, построения соответствующей типологии и закрепления вырабатываемых понятий в адекватной терминологии.

В выступлениях на пленуме при обсуждении научно-организационной деятельности Комитета был внесен ряд предложений, одобренных участниками пленума:

1. Советскому комитету тюркологов необходимо продолжать практику организации научных дискуссий по наиболее спорным вопросам тюркского языкознания, литературоведения, фольклористики, этнографии, археологии, истории, обратив особое внимание на проблемы комплексного характера, требующие скоординированного анализа данных языка, материальной и духовной культуры. В этой связи целесообразно проведение совместно с республиканскими тюркологическими центрами региональных совещаний по указанным комплексным проблемам, таким, как этногенез тюркоязычных народов различных регионов, межрегиональные связи в фольклоре, история формирования современных национальных языков, национальное и интернациональное в современной тюркоязычной литературе и т. п.

2. Вызывает серьезное беспокойство задержка с изданием «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ), готового к печати. До сих пор не определены издающая организация и источники финансирования этого сложнейшего и дорогостоящего предприятия. Пленум постановил организовать комиссию Советского комитета тюркологов в составе: члена-корреспондента Академии наук СССР Э. Р. Тенишева (председатель), д. ф. н. Г. Ф. Благовой, к. ф. н. А. Н. Гаркавца—которой поручается в возможно короткие сроки изучить проблему в целом и обратиться в соответствующие вышестоящие органы, вплоть до директивных, с просьбой разрешить возникающие проблемы и обеспечить скорейшее издание ДАТЯ.

3. Важнейшей линией организационной деятельности Советского комитета тюркологов в предстоящие годы является совместная с Академией наук Киргизской ССР

работа по подготовке V Всесоюзной тюркологической конференции (Фрунзе, октябрь 1988). Разработанную и проводимую Бюро Советского комитета тюркологов и сектором тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР программу мероприятий по обсуждению важнейших проблем тюркского языкознания (симпозиумы и совещания по проблемам синтаксиса сложного предложения, составления исторических грамматик и историй литературных языков, лексикологии и ономастики, теории грамматических категорий) необходимо дополнить аналогичной системой по актуальным проблемам литературоведения и истории.

4. При подготовке сборника армяно-кыпчакских текстов XVI века к печати автору к. ф. н. И. А. Абдуллину рекомендовано учесть замечания и предложения, высказанные в ходе специального обсуждения работы на пленуме. Советский комитет тюркологов просит дирекцию и ученый совет Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР при утверждении книги к печати включить в состав редакционной коллегии члена-корреспондента Академии наук СССР Э. Р. Тенишева, к. п. н. Я. Р. Дашкевича, к. ф. н. Ф. С. Хакимзянова, в число рецензентов — к. ф. н. А. Н. Гаркавца.

ХРОНИКА

ЗАСЕДАНИЕ БЮРО СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

14 мая 1986 года в Нальчике состоялось заседание Бюро Советского комитета тюркологов под председательством заместителя председателя Советского комитета тюркологов члена-корреспондента Академии наук СССР Э. Р. Тенишева. Принято решение о создании Секции по изучению Турции при Советском комитете тюркологов, утверждены Положение о Секции (см. ниже) и Бюро Секции в следующем составе: д. и. н. Ю. А. Петресян (председатель), к. ф. н. С. Н. Утургаури (заместитель председателя), д. ф. н. А. Н. Баскаков, к. и. н. Д. Д. Васильев, д. э. н. Н. Г. Киреев, к. и. н. Ю. А. Ли, к. ф. н. Т. Д. Меликов (ученый секретарь).

Была заслушана информация заместителя главного редактора И. С. Сеидова о работе журнала «Советская тюркология». В докладе и выступлениях членов Бюро указывалось на ту значительную роль, которую вот уже шестнадцать лет играет журнал в деле объединения и координации усилий тюркологов страны, их взаимной информированности в научных и организационных вопросах и, далеко не в последнюю очередь, — в деле ускорения публикаций, в подъеме научного уровня исследований периферийных учреждений, расширении тематики и т. п. Вместе с тем отмечались частные недостатки в работе редколлегии и редакции: нерегулярно созываются заседания редколлегии (хотя это и связано с объективными трудностями — разбросанностью членов редколлегии по отдаленным городам), члены редколлегии не всегда заблаговременно и в полном объеме информируются о составе портфеля и проектах номеров. Редакции рекомендовано строже подходить к отбору статей в номера, воздерживаться от публикации материалов, содержащих мало аргументированные или спекулятивные положения и теории (в особенности по проблемам древнейшей истории тюрков, их этногенеза, донационального состояния их языков и т. п.), подвергая такие материалы квалифицированному рецензированию авторитетных специалистов центральных учреждений Академии наук СССР.

И. В. Кормушин

П О Л О Ж Е Н И Е

О СЕКЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТУРЦИИ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА АКАДЕМИИ НАУК СССР (СИТ СКТ)

1. Секция по изучению Турции состоит при Советском комитете тюркологов и осуществляет свою деятельность под руководством СКТ и его Бюро в тесной организационной связи с ведущими научными учреждениями и вузами СССР.

2. СИТ СКТ объединяет специалистов в области истории, политики, экономики, языка, литературы, письменных памятников, культуры, этнографии и религии Турции. Для организации текущей работы образуется Бюро Секции, утверждаемое на пленуме СКТ (заседании Бюро СКТ).

3. Задачами Секции являются:

а) содействие исследованиям духовной и материальной культуры Турции и турецкого языка с древнейших времен по настоящее время на основе марксистско-ленинской методологии, предполагающей, в частности, рассмотрение исторического процесса в любой отдельной стране в тесной взаимосвязи с мировым;

б) пропаганда принципов ленинской внешней политики СССР, достижений совет-

ской туркологической науки среди научных и широких общественных кругов Советского Союза и за рубежом;

в) внесение предложений через СКТ в другие научные и общественные органы и учреждения по координации и развитию туркологических исследований в СССР.

4. Всесоюзная конференция специалистов по изучению Турции созывается один раз в три-четыре года. Тема конференции, состав участников, место и время ее проведения, а также кандидатуры членов организационного комитета определяются на пленумах СКТ (заседаниях Бюро СКТ) по представлению Бюро Секции.

5. В период между туркологическими конференциями Бюро СИТ организует и проводит научные заседания, которые являются открытыми. Бюро Секции заблаговременно рассылает членам СИТ повестку заседания.

6. Членом Секции по изучению Турции может быть любой гражданин СССР или иностранец, временно или постоянно проживающий на территории СССР, признающий настоящее Положение, желающий участвовать в научных мероприятиях Секции и подавший об этом письменное заявление в Бюро Секции, которое на своем заседании утверждает прием в члены. Член Секции имеет право участвовать во всех мероприятиях Секции — конференциях и заседаниях, ставить на них свои доклады и принимать участие в научных и организационных дискуссиях. Член Секции может быть исключен из ее состава решением Бюро СКТ по мотивированному представлению Бюро Секции. Исключенный из членов Секции имеет право апеллировать к пленуму СКТ.

Утверждено на заседании Бюро СКТ 14 мая 1986 г.

Н Е К Р О Л О Г И

МАРАТ КОПТЛЕУИЧ НУРМУХАМЕДОВ

21 июня 1986 года на пятьдесят седьмом году жизни трагически погиб академик Академии наук Узбекской ССР, заслуженный деятель науки Узбекской ССР и Каракалпакской АССР, член Союза писателей СССР, ректор Нукусского государственного университета, заместитель председателя Советского комитета тюркологов, член редколлегии журнала «Советская тюркология», доктор филологических наук, профессор Марат Коптлеуиш Нурмухамедов.

М. К. Нурмухамедов родился 6 января 1930 года в гор. Турткуле в семье служащего. После окончания факультета русского языка и литературы Нукусского госпединститута М. К. Нурмухамедов работал учителем средней школы. В 1950—1953 годах он учился в аспирантуре Института востоковедения Академии наук СССР.

В 1953 году он защитил кандидатскую диссертацию «Влияние русской литературы на развитие каракалпакской советской литературы».

С 1953 по 1961 год М. К. Нурмухамедов работал старшим научным сотрудником, а затем заведующим отделом и заместителем директора Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института Академии наук Узбекской ССР, председателем Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, председателем Союза писателей Каракалпакской АССР.

В 1961 году М. К. Нурмухамедов избирается секретарем Каракалпакского обкома Компартии Узбекистана.

В 1965 году М. К. Нурмухамедов защищает докторскую диссертацию, посвященную проблемам каракалпакской советской прозы. В 1974 году он избирается действительным членом Академии наук Узбекской ССР и назначается директором Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР. В 1974—1979 годах М. К. Нурмухамедов — вице-президент этой Академии наук.

В 1979—1985 годы он академик-секретарь Отделения истории, языкознания и литературоведения и член президиума Академии наук Узбекской ССР; с марта 1985 года — ректор Нукусского государственного университета.

Перу М. К. Нурмухамедова принадлежит ряд монографий по вопросам истории культуры и литературы народов Средней Азии, научно-популярные работы и учебники для вузов и средней школы. М. К. Нурмухамедов автор ряда творческих портретов каракалпакских и узбекских писателей, исследований, посвященных вопросам зарождения письменных литератур у полупоселенных народов Средней Азии, русско-каракалпакских и каракалпакско-среднеазиатских историко-культурных и литературных взаимоотношений, культурного наследия. В числе его работ следует назвать «Влияние русской литературы на развитие каракалпакской советской литературы» (1956), «Краткий очерк истории каракалпакской советской литературы» (1959), «Каракалпакская советская проза» (1968), «О зарождении письменной литературы у

полуоседлых и кочевых народов Средней Азии и Казахстана» (1970), «Каракалпаки» (историко-этнографический очерк в соавторстве с Т. А. Жданко и С. К. Камаловым, 1972), «Из истории русско-каракалпакских культурных связей» (1974), «Бердах—великий поэт каракалпакского народа» (1977), «Аяпберген Муса улы — зачинатель каракалпакской советской литературы» (1980), «Судьба народов—судьба культур» (1982), «Сказки А. С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии» (1983), «Пушкин, Оренбург и оренбуржцы» (1984).

М. К. Нурмухамедов активно выступал за идейную чистоту советской литературы, против ее извращения в буржуазной печати. Принимал деятельное участие в работе различных съездов, научных конференций, совещаний, симпозиумов, выступая с докладами и сообщениями по самым актуальным вопросам литературы народов Средней Азии и Казахстана. Обобщением этих выступлений являются его исследования «Литературная наука и идеологическая борьба» (1976), «Литература и идеология» (1977) и другие, опубликованные на английском, венгерском, турецком языках.

В 1984—1985 годах вышли из печати избранные сочинения ученого в двух томах.

М. К. Нурмухамедов один из соавторов учебника для 10-го класса средней школы «Каракалпакская советская литература» (с 1956 года вышло 11 изданий) и учебника под тем же названием (1980) для студентов филологического факультета Нукусского госуниверситета.

Отдельные работы М. К. Нурмухамедова публиковались, помимо русского и каракалпакского, также на языках народов СССР.

М. К. Нурмухамедову принадлежат заслу-

ги и в деле подготовки высококвалифицированных кадров — литературоведов-тюркологов как для Узбекистана, так и для других республик Средней Азии и страны.

Принимая самое деятельное участие в общественной жизни, ученый являлся председателем спецсовета по защите докторских диссертаций при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина (1969—1985), членом научных советов по литературоведению, редколлегий журналов «Советская тюркология», «Звезда Востока», «Общественные науки в Узбекистане» и др.

М. К. Нурмухамедов был лауреатом государственных премий им. Бердаха Каракалпакской АССР (1970) и им. Беруни Узбекской ССР (1983), заслуженным деятелем науки Каракалпакской АССР (1973) и Узбекской ССР (1983). Он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Каракалпакской АССР и Верховного Совета Узбекской ССР. Был заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Каракалпакской АССР (1985).

Научно-организационная, педагогическая и общественная деятельность академика М. К. Нурмухамедова была высоко оценена партией и правительством: он награжден орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», медалями.

Светлая память о Марате Коптлеуиче Нурмухамедове, ученом-коммунисте, известном деятеле каракалпакской и узбекской науки и культуры, замечательном человеке, навсегда сохранится в сердцах его коллег и учеников, всех, кто его знал и общался с ним.

Д. С. Насыров, У. Д. Доспанов

САЛИХ МУТАЛЛИБОВ

24 апреля с. г. скончался видный узбекский языковед, неутомимый труженик науки Салих Муталлибов. Он родился в 1900 году в Ташкенте, в просвещенной семье. В юности он получил основательную подготовку по арабскому и персидскому языкам в медресе.

В 1917—1918 годах С. Муталлибов закончил краткосрочные курсы по подготовке преподавателей и до 1927 года работал учителем, позже — заучем в школах им. Фараби и Бедия.

В 1927 году он поступил и в 1930 году окончил педагогическую академию в Самарканде, целиком отдавшись после этого обучению населения грамоте. Для этого им был создан

ряд учебников, таких, например, как «Янги эл» («Новый народ»), «Колхозчи болалар» («Колхозные дети»), которые в дальнейшем много раз переиздавались.

В 1936 году тяга к знаниям привела С. Муталлибова в аспирантуру. Последний год аспирантуры (1938) он проходил в Ленинграде. Здесь он посещает лекции Л. В. Щербы, И. И. Мещанинова, С. Е. Малова, Е. Э. Бертельса, что оказало большое влияние на его формирование как ученого. По возвращении в Ташкент он был включен в состав юбилейного комитета по изучению жизни и творчества Алишера Навои. Работа в юбилейном комитете многое дала молодому ученому: он познакомился с уни-

кальными рукописями поэта, участвовал в подготовке материалов о жизни и творчестве Алишера Навои, переводил с персидского языка тексты, освещающие жизнь поэта. В этот период им был написан ряд работ по творчеству Навои, была подготовлена к изданию первая поэма из «Хамсы» («Пятерицы») поэта — «Хайрат ал-аб-рар» («Смятение праведных»).

В 1946 году С. Муталлибов защитил кандидатскую диссертацию «Критический

текст „Хайрат ал-абрар“». В 1944—1952 годах С. Муталлибов сначала работал заведующим отделом рукописей Института востоковедения, а с 1952 по 1973 год — научным сотрудником Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР. Период деятельности в последнем институте был наиболее плодотворным в жизни ученого. Здесь им был написан ряд ценных работ и подготовлен узбекский перевод «Девону лугатит-турк» Махмуда Кашгари. В числе этих работ, написанных по материалам письменных памятников XI—XIV веков, следует упомянуть такие, как «Краткий очерк по лексике и морфологии» и «Глагол в памятниках XI века».

В 1967 году за исследования, посвященные «Дивану» Махмуда Кашгари, С. Муталлибову была присуждена ученая степень доктора филологических наук. Глубокое знание арабского языка позволило ему успешно перевести на узбекский язык памятник XIV века «Ат тухфату закийагу фил лугатит туркийя» («Изысканный дар тюркскому языку»). Он является переводчиком на узбекский язык и «Тысячи и одной ночи» (тома: 1, 2, 8).

В последние годы С. Муталлибов работал в Институте рукописей Академии наук Узбекской ССР и опубликовал в сборниках этого института ряд ценных статей, посвященных языку произведений Навои.

Светлая память о С. Муталлибове навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал и работал с ним.

Э. А. Умаров

АЮБ ГУЛЯМОВИЧ ГУЛЯМОВ

28 мая 1986 года после тяжелой продолжительной болезни скончался видный узбекский языковед, заведующий кафедрой узбекского языкознания Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, доктор филологических наук, профессор Аюб Гулямович Гулямов.

А. Г. Гулямов родился 14 мая 1914 года в Ташкенте. По окончании факультета языка и литературы Ташкентского педагогического института, он в 1936 году был принят в аспирантуру и в 1940 году защитил кандидатскую диссертацию «Определение в узбекском языке». В этом же году им была издана монография под тем же названием, положившая начало систематическому научному исследованию ученым синтаксического строя узбекского языка.

Особое место среди научных работ А. Г. Гулямова занимает его капитальный труд «Проблемы исторического словообразования имени в узбекском языке», который он защитил в качестве докторской диссертации в 1955 году. Это исследование автора было с одобрением встречено видными советскими тюркологами и получила их высокую оценку.

Научные работы А. Г. Гулямова по фонетике, этимологии, словообразованию, морфологии, морфонологии, морфемике, синтаксису были широко использованы при создании академической грамматики современного узбекского языка.

А. Г. Гулямов был одним из ведущих авторов двухтомной академической грамматики узбекского языка (1973), многих

школьных и вузовских учебников, пособий, словарей по родному языку.

А. Г. Гулямов был талантливым ученым,

педагогом и умелым организатором науки. С 1942 года и до конца своей жизни он возглавлял кафедру узбекского языкознания Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина и многое сделал для подготовки высококвалифицированных научных и педагогических кадров. Под его руководством защищено свыше тридцати кандидатских и десять докторских диссертаций. А. Г. Гулямов являлся председателем специализированного ученого совета ТашГУ по защите кандидатских и докторских диссертаций по филологическим наукам, членом Топонимической комиссии Верховного Совета Узбекской ССР и ряда ученых советов научных учреждений. За активную научно-педагогическую и общественную деятельность он был награжден Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР и Президиума Верховного Совета Каракалпакской АССР.

Светлая память о видном лингвисте и замечательном педагоге Аюбе Гулямовиче Гулямове навсегда сохранится в сердцах его многочисленных друзей, коллег и учеников.

*А. Н. Нурманов, К. Назаров,
Э. Дадаходжаев*

АБДУЛЛА ГУСЕЙН ОГЛЫ ВЕЛИЕВ

8 июня 1986 года на семьдесят шестом году жизни скончался один из старейших азербайджанских диалектологов, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова Абдулла Гусейн оглы Велиев.

А. Г. Велиев родился в феврале 1910 года в Баку в семье кустаря. В 1931 году он окончил лингвистическое отделение восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина.

Начав свою трудовую деятельность в 1927 году, А. Г. Велиев работал в различных организациях в качестве переводчика, психотехника и учителя. С 1939 года он навсегда связывает свою судьбу с научно-педагогической деятельностью. В 1939 — 1940 годы А. Г. Велиев — заместитель декана факультета иностранных языков Азербайджанского педагогического института, а с 1941 года возглавляет кафедру азербай-

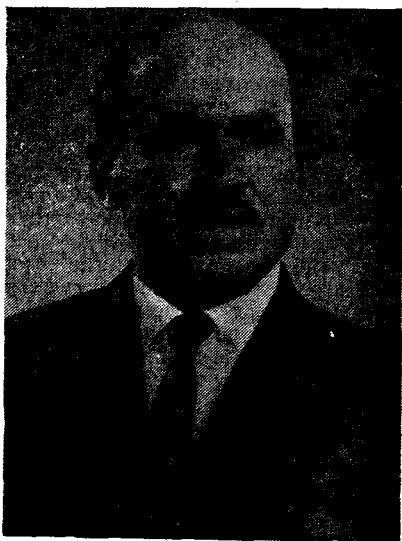
джанского и русского языков этого же вуза.

А. Г. Велиев был участником Великой Отечественной войны. Будучи раненным в боях под Новороссийском, А. Г. Велиев демобилизуется и с 1943 года вновь возвращается к научно-педагогической работе уже в Азербайджанском государственном университете им. С. М. Кирова, одновременно возглавляя издательство Академии наук Азербайджанской ССР. В 1949—1950 годы А. Г. Велиев — ученый секретарь Института языка Академии наук Азербайджанской ССР.

В 1951 году А. Г. Велиев был направлен в аспирантуру Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В ноябре 1952 года он защищает кандидатскую диссертацию «Говоры западных районов Апшеронского полуострова».

В 1954—1960 годы А. Г. Велиев возглавляет кафедру азербайджанского языка в Азгосуниверситете и является старшим на-

учным сотрудником Института литературы и языка им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР.

С 1958 по 1966 год А. Г. Велиев — ответственный секретарь издаваемого в Баку периодического сборника «Вопросы диалектологии тюркских языков». Он выполнял также обязанности ученого секретаря Республиканского координационного совета при Академии наук Азербайджанской ССР по языковедческим дисциплинам, а также ученого совета Азгосуниверситета им. С. М. Кирова.

В 1975 году А. Г. Велиев защитил докторскую диссертацию «Переходные говоры азербайджанского языка». В этой работе он впервые применил методы лингвистической географии и математической лингвистики

для изучения вокализма и консонантизма переходных говоров и создал атлас изоглосс фонетических и морфологических явлений, отражающих специфические особенности этих говоров. С 1978 года А. Г. Велиев профессор и научный консультант кафедры тюркологии Азгосуниверситета им. С. М. Кирова.

Как диалектолог А. Г. Велиев принимал участие в работе многих научных конференций и совещаний, был постоянным участником ряда диалектологических экспедиций.

А. Г. Велиев является одним из авторов таких капитальных работ, как «Диалекты и говоры Нахичеванской АССР» (1962), «Диалектологический словарь азербайджанского языка» (1964), «Западная группа диалектов и говоров азербайджанского языка» (1967).

А. Г. Велиев также автор ряда учебных пособий по курсу азербайджанской диалектологии: «Материалы по азербайджанской диалектологии (лексика геокчайских переходных говоров)» (1960), «Азербайджанская диалектология. Морфология и синтаксис переходных говоров» (1975), «Практикум по азербайджанской диалектологии» (1978). Под его редакцией был издан сборник «Проблемы лингвистической географии, исторической диалектологии и истории тюркских языков» (Баку, 1982).

А. Г. Велиев награжден двенадцатью боевыми и трудовыми медалями, а также Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

Светлая память о А. Г. Велиеве, видном ученом, чутком и отзывчивом человеке, навсегда сохранится в сердцах его коллег, друзей и учеников.

А. А. Багиров, Э. И. Азизов

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Ш. Х. Акбаев (Карачаевск). О причинах редукции гласных в тюркских языках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- У. Ф. Надергулов (Уфа). Башкирско-казахские языковые контакты 14

ОНОМАСТИКА

- Р. Г. Ахметьянов (Казань), Ш. З. Бахтиев (Баку). К этимологии гидронима «Йайык ~ джайык» 18

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Э. Э. Мамедов (Баку). Просодика азербайджанского языка с позиции суперсегментной фонологии 21
- А. М. Бушуй, А. А. Яхшиев (Самарканд). Фразеология узбекской диалогической речи 27
- Ж. М. Гузеев (Нальчик). Фонетические и морфологические особенности чокающего диалекта карачаево-балкарского языка 31
- Н. М. Худиев (Баку). Об образовании неологизмов в азербайджанском языке 37
- А. Н. Гаркавец (Киев). Фонетическая субституция как прием «поэтизации» урумской песенной речи 43
- М. Р. Федотов (Чебоксары). О происхождении двух типов пратюркского языка 51
- М. З. Улаков (Нальчик). Проблемы карачаево-балкарской стилистики 56
- Е. С. Айбазова, А. И.-М. Сикалиев (Черкесск). Состояние и перспективы развития ногайской филологии 61
- А. М. Аджиев, К. С. Кадыраджиев (Махачкала). Состояние и перспективы развития кумыкской филологии 69

РЕЦЕНЗИИ

- А. А. Абдуазизов (Ташкент), Х. Г. Нигматов (Бухара). «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика». 78
- С. М. Ибрагимов (Казань). М. З. Зәкиев. Хәзерге татар әдәби теле синтаксисы һәм пунктуациясе 81
- А. Ш. Шерматов, Э. С. Акмоллаев (Ташкент). Г. Қайдаров, М. Оразов. Түркологияға кіріспе 83
- Ф. М. Хисамова (Казань). Ф. Ю. Юсупов. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка 85
- Б. Ш. Игамбердиев (Бухара). А. Р. Сайфуллаев. Семантико-грамматические особенности членов предложения в современном узбекском языке 89

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Г. Ф. Благова, Е. А. Поцелуевский (Москва). Двенадцатое пленарное заседание
Советского комитета тюркологов 91

ХРОНИКА

- И. В. Кормушин (Москва). Заседание Бюро Советского комитета тюркологов 102

НЕКРОЛОГИ

<u>Марат Коптлеуич Нурмухамедов</u>		104
<u>Салих Муталлибов</u>		105
<u>Аюб Гулямович Гулямов</u>		106
<u>Абдулла Гусейн оглы Велиев</u>		107

C O N T E N T S

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- Sh. Kh. Akbayev (Karachayevsk). On causes of vowels reduction in the Turkic
languages 3

LANGUAGES IN CONTACT

- U. F. Nadergulov (Ufa). Bashkir-Kazach language contact 14

ONOMASTICS

- R. G. Akhmetyanov (Kazan). Sh. Z. Bakhtiev (Baku). To the etymology of hydro-
nym jajyq ~ zajyq 18

REPORTS, SURVEYS

- E. E. Mamedov (Baku). Prosody of the Azerbaijan language from standpoint of
suprasegmental phonology 21
- A. M. Bushuy, A. A. Yakhshiyev (Samarkand). Phraseology of Uzbek dialogue
speech 27
- J. M. Guzeyev (Nalchik). Phonetic and morphological peculiarities of «tchokanye»
dialekt in Karachai-Balkar 34
- N. M. Kbudiyeu (Baku). On the formation neologisms in the Azerbaijan language 37
- A. N. Garkavets (Kiev). Phonetic substitution as means of «poeticization» of
Urum song speech 43
- M. R. Fedotov (Cheboksari). On origin of two types of Pra-Turkic language 51
- M. Z. Ulakov (Nalchik). Problems of Karachai-Balkar stylistics 56
- Y. S. Aibazova, A. I. Sikaliyev (Cherkesk). State and perspectives of Nogai philo-
logy development 61
- A. M. Adjiyev, K. S. Kadyradjiyev (Makhach-Kala). State and perspectives of
the development of Kumyk philology 69

REVIEWS

- A. A. Abduazizov (Tashkent), Kh. G. Nigmatov (Bukhara). «Сравнительно-исто-
рическая грамматика тюркских языков. Фонетика» 78
- S. M. Ibragimov (Kazan). М. З. Зэкнев. Хазерге татар әдәби теле синтаксисы
һәм пунктуация 81

<i>A. Sh. Shermatov, E. S. Akmollayev</i> (Tashkent). Г. Қайдаров, М. Оразов. Түркологияға кіріспе	83
<i>F. M. Khisamova</i> (Kazan). Ф. Ю. Юсупов. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка	85
<i>B. Sh. Igamberdiyev</i> (Bukhara). А. Р. Сайфуллаев. Семантико-грамматические особенности членов предложения в современном узбекском языке	89

SCIENTIFIC LIFE

<i>G. F. Blagova, Y. A. Potseluyevskiy</i> (Moscow). The 12-th Plenary Session of the Soviet Committee of Turkologists	91
--	----

CHRONICLE

<i>I. V. Kormushin</i> (Moscow). The Bureau Session of the Soviet Committee of Turkologists	102
---	-----

OBITUARY

<u>Marat Koptleuich Nurmuhamedov</u>	104
<u>Salikh Mutalibov</u>	105
<u>Ayub Gulyamovich Gulyamov</u>	106
<u>Abdulla Gusein ogly Veliyev</u>	107

© «Советская тюркология», 1986 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин*

Сдано в набор 23.07.86 г. Подписано к печати 17.09.86 г. ФГ 21685. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 7347. Тираж 2460. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.